

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2026 '1

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2026

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (*заместитель главного редактора*, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- М. В. Певная** (Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; доктор социологических наук, доцент),
- Т. К. Ростовская** (Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
доктор социологических наук, профессор),
- О. В. Рябов** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
- З. Х.-М. Саралиева** (Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
- И. Н. Смирнова** (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент),
- Р. Н. Сулейманова** (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- А. В. Белова** (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- И. С. Клещина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
- Н. С. Рычихина** (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2026
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2026

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2026

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- Prof. **O. A. Khasbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Assoc. Prof. **M. V. Pevnaya**, Dr. Sc. Sociology (Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg),
Prof. **T. K. Rostovskaya**, Dr. Sc. Sociology (Institute for Demographic Research —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. M. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo),
R. N. Suleymanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2026
© Ivanovo State University, 2026

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 3—15.
Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 3—15.

Научная статья

УДК 004.8:316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/zcebfq>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Надежда Александровна Шведова

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады им. академика Г. А. Арбатова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. В эпоху стремительного развития технологий и искусственного интеллекта знания и инновации становятся ключевыми ресурсами общества. Тема гендерного равенства приобретает особую значимость, ведь равные возможности для женщин и мужчин в сфере науки, технологий, инженерии и математики напрямую влияют на прогресс и справедливость в мире. Несмотря на заметное продвижение, женщины по-прежнему сталкиваются с барьерами в интеллектуальных и технологических сферах: от недостатка доступа к качественному образованию — до стереотипов и предвзятости, которые ограничивают их карьерные возможности. Глобальные инициативы ООН, ЮНЕСКО, Всемирной организации интеллектуальной собственности в контексте интеграции гендерной перспективы и продвижения программ по интеграции гендерной составляющей в развитие искусственного интеллекта не могут не вызывать пристального внимания и подлинного интереса в условиях, когда искусственный интеллект выполняет функцию одного из ключевых факторов трансформации современного общества и экономики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гендерное равенство, ООН, ЮНФПА, ВОИС, ЮНЕСКО, интеллектуальная эпоха, Всемирный экономический форум, алгоритмическая предвзятость, проактивное лидерство, Международная организация труда, обучающие алгоритмы, глубокие нейронные сети, структура «ООН-женщины»

Для цитирования: Шведова Н. А. Искусственный интеллект и гендерное равенство: глобальные инициативы // *Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 3—15.*

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND GENDER EQUALITY: GLOBAL INITIATIVES

Nadezhda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. In the era of rapid development of technologies and artificial intelligence, knowledge and innovation are becoming key resources of society. The topic of gender equality is of particular importance, because equal opportunities for women and men in the field of science, technology, engineering and mathematics directly affect progress and justice in the world. Despite significant progress, women still face barriers in intellectual and technological fields: from lack of access to quality education to stereotypes and biases that limit their career opportunities. Global initiatives of the UN, WIPO, UNESCO in the context of integrating a gender perspective and promoting programs to integrate a gender component into the development of artificial intelligence cannot but attract close attention and genuine interest in conditions where artificial intelligence (AI) is performing the function of one of the key factors in the transformation of modern society and the economy.

Key words: artificial intelligence, gender equality, UN, UNFPA, WIPO, UNESCO, intellectual age, World Economic Forum, algorithmic bias, proactive leadership, International Labour Organization, learning algorithms, deep neural networks (deep learning), UN Women

For citation: Shvedova, N. A. (2026) *Iskustvennyĭ intellekt i gendernoe ravenstvo: global'nye initsiativy* [Artificial Intelligence and gender equality: global initiatives], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—15.

Введение

Сегодня все меньше скептиков в мире в отношении развития искусственного интеллекта (ИИ) как важного этапа технологического прогресса с огромным потенциалом. В СМИ регулярно встречается информация по использованию искусственного интеллекта в школах, дискуссия об этом находится в центре обсуждения. Пример из США, округ Майами-Дейд, штат Флорида, где в преддверии начала нового учебного года прошло заседание школьного совета, который рассмотрел вопрос о разработке конкретных рекомендаций для учителей по внедрению искусственного интеллекта в своих классах [Brugal, 2024]. Активное стремление внедрить искусственный интеллект в учебный процесс знаменует собой заметный сдвиг по сравнению с предыдущими годами. В школах уже начали использовать искусственный интеллект, однако округу еще предстоит разработать официальную систему, на которую могли бы ссылаться сотрудники или учащиеся. Тем временем Университет штата Флорида (США), по сообщениям СМИ (в частности, «Нью-Йорк Таймс»), через свою целевую группу по образованию в масштабах всего штата приступил к разработке рекомендаций по искусственному интеллекту для местных школ. В газете подчеркнуто: «Искусственный интеллект не придет, он уже здесь... Нет никакого способа запретить это или остановить — есть только способы пережить это и научиться наилучшим образом использовать» (The New York Times. 2025. August). Вполне резонное суждение.

Однако не меньше и тех, чьи голоса звучат тревожно с требованиями ответственного подхода и регулирования.

Что такое искусственный интеллект?

Искусственный интеллект — это совокупность методов и технологий, позволяющих машинам выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. В основе ИИ лежат алгоритмы — формальные процедуры или наборы правил для решения задач и обработки данных. В контексте ИИ алгоритм — это последовательность операций, реализуемых программным обеспечением для анализа данных, обучения на них и принятия решений.

ИИ становится все более влиятельным инструментом в различных сферах жизни — от экономики и здравоохранения до образования и государственного управления. Вместе с тем внедрение ИИ вызывает новые проблемы в области социального равенства, в частности, гендерного равенства. Алгоритмы и модели машинного обучения часто отражают и усиливают существующие гендерные стереотипы и дискриминацию, что требует комплексного политологического анализа и разработки целенаправленных мер.

Немного истории

История возникновения науки об искусственном интеллекте (англ. *artificial intelligence — AI*) относится к середине XX века. При этом широко известно существование идеи создания машин, механических существ, автоматов, о чем свидетельствуют различные древние мифы и сказания. Современный этап ведет отсчет от 1956 г., когда на конференции в Дартмуте¹ был официально введен термин «искусственный интеллект» [McCarthy et al., 2006].

Основными объективными факторами, побудившими развитие ИИ, стали такие, как: потребность автоматизировать рутинные и сложные умственные задачи и оптимизировать производства, науку, военные и социальные процессы; стремление понять природу человеческого мышления через моделирование; развитие вычислительной техники и теории алгоритмов. Следовательно, можно считать, что человечество в своем историческом движении оказывается в интеллектуальной эпохе, опыт которой известен.

Что такое «интеллектуальная эпоха»?

Интеллектуальная эпоха — это период в истории человечества, которому характерно доминирование знаний, информации и интеллектуальной деятельности как ключевых факторов развития общества.

Какие периоды в истории можно назвать интеллектуальной эпохой, совместимы ли интеллектуальные эпохи с голодом, насилием, конфликтами и войнами? Ученые признают существование нескольких периодов, которые характеризуются значительными достижениями в науке, философии, искусстве и технологии. Ниже упомянем пять таких эпох.

¹ Конференция состоялась в Дартмутском колледже (англ. *Dartmouth College*) — частный исследовательский университет, один из старейших в США, входящий в элитную Лигу плюща; один из девяти колониальных колледжей, основанных до Американской революции, находится в Хановере, штат Нью-Гэмпшир, США. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Колониальные_колледжи (дата обращения: 04.06.2025).

1. *Древнегреческая эпоха (V — IV вв. до н. э.)*. Данный период — основа для западной философии и науки. Философы Сократ, Платон и Аристотель закладывали основы логики, этики и метафизики. Научные достижения в математике и астрономии также сделали этот период интеллектуальным.

2. *Эпоха Возрождения (XIV — XVII вв.)*. Воскрешение интереса к классической античности и развитию гуманистических идей. Значительный прогресс в искусстве, науке и литературе связан с именами Леонардо да Винчи и Галилео Галилея.

3. *Просвещение (XVII — XVIII вв.)*. Эпоха характеризуется развитием рационализма и научного метода. Мыслители-философы Вольтер, Руссо и Кант продвигали идеи свободы, равенства и прав человека. Это время также стало основой для социальных и политических изменений.

4. *Индустриальная революция (XVIII — XIX вв.)*. Время научных и технологических достижений, которые изменили производственные процессы и общественные структуры. Появление новых технологий (паровая машина и телеграф), рост знаний и экономическое развитие.

5. *Современная информационная эпоха (конец XX века — настоящее время)*.

Возникают вопросы: *как интеллектуальная эпоха связана с нравственностью человека и каково соотношение интеллектуальной эпохи с добротой и другими человеческими качествами, с эмпатией, в частности?*

Ответ звучит обнадеживающе: современная интеллектуальная эпоха, для которой характерен акцент на знаниях и информации, обладание технологическим потенциалом разрушительной силы, в разы превосходящей возможности истребления жизни на планете Земля, имеет глубокую связь с нравственностью человека и его гуманистическими качествами.

Маркеры этой связи или ключевые аспекты ее обусловлены характером интеллектуальной эпохи, которой присуща глобализация и взаимосвязанность с усилением важности социальной ответственности. Повышается потребность учитывать влияние своих действий на других, что требует развития таких качеств, как доброта, сострадание и альтруизм. Соотношение между интеллектом и нравственностью становится особенно актуальным в контексте решения глобальных проблем бедности, неравенства и изменения климата.

Тревожные требования, включая внимание к регулированию, подразумевают угрозы, исходящие от широкого внедрения ИИ, что чревато определенными негативными последствиями, среди которых: потеря рабочих мест из-за автоматизации; усиление социального неравенства и цифрового разрыва; этические дилеммы, связанные с автономными системами (например, в вооружении); утрата контроля над сложными ИИ-системами и возникновение непредсказуемых последствий; новые формы в злоупотреблении ИИ в киберпреступности и слежке, посягающей на права человека.

Технологический прогресс с огромным потенциалом способен значительно улучшить качество жизни, повысить эффективность производства и расширить доступ к информации. Однако возникает вопрос, как и почему технологический прогресс с таким потенциалом допускает осложнение и обострение гендерного неравенства, что мешает искоренению и способствует стигматизации гендерного неравенства?

Исследования показывают, что в современных условиях допускается осложнение и обострение гендерного неравенства по нескольким причинам, среди которых ключевые такие: неравномерный доступ к технологиям; предвзятость в алгоритмах и данных; отсутствие женского представительства в технологической сфере;

автоматизация традиционно женских профессий. Иными словами, женщины во многих регионах и сферах имеют меньше возможностей для обучения и использования новых технологий, что усиливает цифровой разрыв. Искусственный интеллект и автоматизированные системы часто обучаются на данных, отражающих существующие социальные стереотипы и дискриминацию, что закрепляет и усиливает гендерные предубеждения. Недостаток женщин среди разработчиков и руководителей приводит к игнорированию гендерных аспектов при создании технологий. А технологии могут сокращать рабочие места в секторах, где занято много женщин, что усугубляет их экономическую уязвимость.

Корреляция между развитием искусственного интеллекта и гендерным равенством логически ожидаемая, однако на данный момент существует сложная и неоднозначная зависимость между степенью развития искусственного интеллекта и уровнем сокращения гендерного неравенства в разных странах. В странах с развитыми технологиями, таких как США, Канада, Швеция и Норвегия, наблюдается более высокий уровень гендерного равенства. Однако, несмотря на это, технологический прогресс может усугублять существующие предвзятости в алгоритмах. Суть в том, что лишь в немногих регионах большая часть экономики участвует в разработке новых процессов, приложений и технологий ИИ. Не секрет, что процесс развития не равномерный в планетарном пространстве. Так, в выпуске Глобального индекса гендерного разрыва 2024 года из всех стран, которые представлены в нем, только экономики 66 стран подали заявки на патенты в области ИИ и 59 их получили. Северная Америка и Европа — два отдельных центра в области искусственного интеллекта с точки зрения доли участвующих экономик в регионе [Emerging Technology...]. Восточная Азия и Тихоокеанский регион, Ближний Восток и Северная Африка, Латинская Америка и Карибский регион демонстрируют умеренное участие в инновациях в области искусственного интеллекта. Центральная Азия, Южная Азия и страны Африки к югу от Сахары имеют самую низкую долю экономик, вовлеченных в инновации в области искусственного интеллекта.

В развивающихся странах с низким уровнем технологического развития, таких как некоторые страны Африки и Азии, гендерное неравенство часто более выражено и доступ к ИТ-образованию и технологиям ограничен для женщин. В некоторых случаях ИИ может способствовать сокращению гендерного неравенства, например, через автоматизацию рутинных задач, позволяющих женщинам получать доступ к более высоким позициям. Однако в других случаях он может углублять неравенство, если автоматизация затрагивает традиционно женские профессии. Налицо срабатывает двойственный эффект ИИ.

В результате складывается картина: несмотря на потенциал для положительных изменений, технологический прогресс без целенаправленных мер и политики равенства может не только не искоренить, но и усилить гендерное неравенство.

Факторы гендерного неравенства

Гендерное неравенство существует на протяжении всей истории человечества и проявляется в разных формах в зависимости от социального, экономического и культурного контекста. Гендерное неравенство — это сложное и многогранное явление.

Какие основные причины способствовали этому явлению во все интеллектуальные эпохи? Почему в истории при развитии знаний и науки сложилось гендерное неравенство, каковы первопричины, ключевые факторы и как их преодолеть, возможно ли? Что лежит в основе создавшихся традиционных представлений о роли женщин и мужчин? Почему мужчины воспринимаются как главные «добытчики и лидеры», а женщины — как «хранительницы домашнего очага», что ограничивает возможности последних? Это далеко не полный перечень вопросов, требующих ответа, в поисках которых трудится не одно поколение представителей различных направлений науки и культуры в целом.

Исследователи выделяют шесть блоков-факторов, обусловивших гендерное неравенство, несправедливость и дисбаланс в общественном устройстве в исторической перспективе. Совокупность определенных проявлений следующих факторов: социальных и культурных норм, экономических барьеров, политических и правовых ограничений, перекосов в образовании, культурных и религиозных убеждений и, наконец, психологических компонентов формируют нездоровую архитектуру общественно-политической жизни стран.

С учетом того, что традиционные представления о роли женщин и мужчин формировались на протяжении веков под влиянием различных факторов, включая исторические, культурные, экономические и социальные аспекты, существует насущная проблема понять и осознать, почему глубоко укоренившиеся стереотипы так живучи? Кому выгодны господствующие гендерные отношения и станет ли современная интеллектуальная эпоха более дружественной к женщинам? Какую роль в этом сыграет искусственный интеллект, в какой степени это объективная закономерность?

Господствующие гендерные отношения, в которых мужчины воспринимаются как «главные добытчики и лидеры», а женщины — как «хранительницы домашнего очага», выгодны определенным группам и структурам в обществе. На языке политологии: женщины — объект, а мужчины — субъект политического процесса со всеми вытекающими из такого соотношения последствиями.

Кому выгодны господствующие гендерные отношения?

На самом деле существуют объективные силы, которые заинтересованы в сохранении соподчиненной гендерной архитектуры. *Во-первых*, традиционные структуры власти, в которых мужчины, занимающие ключевые позиции в политике, бизнесе и религии, могут извлекать выгоду из гендерных стереотипов, так как они помогают сохранить их власть и влияние.

Во-вторых, экономические интересы, в рамках которых компании и организации, которые полагаются на традиционные роли, могут извлекать выгоду из более низкой оплаты труда женщин, что позволяет им сокращать затраты и увеличивать прибыль.

В-третьих, консервативные группы, в рамках которых сообщества и организации, поддерживающие традиционные ценности, могут использовать гендерные стереотипы для укрепления своей идеологии и сохранения социального порядка.

В-четвертых, системы образования и воспитания, при которых учебные заведения и семьи придерживаются традиционных представлений о ролях, могут продолжать воспроизводить эти стереотипы, что позволяет им сохранять контроль над молодежью.

Как справедливо подчеркивал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, «если мы не будем использовать квоты и временные специальные меры для устранения предубеждений и препятствий на пути к равноправию, женщины никогда не смогут полностью реализовать свои права, а общество никогда не сможет воспользоваться преимуществами равенства и интеграции... Предвзятость и дискриминация вредят нам всем. *И опять же это, по существу, вопрос власти*» [Secretary-General's remarks..., 2020].

Современная интеллектуальная эпоха: отношение к женщинам

Современная интеллектуальная эпоха, характеризующаяся быстрым развитием технологий и доступом к информации, имеет потенциал стать более дружественной к женщинам. Что дает основание к такому умозаключению?

Четыре развивающиеся процесса указывают на него. С учетом увеличения доступа к образованию современные технологии позволяют большему числу женщин получать знания, образование, компетенции и навыки, необходимые для успешной карьеры в разных сферах. Заметна поддержка равенства, при которой все больше организаций и движений выступают за гендерное равенство и создают давление на традиционные структуры для изменения их подходов. Происходит изменение культурных норм, с которыми новые поколения, выросшие в более открытой среде, могут оспаривать устоявшиеся стереотипы и продвигать идеи равенства.

Роль искусственного интеллекта может оказаться весьма существенной в изменении гендерных отношений, потому что в жизни происходит автоматизация задач, а ИИ может освободить женщин от рутинной домашней работы, позволяя им больше времени уделять карьере и образованию.

ИИ может сделать многое в анализе данных, что способствует выявлению и устранению гендерной предвзятости в различных областях, таких как найм и продвижение по службе. В формировании всеобъемлющего контента ИИ может использоваться для создания содержания, который отражает разнообразие и включение, толерантность, что может помочь изменить общественные представления о ролях женщин и мужчин.

Изменение гендерных отношений, с точки зрения объективной закономерности, может быть обусловлено несколькими факторами, а именно: социальными трансформациями, экономическими потребностями, технологическим прогрессом. Иными словами, с течением времени общества становятся более открытыми и всеобъемлющими, что способствует изменению традиционных ролей. В условиях глобализации и конкуренции компании все больше нуждаются в разнообразии и адаптивности, что может привести к изменению гендерных отношений. При этом развитие технологий, включая ИИ, может способствовать устранению барьеров и созданию равных возможностей для всех.

Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) с помощью кампании «Не позволяйте свету погаснуть!» стремится выявить потребности женщин и девочек в кризисах. Им представлены цифры: 70 % женщин в кризисных ситуациях подвергаются гендерному насилию — вдвое больше, чем в нормальных обстоятельствах; и 60% предотвратимых материнских смертей происходят в странах, затронутых конфликтом [Don't let the lights..., 2025]. Это явное свидетельство серьезности ситуации и необходимости безотлагательных действий.

В новом документе Всемирного экономического форума и LinkedIn предупреждается, что трансформация рабочих мест с использованием ИИ может усугубить гендерное неравенство. Возможно ли преодоление гендерного неравенства?

Ответ положительный: преодоление гендерного неравенства возможно, но требует комплексного подхода и совместных усилий со стороны общества, правительств и организаций. Изменение культурных норм, улучшение доступа к образованию и ресурсам, а также активная поддержка женщин в науке и технологиях могут способствовать созданию более равноправного общества. Применение этих стратегий поможет устранить барьеры и создать условия для равных возможностей для всех.

Критерии достижения гендерного баланса в обществах

Для достижения гендерного баланса в обществах можно использовать следующие критерии:

— образование и доступ к знаниям: обеспечение равного доступа к образованию и обучению для женщин и мужчин, включая области STEM (наука, технологии, инженерия и математика);

— экономическая независимость: поддержка женщин в предпринимательстве, доступ к финансированию и создание условий для карьерного роста;

— представительство в принятии решений: увеличение числа женщин на руководящих позициях и в органах власти, что позволит учитывать гендерные аспекты в политике и экономике;

— социальные и культурные изменения: преодоление стереотипов и предвзятостей через просвещение и кампании по повышению осведомленности о гендерных вопросах;

— законодательная поддержка: введение и соблюдение законов, защищающих права женщин и обеспечивающих равные возможности;

Таким образом, для достижения гендерного баланса необходимо комплексное и многоуровневое воздействие на различные аспекты общества.

Хотя господствующие гендерные отношения могут быть выгодны определенным группам, современная интеллектуальная эпоха и развитие технологий, таких как искусственный интеллект, имеют потенциал для создания равноправного общества. Это изменение может стать объективной закономерностью, если общество продолжит двигаться в сторону включенности и равенства.

Алгоритмическая предвзятость (bias) — досадный недостаток ИИ

Вместе с возможностями ИИ встает и ряд побочных нежелательных действий, связанных с воспроизводством и усилением гендерных неравенств. В частности, алгоритмическая предвзятость и дискриминация — основные проблемы, создающие стимулы к воспроизводству и усилению гендерных неравенств. Проблемы заключаются в недостатке гендерного разнообразия в ИИ-разработках, влиянии рынка труда и социальных структур.

Дело в том, что многие ИИ-системы обучаются на исторических данных, в которых присутствуют гендерные стереотипы и неравенство. Так, системы распознавания лиц хуже идентифицируют женщин, голосовые ассистенты часто имеют женские

голоса и подчеркивают гендерные роли. Как результат — дискриминация при приеме на работу, кредитовании, медицинской диагностике.

Не случайно аналитики подчеркивают значение алгоритмической предвзятости (bias), поскольку алгоритмы — ядро ИИ, то они отражают и репродуцируют данные, на которых обучаются. Если заложена предвзятость и исходные данные или дизайн системы ложны и несправедливы, то это отражают алгоритмы ИИ, включающие социальные предубеждения и неравенства. Новейшие исследования подтверждают, что даже передовые модели, включая большие языковые модели и генеративные системы, воспроизводят гендерные стереотипы. ИИ-системы часто отражают и усиливают существующие стигмы, социальные предубеждения, включая гендерные стереотипы [Nomelini et al., 2024].

Алгоритм — это четко определенная последовательность действий или инструкций, которые компьютер выполняет для решения конкретной задачи. В ИИ алгоритмы включают:

1. *Обучающие алгоритмы (machine learning)*: методы, позволяющие системам учиться на данных, выявлять закономерности и делать прогнозы.
2. *Глубокие нейронные сети (deep learning)*: сложные алгоритмы, имитирующие работу человеческого мозга, способные анализировать изображения, звук и текст.
3. *Оптимизационные алгоритмы*: для настройки параметров моделей с целью повышения точности.
4. *Алгоритмы принятия решений*: для выбора оптимальных действий на основе анализа данных.

По данным ЮНЕСКО (2024 г.), менее 30 % специалистов в области ИИ — женщины. Отсутствие разнообразия в командах приводит к «слепым пятнам» в дизайне алгоритмов и тестировании систем. Женщины и представители других гендерных меньшинств недостаточно представлены в технологических профессиях, что влечет за собой недостаток гендерного разнообразия в разработке ИИ. Преобладание мужчин в IT-сфере приводит к тому, что в алгоритмах и данных недостаточно учитываются интересы и опыт женщин, что чревато ограниченным взглядом на задачи и данные. В результате предвзятость алгоритмов усугубляется.

Влияние на рынок труда и социальные структуры

Отчет Международной организации труда (ILO, 2024) подчеркивает сосредоточение женщин в секторах с высокой автоматизацией, что создает риск усиления экономического неравенства. При этом ИИ открывает новые возможности в STEM, если обеспечить равный доступ к обучению.

Автоматизация и ИИ влияют на занятость, причем женщины чаще работают в сферах, подверженных риску автоматизации. Автоматизация и внедрение ИИ могут по-разному затронуть женщин и мужчин, усиливая гендерное неравенство в занятости и оплате труда. При этом возможен рост экономического неравенства и ограничение доступа женщин к высокотехнологичным профессиям [Crawford, Paglen, 2023].

Предубежденность и тенденциозность: пути преодоления

Инновационные экосистемы, которые задействуют весь спектр творческих талантов, с точки зрения гендерного паритета обладают потенциалом для снижения

предвзятости, улучшения доступности и расширения экономических возможностей для новаторов и тех, кому выгодны их достижения. Сила расширения пулов талантов — магистральный путь в решении поставленных задач.

Однако в ряде стран очевидно, что потоки, переполненные женскими талантами на ранних стадиях, сокращаются до минимума опытных и коронованных новаторов на более поздних стадиях. Такое положение зависит от факторов окружающей среды, способствующих ухудшению возможностей женщин в сфере инноваций, что частично отражает неравномерные условия, в которых в настоящее время происходят инновации, и, напротив, создающих благоприятную обстановку. Поскольку ИИ преобразует экономику, *проактивное лидерство играет важную роль в обеспечении гендерного паритета*. Экономика, опирающиеся на самый широкий кадровый потенциал, будут процветать в гонке ИИ, обеспечивая быстрый рост для большинства людей. Технологии искусственного интеллекта готовятся помочь решить ряд неотложных экономических проблем: повысить производительность, создать новые рабочие места и отрасли и, в конечном итоге, увеличить рост ВВП. Экономика, которые используют самый широкий кадровый резерв, станут лидерами в гонке ИИ и достигнут самых высоких уровней инноваций, экономического роста и устойчивости рабочей силы.

Для лидеров отрасли гендерный паритет в ИИ представляет собой редкую возможность: интеграция женщин в руководство, разработку и применение ИИ удвоит имеющийся талант и откроет новые перспективы в сфере инноваций. Компании, которые достигнут гендерного баланса в областях, интенсивно использующих ИИ, увидят позитивное усовершенствование не только дизайна продукта, но и улучшенное принятие решений и финансового положения.

Глобальные инициативы

Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности (ВОИС), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в контексте интеграции гендерной перспективы и продвижения программ по включению гендерной составляющей в развитие ИИ проявляют заметную озабоченность в этом направлении, предпринимая шаги, полезность которых трудно переоценить.

Структура «ООН-женщины» запустила программу «Искусственный интеллект для гендерного равенства» (2023) (*«AI for Gender Equality»* (2023)), направленную на поддержку проектов ИИ, способствующих равенству. ООН и специализированные агентства поощряют программы по расширению участия женщин в STEM и ИИ. Структура ЮНЕСКО (2023—2024) выпустила рекомендации по этике ИИ, включающие гендерный аспект и расширила их, предусмотрев обязательный гендерный аудит и меры по активизации участия женщин в разработке ИИ. Документ, разработанный ЮНЕСКО, содержит этические принципы и рекомендации для обеспечения инклюзивности, справедливости и недискриминации в ИИ, включая гендерный аспект [Recommendation..., 2023].

В 2024 году *Европарламент (Европейский союз)* принял поправки к *Закону об искусственном интеллекте* [Amendments to the..., 2024], усиливающие требования по борьбе с дискриминацией и обеспечению прозрачности алгоритмов. Введены обязательные аудиты ИИ-систем на предмет гендерной и иной тенденциозности. В

Европейском союзе (ЕС) активно обсуждаются нормативы по борьбе с дискриминацией в алгоритмах. В законодательной инициативе ЕС особое внимание уделяется прозрачности алгоритмов и защите прав уязвимых групп, включая женщин, с целью предотвращения дискриминации.

Инициативы международного сообщества в лице различных подразделений системы международных организаций служат модельными стимулирующими проектами, способствующими регулированию и разработке мероприятий на страновом уровне. Государственная политика и регулирование в разных странах формируются с учетом собственной специфики, которую закладывают в основу стратегии по обеспечению гендерного равенства в цифровой экономике и ИИ. В некоторых странах создаются национальные стратегии цифрового развития с акцентом на всесторонность и преодоление стигматизации общества.

Общественный голос побуждает к активизму и участию гражданского общества, которое развивает исследовательские инициативы. Появились новые платформы для мониторинга алгоритмической справедливости, например, «*Наблюдение за алгоритмом*» (AlgorithmWatch) [Annual report..., 2024]². Исследовательские центры, такие как *Институт Искусственного Интеллекта сегодня и Партнерства в области Искусственного Интеллекта (AI Now Institute и Partnership on AI)*, публикуют регулярные отчеты с рекомендациями для политиков и разработчиков [West et al., 2019]. Возникают движения и платформы, которые продвигают всеобъемлющий, включающий искусственный интеллект и мониторинг алгоритмической справедливости и продвижение гендерного разнообразия в технологиях.

Выводы

Искусственный интеллект — мощный инструмент, способный как усилить, так и сократить гендерное неравенство. Алгоритмы, лежащие в основе ИИ, требуют тщательного анализа и регулирования с учетом гендерных рисков.

Современные политические инициативы и международные программы создают условия для более справедливого цифрового будущего, но для достижения реальных изменений необходимы комплексные усилия и постоянный мониторинг. Интеграция гендерной перспективы в развитие и регулирование искусственного интеллекта — ключевое условие для создания справедливого и всеобъемлющего цифрового общества. Политические меры, международное сотрудничество и активное участие гражданского общества должны идти рука об руку для решения вызовов, связанных с гендерным неравенством в эпоху ИИ.

Внедрение обязательных гендерных аудитов алгоритмов с использованием методик интерпретируемости и тестирования на предвзятость, образовательные инициативы для привлечения женщин в ИИ и STEM, включая стипендии, курсы и наставничество, — инструменты, направленные на достижение цели гендерного баланса и соблюдения гендерной справедливости. Нормативное регулирование, обеспечивающее ответственность разработчиков за дискриминационные эффекты ИИ, требует особого внимания и контроля.

² AlgorithmWatch — неправительственная некоммерческая организация со штаб-квартирами в Берлине и Цюрихе. Выступает за мир, в котором алгоритмы и искусственный интеллект не ослабляют справедливость, права человека, демократию и устойчивое развитие, а укрепляют их. URL: <https://algorithmwatch.org/en/> (дата обращения: 30.06.2025).

Международное сотрудничество для обмена лучшими практиками и создания единых стандартов играет ключевую роль в развитии и продвижении стран по пути достижения позитивных результатов для всех людей, не отрицая особенностей каждого из участников эволюционного процесса.

Поддержка равноправных данных и разнообразия в командах, чтобы минимизировать предвзятость, — рациональный путь к позитивной цели. Также как и поддержка программ обучения женщин в сфере ИИ и цифровых технологий для расширения их участия, популяризация вовлечения женщин в образовательные программы, освоение стипендий, наставничества по ИИ.

Государства и международные организации, широкие круги общественности, ученых и исследователей-профессионалов не оставляют вниманием значимость формирования нормативов, направленных на устранение дискриминации в ИИ. Острая необходимость создания независимых органов для контроля за соблюдением принципов гендерного равенства в ИИ, нормативных и этических рамок, законодательства, регулирующего использование ИИ с учетом гендерных рисков, стоит на повестке современного цивилизационного развития, требуя пристального внимания для созидательной перспективы.

Список источников

Amendments to the Artificial Intelligence Act // European Parliament. 2024. 12 July. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 15.06.2025).

Annual report on algorithmic fairness and gender. A year of challenging choices — 2024 in review. 2024. 23 December. URL: <https://algorithmwatch.org/en/a-year-of-challenging-choices-2024-in-review/> (дата обращения: 30.06.2025).

Brugal S. 1 Big Thing: District Weighs AI Recommendations. 2024. URL: https://www.axios.com/authors/sbrugala/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter_axioslocal_miami&stream=top (дата обращения: 20.05.2025).

Crawford K., Paglen T. Atlas of AI: power, politics, and the planetary costs of Artificial Intelligence. New Haven: Yale University Press, 2022. 336 p.

Don't let the lights go out on women and girls in neglected crises // EpiNews. UNFPA. 2025. May 28. URL: <https://epinews.emphnet.net/en/news/the-globe/dont-let-the-lights-go-out-unfpa-urges-support-for-women-and-girls-in-the-worlds-most-neglected-crises> (дата обращения: 23.07.25).

Emerging Technology Observatory. Center for Security and Emerging Technology. URL: <https://cset.georgetown.edu/emerging-technology-observatory/> (дата обращения: 01.06.2025).

McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth summer research project on artificial intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27, № 4. P. 12—14. URL: <https://ojs.aaai.org/aimagazine/index.php/aimagazine/article/view/1904> (дата обращения: 15.06.2025).

Nomelini G., Marcolin C. Gender bias in large language models: a job postings analysis // Revista de Administração Mackenzie. 2024. Vol. 25, № 6. 27 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/3886267828_Gender_bias_in_large_language_models_A_job_postings_analysis (дата обращения: 19.06.2025).

Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. 2023. 16 May. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (дата обращения: 08.04.2025).

Secretary-General's remarks at Town Hall with young women from Civil Society Organizations // UN Women. 2020. 31 August. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/8/speech-secretary-general-at-town-hall-with-civil-society-organizations> (дата обращения: 02.06.2025).

West S. M., Whittaker M., Crawford K. Discriminating systems: gender, race, and power in AI // AI Now Institute. 2019. April 1. 33 p. URL: <https://ainowinstitute.org/publications/discriminating-systems-gender-race-and-power-in-ai-2> (дата обращения: 23.06.2025).

References

- Amendments to the Artificial Intelligence Act (2024), *European Parliament*, 12 July, available from <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed 15.06.2025).
- Annual report on algorithmic fairness and gender. A year of challenging choices — 2024 in review (2024), 2024. 23 December, available from <https://algorithmwatch.org/en/a-year-of-challenging-choices-2024-in-review/> (accessed 30.06.2025).
- Brugal, S. (2024) *I Big Thing: District Weighs AI Recommendations*, available from https://www.axios.com/authors/sbrugala?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter_axioslocal_miami&stream=top (accessed 20.05.2025).
- Crawford, K., Paglen, T. (2022) *Atlas of AI: power, politics, and the planetary costs of Artificial Intelligence*. New Haven: Yale University Press.
- Don't let the lights go Out on women and girls in neglected crises (2025), *EpiNews*, UNFPA. May 28, available from <https://epinews.emphnet.net/en/news/the-globe/dont-let-the-lights-go-out-unfpa-urges-support-for-women-and-girls-in-the-worlds-most-neglected-crisis> (accessed 23.07.25).
- Emerging Technology Observatory | Center for Security and Emerging Technology (CSET), available from <https://cset.georgetown.edu/emerging-technology-observatory/> (accessed 01.06.2025).
- McCarthy, J., Minsky, M. L., Rochester, N., Shannon, C. E. (2006) A proposal for the Dartmouth summer research project on Artificial Intelligence, August 31, 1955, *AI Magazine*, vol. 27, no. 4, pp. 12—14, available from <https://ojs.aaai.org/aimagazine/index.php/aimagazine/article/view/1904> (accessed 15.06.2025).
- Nomelini, G., Marcolin, C. (2024) Gender bias in large language models: A job postings analysis, *RAM. Revista de Administração Mackenzie*, vol. 25, no. 6, 27 p., available from https://www.researchgate.net/publication/386267828_Gender_bias_in_large_language_models_A_job_postings_analysis (accessed 19.06.2025).
- Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (2023), *UNESCO*, 16 May, available from <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (accessed 08.04.2025).
- Secretary-General's remarks at Town Hall with young women from Civil Society Organizations (2020), *UN Women*, 31 August, available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/8/speech-secretary-general-at-town-hall-with-civil-society-organizations> (accessed 02.06.2025).
- West, S. M., Whittaker, M., Crawford, K. (2019) Discriminating systems: gender, race, and power in AI, *AI Now Institute*, April 1, 33 p., available from <https://ainowinstitute.org/publications/discriminating-systems-gender-race-and-power-in-ai-2> (accessed 23.06.2025).

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 12.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Chief Researcher, Professor, Head of the Center for Social and Political Research, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 16—31.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 16—31.

Научная статья

УДК 316.354.2(540)-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/vejklm>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.2

ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН В ИНДИИ: АГЕНТНОСТЬ В ОСЕВЫХ ИНСТИТУТАХ

Софья Михайловна Ребрей, Анна Сергеевна Александрова

Московский государственный институт международных отношений (университет),

Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия,

s.rebrei@inno.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности женщин в Индии через призму концепции агентности и осевых институтов — семьи, рынка труда, образования, науки, политического и корпоративного управления. Положение женщин в Индии характеризуется двойственностью, обусловленной социально-экономической неоднородностью страны и сильным влиянием патриархальных норм. Это приводит к парадоксальным ситуациям: при росте уровня образования участие женщин в рабочей силе снижается, а гендерные квоты в компаниях зачастую приводят к назначению на посты номинальных директоров из числа родственниц. Значительные успехи достигнуты в сфере образования, где гендерный разрыв практически преодолен, однако на рынке труда сохраняется резкая горизонтальная сегрегация. Хотя в последние годы наметилась положительная динамика благодаря росту числа высокообразованных женщин, сохраняются такие проблемы, как высокий уровень неоплачиваемого домашнего труда, доминирование неформальной занятости, структурное отсутствие подходящих рабочих мест. Таким образом, разрыв между прогрессивным законодательством и реальным положением женщин остается вызовом для современной Индии.

Ключевые слова: Индия, женщины, бюджеты времени, горизонтальная сегрегация, социальное развитие, индекс осевых институтов

Для цитирования: Ребрей С. М., Александрова А. С. Возможности женщин в Индии: агентность в осевых институтах // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 16—31.

Original article

WOMEN'S OPPORTUNITIES IN INDIA: AGENCY IN AXIAL INSTITUTIONS

Sofia M. Rebrey, Anna S. Aleksandrova

Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation, s.rebrei@inno.mgimo.ru

Abstract. The article examines the opportunities of women in India through the six axial institutions prism — family, labor market, education, science, political and corporate governance. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive economic analysis of the women role in axial institutions. The theoretical relevance of the problem is related to the discrepancy between the existing methods of assessing gender equality, which have been developed for developed economies, and the socio-cultural realities and developing countries peculiarities. The practical importance of the work is confirmed by the increased interest of the BRICS countries in women's empowerment, which affects the pace of their socio-economic development. According to the study results, it was found that the women position in India is characterized by ambivalence due to the socio-economic heterogeneity of the country and the strong influence of patriarchal norms. Despite a long history of progressive policies — India has been a pioneer in family planning, policy quotas, and corporate governance — the implementation of these initiatives runs into cultural barriers. This leads to paradoxical situations: with an increase in the level of education, for a long time there has been a decrease in women's labour force participation rate, and gender quotas in companies often lead to the appointment of nominee directors from among relatives. Significant progress has been made in the field of education, where the gender gap has almost been bridged, but there remains a sharp horizontal segregation in the labor market. Although there has been a positive trend in recent years due to an increase in the number of highly educated women, problems such as the high level of unpaid labour, the dominance of informal employment, and the structural lack of suitable jobs remain. Thus, the gap between progressive legislation and the real status of women remains a challenge for modern India.

Key words: India, women, time budget, horizontal segregation, social development, axial institutions index

For citation: Rebrey, S. M., Aleksandrova, A. S. (2026) *Vozmozhnosti zhenshchin v Indii: agentnost' v osevyh institutah* [Women's opportunities in India: agency in axial institutions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 16—31.

Введение

Индия — это одна из самых быстро растущих крупных экономик мира: с 2000 по 2025 г. экономика Индии выросла в 8,3 раза. Среднегодовой темп прироста реального ВВП Индии составляет 6—8 %¹. При этом женщины практически не участвуют в оплачиваемом труде, составляя в 2024 г. 28,7 % трудовых ресурсов (среднемировой уровень — 40,1 %²), всего 35 % женщин трудоспособного

¹ GDP Growth (annual %) — India. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG?locations=IN> (дата обращения: 04.11.2025).

² Labor force, female (% of total labor force) — India. World Bank Open Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS?locations=IN&most_recent_value_desc=false (дата обращения: 04.11.2025).

возраста официально работают (в среднем по миру — 55 %)³, причем оба показателя имеют тенденцию к снижению. Изобрела ли Индия уникальную модель экономического роста, при котором можно практически не задействовать женскую половину населения? Большинство ученых сходятся во мнении, что это не так. Основной причиной недоиспользования человеческого капитала выступает большой неформальный сектор: по данным МОТ 88,4 % заняты неформально, а женская неформальная занятость составляет 91,9 % в 2024 г⁴. Среди других факторов выделяют институциональные барьеры, низкий уровень женского образования и др. [Das et al., 2015].

Тем не менее случай Индии представляется парадоксальным. Как может устойчиво высокая экономическая динамика сопровождаться низким уровнем женской занятости и гендерного равенства⁵ в целом? Многочисленные экономические исследования подтверждают обратную закономерность: гендерное неравенство замедляет экономический рост и развитие. Гендерный разрыв в участии в рабочей силе, предпринимательской деятельности или образовании препятствует экономическому росту [например, Cuberes and Teignier, 2012; Teignier and Cuberes, 2014; Esteve-Volart, 2004; Duflo, 2005; World Bank, 2012 и др.]. Увеличение гендерного равенства должно повышать экономический рост на 1,5—2,4 п.п. в год по расчетам Агенор [Agenor et al., 2015] и добавлять к ВВП 1,4 % по расчетам индийского правительства⁶. В Индии гендерный разрыв в участии в рабочей силе снижает общий доход на одного работника примерно на 26 % [Cuberes and Teignier, 2012; Teignier and Cuberes, 2014].

Согласно исследованиям, рост доходов индийских домохозяйств и формирование среднего класса приводит к сокращению женской занятости [Mammen et al., 2000; Klasen et al., 2012; Bhalla et al., 2011]. Основными факторами предложения рабочей силы выступают рост доходов домохозяйств, образование мужей и стигматизация образованных женщин, ищущих черную работу. Что касается спроса на рабочую силу, занятость в секторах, подходящих для образованных женщин, росла медленнее, чем предложение образованных работников, что привело к тому, что многие женщины ушли с рынка труда [Klasen et al., 2012].

Впрочем, исследования Индии все же подтверждают позитивное влияние гендерного равенства на экономическую эффективность, рост и развитие. Так, ряд исследований демонстрируют, что адекватная инфраструктура и уровень образования способствуют более высокому участию женщин в предпринимательстве, что стимулирует экономический рост. Соотношение женщин и мужчин среди работников (и руководителей) положительно коррелирует как с экономическим ростом, так и с уровнем жизни [Эстев-Воларт, 2004]. Таким образом, индийская экономика растет не благодаря, а вопреки недопредставленности женщин в экономике.

³ Labor force participation rate, female (% of female population ages 15-64) (modeled ILO estimate) — India. World Bank Open Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.ACTI.FE.ZS?locations=IN&most_recent_value_desc=false (дата обращения: 04.11.2025).

⁴ Informal employment rate. ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/snapshots/informal-employment-rate/> (дата обращения: 04.11.2025)

⁵ Согласно Индексам гендерного равенства, Индия занимает места во второй сотне: Глобальный индекс гендерного разрыва (ВЭФ) — 127 место из 146, Индекс гендерного равенства (ПРООН) 108 место из 166.

⁶ Strategy for New India@75 // NITI Aayog. November 2018. URL: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2019-01/Strategy_for_New_India_2.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Методология исследования

Классические экономические подходы оценивают положение женщин через показатели благосостояния (доход, образование, здоровье). Однако фокус на агентности — степени автономности в принятии решений — представляет собой более глубокий и релевантный аналитический инструмент [Ребрей, 2022, 2025]. В экономические науки концепцию агентности вводит Амартия Сен — британский ученый индийского происхождения, лауреат Нобелевской премии, — и применяет ее для изучения проблем бедности, равенства возможностей и, в частности, гендерного равенства [Hanmer et al, 2016; Sen, 1985]. Изучение агентности позволяет проследить качественные механизмы и специфику включения женщин и мужчин в экономику, а также барьеры, стоящие на пути реализации возможностей. Концепция агентности включает как индивидуальный срез — характеристики конкретного агента, так и групповой — качества, которые характерны для всей группы.

Уровень агентности может сильно варьироваться по институтам: например, в семье она высокая, а на рынке труда — низкая, или наоборот. И не всегда повышение уровня агентности в одном институте способствует его повышению в других. Поэтому принципиально важно сформировать набор ключевых институтов, определяющих уровень агентности. В настоящем исследовании предлагается подход осевых институтов, служащих осью формирования и эксплуатации агентности, — это семья, рынок труда, образование, наука, государственное и корпоративное управление. Семья выступает первичным институтом социализации агентов, а также местом гендерного распределения неоплачиваемого домашнего труда, определяющим гендерное разделение труда и уровень гендерного равенства в стране. Рынок труда обуславливает карьерные возможности женщин и мужчин. Высокий уровень дискриминации приводит к неэффективному распределению талантов, высокому уровню горизонтальной и вертикальной сегрегации и большому разрыву в оплате труда. Образование и наука выступают институтами производства и распространения знаний, включая гендерные нормы. В школах продолжается социализация агентов и усвоение гендерных норм, выходя за пределы семьи: ученики узнают основные законы мироустройства, роль женщин и мужчин в истории, политике, литературе, культуре, науке и других сферах. А наука предлагает объяснения такой модели мира. Женские и гендерные исследования подтверждают, что научный мейнстрим существенно занижает и без того малую роль женщин в мировой истории, культуре и экономике. Таким образом, важна не только доступность образования, но и содержание образовательных программ. Особую роль в науке играет развитие женских и гендерных исследований и их интеграция в научный дискурс и образовательную программу. Отдельное внимание в контексте института науки уделяется участию женщин в управлении наукой.

Государственное и корпоративное (а также академическое) управление наряду с наукой выступает системообразующим институтом, формируя общественные институты, особенно формальные. Участие женщин в управлении, с одной стороны, показывает, насколько управленцы включают женскую повестку, а с другой — женские возможности карьерного роста, то есть наличие и интенсивность вертикальной сегрегации.

Такой набор институтов представляется универсальным и комплексным для оценки основных факторов формирования и возможностей реализации агентности.

Эти институты не являются нейтральными; они создают различную институциональную среду для женщин и мужчин, формируя разную «цену» принятия экономических решений. Экономический анализ, игнорирующий эти глубинные институциональные структуры, не может дать адекватного объяснения наблюдаемым диспропорциям.

Таким образом, актуальность изучения женских возможностей в Индии позволит объяснить индийский парадокс низкого участия женщин в экономике и раскрыть основные барьеры, ограничивающие их агентность. Сравним возможности и агентность женщин и мужчин Индии в осевых институтах в 2012—2024 гг.

Семья

В Индии женщины тратят очень много времени на неоплачиваемый домашний труд — в среднем 284 мин. в день, из них 236 — на предоставление бытовых услуг и 47 на уход за членами семьи. Так и гендерный разрыв во временных затратах в Индии один из самых высоких в мире — 7,5 в 2024 г. Разрыв во временных затратах на бытовые услуги еще выше — 9,8, а на уход за ребенком — 3,6. Причем разрывы продолжают расти (табл. 1). Бытовые услуги считаются основной женской обязанностью — их выполняет 81 % женщин и лишь каждый четвертый мужчина⁷.

Таблица 1

Временные затраты и уровень участия в неоплачиваемом домашнем труде, бытовых услугах и уходе за членами семьи женщин и мужчин в Индии, 2019 г. и 2024 г.⁸

	2019		2024		Разрывы		Обратные разрывы	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	2019	2024	2019	2024
Временные затраты на неоплачиваемый домашний труд (НДТ), мин	282	39	284	38	7,2	7,5	0,14	0,13
Уровень участия в НДТ, %	-	-	83,9	45,8	-	1,8	-	0,55
Временные затраты на бытовые услуги (БУ), мин	243	25	236	24	9,7	9,8	0,10	0,10
Уровень участия в БУ, %	81,2	26,1	81,5	27,1	3,1	3,0	0,32	0,33

⁷ Уровень участия — отношение численности лиц, выполняющих данную работу, к общей численности населения соответствующего возраста.

⁸ Составлено по: Time Use In India, 2024 // Ministry of Statistics and Programme Implementation. URL: https://www.mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/TUS_Report_2024_28.03.2025F.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Временные затраты на уход за членами семьи, мин	37	11	47	13	3,4	3,6	0,30	0,28
Уровень участия в уходе за членами семьи, %	27,6	14	34	17,9	2,0	1,9	0,51	0,53

Во-первых, это обуславливается индуистскими традициями, согласно которым женщина — гарант чистоты касты и святости дома [Юрлова, 2014: 218]. В силу этой роли приготовление пищи, уход за скотом, особенно коровами, обеспечение доступа к воде — исключительные обязанности женщины. При этом в условиях антисанитарии и жаркого климата готовить свежую еду приходится минимум дважды в день, а получение чистой воды связано с трудоемким и времязатратным поиском [там же: 149]. В большинстве домохозяйств сельской местности еда готовится на открытом огне. Таким образом, незначительное использование современных технологий, большая трудоемкость работ и гендерное распределение труда приводит к тому, что женщины преимущественно заняты дома, что, с одной стороны, демонстрирует их низкую автономность в принятии решений, а с другой — скудные возможности участвовать в оплачиваемом найме из-за дефицита свободного времени.

Рынок труда

В индийской культуре оплачиваемый труд считается грязным видом деятельности, поэтому участие в нем женщин традиционно осуждается. На практике такие социальные установки касаются женщин из семей со средним и высоким уровнями дохода, в то время как для бедных участие на рынке труда является вопросом выживания. Хотя уровень бедности в стране очень высок, уровень участия женщин в рабочей силе — один из самых низких в мире — всего 32,8 %, и вплоть до начала 2020-х гг. он сокращался, несмотря на рост женского образования. Это явление получило название «индийский парадокс» [Chatterjee et al., 2018: 858].

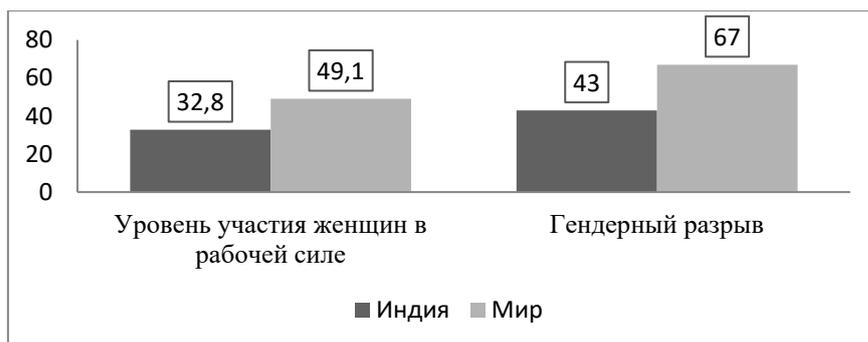

Рис. 1. Уровень участия женщин в рабочей силе и гендерный разрыв в Индии и мире, %, 2023 г.⁹

⁹ Источник: Всемирный банк. Labor force participation rate, female (% of female population ages 15+) (modeled ILO estimate) // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.ZS> (дата обращения: 01.09.2025).

Доступность среднего образования для женщин считается основным фактором расширения их возможностей на рынке труда (а также фактором снижения рождаемости, на что даже больше рассчитывало индийское правительство) [Schultz, 2001: 218].

«Индийский парадокс» объясняют, во-первых, «эффектом дохода» — женщины с более высоким уровнем образования чаще выходят замуж за мужчин, которые выше их по социальному положению, в результате чего или исчезает потребность в собственном заработке, или они вынуждены считаться с мнением семьи мужа относительно их карьеры [Singh, 2008: 8]. Второй причиной выступает раздутый неформальный сектор [Dubey, 2016: 37]. Женщины активно участвуют в таких кустарных отраслях, как производство сигарет, шпагата, мыла, спичек, корзин, тканей и др. [Юрлова, 2014: 150]. Влияние оказывает и урбанизация — при переезде в город они чаще находят низкооплачиваемую работу в неформальном секторе [Shiva, 1988: 37]. Распространенность неформальной занятости резко снижает эффективность трудовой политики по защите прав женщин, которые соглашаются на такую (неформальную и низкооплачиваемую) работу без социальных гарантий.

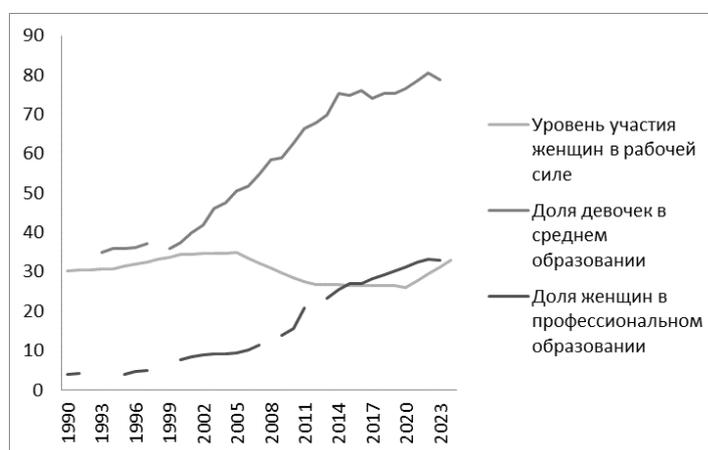

Рис. 2. «Индийский парадокс» на рынке труда, 1990—2024 гг.

(составлено по: данные World Bank Data Catalog)

В-

третьих, отсутствие рабочих мест для женщин со средним образованием нивелирует позитивный эффект от прогресса в области просвещения: уровень женского участия в рабочей силе падает именно с получением среднего образования, однако возрастает с получением высшего [Chatterjee et al., 2018: 858]. В 2000—2013 гг. наблюдался резкий рост охвата девочек средним образованием, в результате чего уже к середине 2010-х гг. показатель сравнялся с мужским. Однако с 2005 г. уровень женского участия в рабочей силе начал не возрастать, как ожидалось, а напротив падать (см. рис. 2). Причиной тому является уровень производственной базы в Индии — большинство сотрудников со средним образованием занято именно в обрабатывающей промышленности [Azam et al., 2019: 8], но она составляет всего 13% ВВП¹⁰ и 12% занятости¹¹.

¹⁰ Manufacturing, value added (% of GDP) – India. World Bank Open Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?locations=IN-BD&most_recent_value_desc=true (дата обращения: 01.09.2025).

¹¹ Manufacturing employment as a proportion of total employment (%) – India. ILOSTAT Data Explorer. URL: https://tshiny.ilo.org/dataexplorer06/?lang=en&segment=indicator&id=SDG_0922_NOC_RT_A (дата обращения: 01.09.2025).

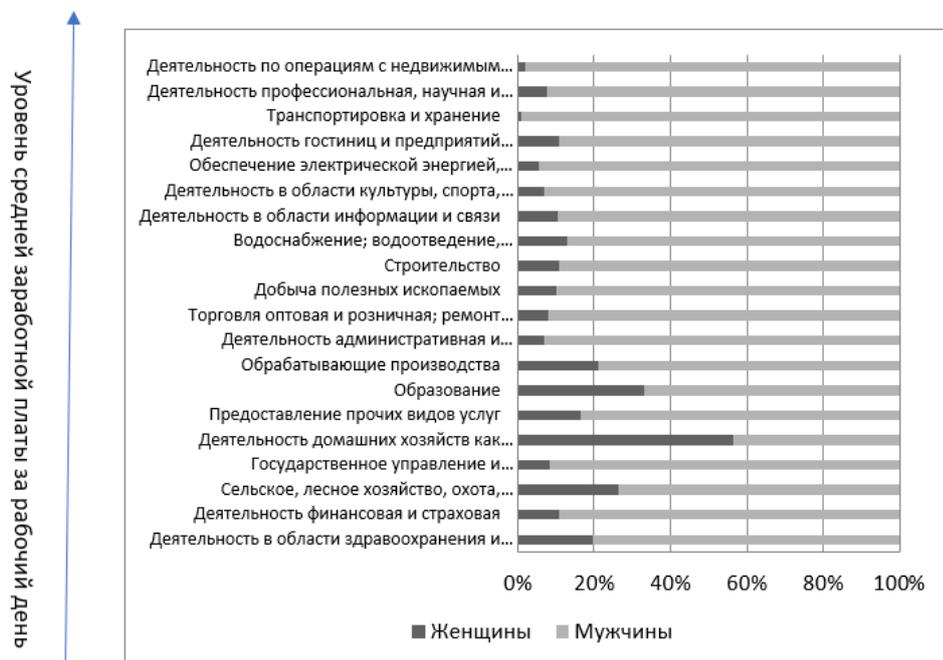

Рис. 3. Горизонтальная сегрегация труда в Индии, ранжированная по средней заработной плате для каждого вида деятельности, 2011—2012 гг., %¹²

Важным фактором, обуславливающим низкий уровень женской занятости, выступает сильная горизонтальная сегрегация: единственным видом экономической деятельности, где преобладают женщины, составляя 57 %, выступает хозяйственная деятельность домашних хозяйств. Среди видов деятельности, где женщин сравнительно много, можно выделить образование (33 %), сельское хозяйство (26 %), обрабатывающие производства (22 %), здравоохранение (20 %) — их объединяет наиболее низкая средняя оплата труда (поэтому они находятся внизу рис. 3). Самые мужские отрасли (менее 5 % женщин) — транспортировка и хранение, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, обеспечение электрической энергией, газом и паром — входят в топ-5 наиболее высокооплачиваемых в Индии.

В целом рынок труда предоставляет скудные возможности для женской реализации, что выражается в низком уровне участия в формальной занятости, в низком престиже оплачиваемого труда и высоком уровне горизонтальной сегрегации при отсутствии видов деятельности, где преобладают женщины, за исключением домашних хозяйств.

Образование

Образование выступает одним из базовых факторов, определяющих возможности и агентность. В Индии женщины с образованием в меньшей степени нуждаются в «страховке» в виде большого количества работающих детей, а также имеют более прочные переговорные позиции при обсуждении вопроса количества детей в семье [Jha et al., 2025: 46], то есть более высокую агентность.

¹² Составлено по: Key Indicators of Employment and Unemployment in India. NSS 68th Round (July 2011 — June 2012). New Delhi: National Sample Survey Office, 2013. pp. 85—86. Примечание: отрасли ранжированы по уровню средней заработной платы за рабочий день от большего к меньшему.

Таблица 2

Уровень грамотности женщин и мужчин в Индии, 1981—2023 гг., %

	1981	1991	2001	2006	2011	2022	2023
Женщины	26	34	48	51	59	69	70
Мужчины	55	62	73	75	79	83	85
Разрыв	47	55	66	68	75	83	82

(составлено по: данные World Bank Data Catalog)

Низкий уровень грамотности — это серьезная проблема Индии, характерная для обоих полов (см. табл. 2), но для женщин она стоит еще острее. Достичь уровня в 50 % женской грамотности Индия смогла лишь в 2006 г., когда неграмотной оставалась четверть мужчин. В настоящее время разрыв стремительно сокращается за счет роста доступности женского образования, однако все еще остается значительным.

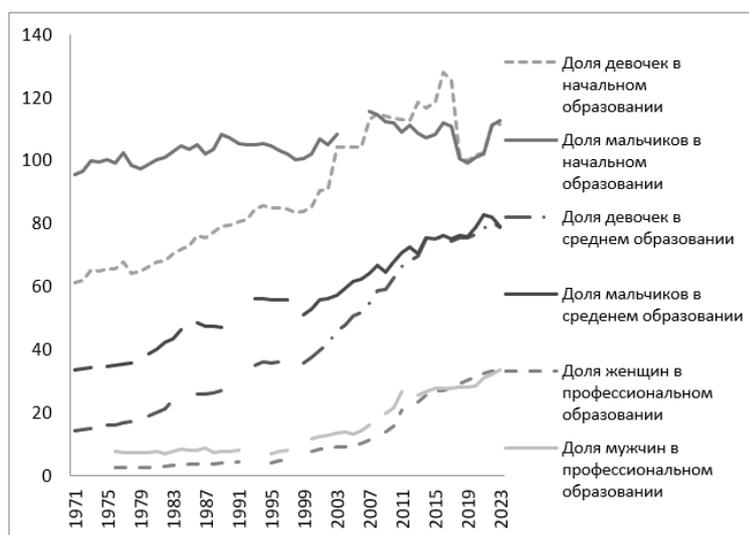

Рис. 4. Охват девочек и мальчиков, женщин и мужчин в образовании в Индии, 1971—2023 гг., %
(составлено по: данные World Bank Data Catalog)

С конца 70-х гг. растет доля девочек в начальном образовании и уже в середине 2000-х гг. она достигает уровня мальчиков (см. рис. 4). При этом на протяжении большей части 2010-х гг. женский показатель уже превышает его за счет того, что к программам начальных классов в большом количестве начали присоединяться девушки более старшего возраста, которые не посещали школу в детстве (119 % в 2013 г., 128 % в 2016 г.).

Что касается среднего образования, то охват им мальчиков и девочек значительно расширяется в 80-е и в начале 90-х гг., а также непрерывно с начала 2000-х. Однако значительное сокращение гендерного разрыва наблюдается лишь в XXI в., и с середины 10-х гг. доля мальчиков и девочек в среднем образовании примерно равна.

Доля женщин и мужчин в профессиональном высшем образовании растет с 2007 г. как результат расширения охвата населения на предыдущих ступенях образования. С конца 10-х гг. охват девушек в третичном образовании превышает мужской, при этом в общем количестве студентов женщины составляют более 50 %¹³. Позитивно на охват девушек высшим образованием влияет высокая доля преподавательниц [Ghosh et al., 2021]. На настоящий момент в Индии преподавание в высшей школе является скорее мужским занятием — в 2021—2022 уч. г. женщины составляли 43,4 %¹⁴ профессорско-преподавательского состава, в то время как среди студентов наблюдается больший гендерный баланс.

В силу низкой вероятности построения успешной карьеры женщинами, родители чаще выбирают менее дорогие программы гуманитарного профиля, что ведет к недостаточной представленности девушек в STEM (наука, технологии, инжиниринг, математика) [Singh, 2008].

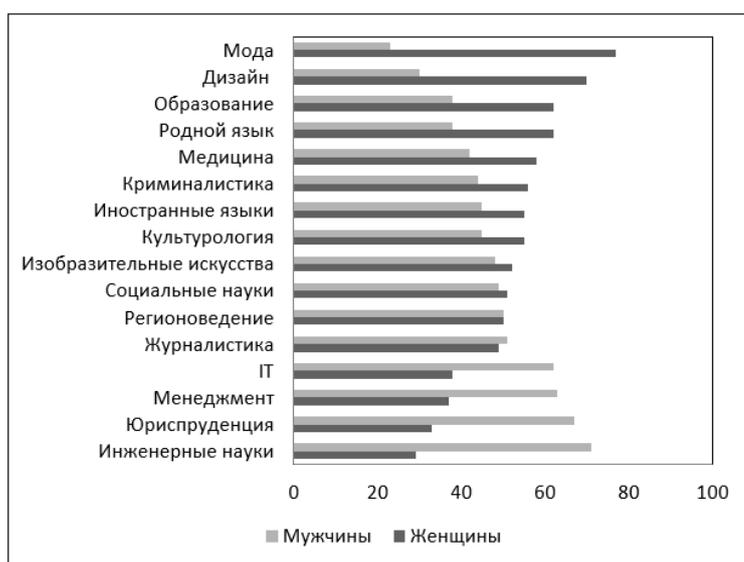

Рис. 5. Горизонтальная сегрегация в бакалавриате в Индии, 2023 г., %

Главная особенность горизонтальной сегрегации в высшем образовании в Индии — ее разительное отличие от горизонтальной сегрегации на рынке труда. Доля женщин закономерно ниже на специальностях, связанных с точными науками (инженерные науки — 29 %, IT — 38 %), однако существуют и ярко выраженные «женские» направления — социально значимые и творческие профессии. Большой перечень специальностей является нейтральным, где доля мужчин и женщин примерно равна, например, журналистика, социальные науки, изобразительные искусства, культурология, иностранные языки¹⁵.

¹³ Women and Men in India // Ministry of Statistics and Programme Implementation. 2023. URL: <https://www.mospi.gov.in/publication/women-and-men-india-2023> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁴ All India Survey on Higher Education 2021-2022. Government of India Ministry of Education. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s392049debbe566ca5782a3045cf300a3c/uploads/2025/06/2025060466438560.pdf> (дата обращения: 01.09.2025)

¹⁵ Составлено по: Women and Men in India // Ministry of Statistics and Programme Implementation. 2023. URL: <https://www.mospi.gov.in/publication/women-and-men-india-2023> (дата обращения: 05.09.2025).

Наука

Индия известна огромным количеством известных женщин-ученых. К их числу относятся, например, «мать» индийской ядерной программы Тесси Томас, химик Асима Чаттерджи, первая из женщин получившая степень доктора наук в индийском университете в 1944 г., или физик Адити Сен Де, известная открытиями в области квантовых вычислений.

Женщины составляют малую долю среди научных сотрудников в Индии, но при этом составляют почти половину среди обладателей ученой степени. В науке также почти не наблюдается горизонтальной сегрегации, в большинстве направлений женщины составляют половину (рис. 6).

К основным факторам, мешающим женщинам строить карьеру в науке в Индии, относят отсутствие социального одобрения, гендерный разрыв в оплате труда, разные условия продвижения по карьерной лестнице, недостаток образовательных возможностей для женщин [Wesarat et al., 2020: 24]. Если же говорить о наиболее удачных карьерных стратегиях в академической среде, то женщины-ученые отмечают постоянное участие в конференциях и семинарах, а также поддержание высокого уровня публикационной активности [Dhal et al., 2024: 61].

Всего 6,67 % научных сотрудниц в Индии участвуют в управлении наукой [Wesarat et al., 2020: 22]. Общая доля женщин-членов в трех академиях наук Индии в межстрановом сопоставлении низка и не превышает 10 %¹⁶. Первая женщина-президент Индийской Национальной академии наук биолог Чандрима Шаха была избрана в 2019 г.¹⁷.

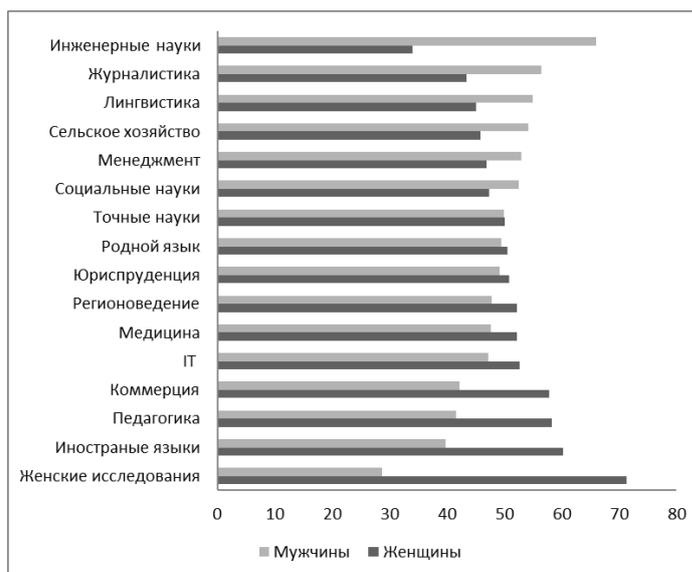

Рис. 6. Горизонтальная сегрегация по направлениям специализации докторов философии (PhD) в Индии, 2023 г., %¹⁸

¹⁶ В Индийской национальной академии наук 9% в 2020 г., в Индийской академии наук 8,4 % в 2020 г., в Национальной академии Индии 8,2% в 2016 г. См. предыдущий источник, с. 29.

¹⁷ Chandrima Shaha, first woman set to head science academy, was also a cricketer, commentator // ThePrint. 2019. August 10. URL: <https://theprint.in/science/chandrima-shaha-first-woman-set-to-head-science-academy-was-also-a-cricketer-commentator/273673/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁸ Составлено по: Women and Men in India // Ministry of Statistics and Programme Implementation. 2023. URL: <https://www.mospi.gov.in/publication/women-and-men-india-2023> (дата обращения: 05.09.2025).

Политическое управление

Первая волна женщин-политиков Индии, которая состояла из представительниц политических династий¹⁹, трансформировала отношение к женщинам в государственном управлении и сделала возможным продвижение по карьерной лестнице тех, кто принадлежал к менее именитым семьям. Ко второй волне женщин-политиков относятся, например, президент Индии (2007 — 2012 гг.) Пратибху Патил или министр иностранных дел Сушма Сварадж (2014 — 2019 гг.). В 2014 г. с приходом к власти премьер-министра Нарендры Моды представленность женщин-министров (Minister of State) в правительстве резко возросла и составляла около четверти (см. рис. 7), однако этот эффект оказался временным и уже с начала 20-х гг. их количество не превышает десяти. Представленность женщин в нижней палате парламента хоть и поступательно растет, но в настоящий момент не превышает всего 15 %. Ситуация должна измениться с 2029 г., когда начнет действовать введенная в 2023 г. гендерная квота в 1/3 мест.

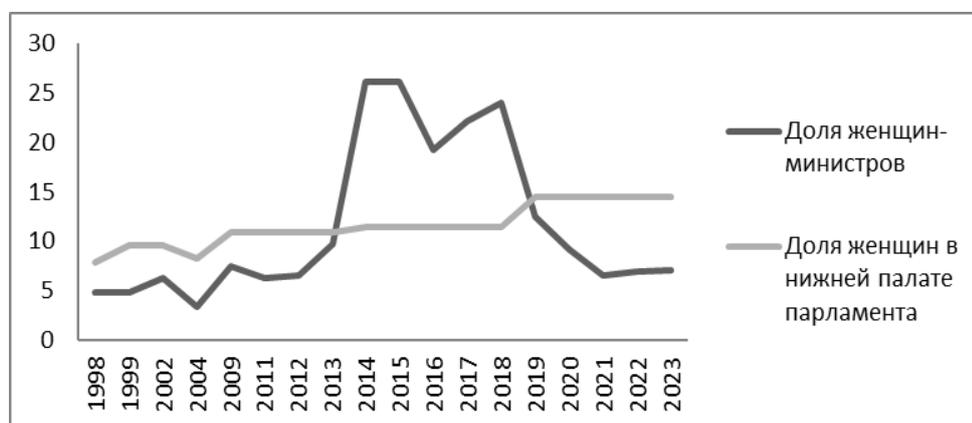

Рис. 7. Представленность женщин в политическом управлении в Индии, 1998 — 2023 гг.²⁰

¹⁹ Южная Азия известна традицией участия дочерей и вдов известных государственных деятелей в политическом процессе, назначения или избрания их на первые посты. Ярким примером тому является Индира Ганди, дочь премьер-министра Джавахарлала Неру, которая сама занимала этот пост в периоды с 1966 по 1977 гг. и с 1980 по 1984 гг. В 2004 г. кандидатом на эту должность стала Соня Ганди, вдова Раджива Ганди, которая в 1991 г. после его убийства возглавила партию Индийский национальный конгресс. Избрание женщин-представительниц династий на руководящие посты вопреки традициям мужского политического лидерства стало возможным, с одной стороны, благодаря ассоциациям с политиками прошлого и народной любви к ним, с другой — из-за представления о женщине как о менее опасном и нейтральном политическом игроке, которая отдаст ключевые полномочия мужчинам-министрам [Суворова, 2016: 31]. При этом данные убеждения не всегда соответствуют реальности, например, Индира Ганди во время своего правления не раз проявляла твердость и решительность в военных конфликтах или в вопросах централизации власти.

²⁰ Составлено по: Women and Men in India // Ministry of Statistics and Programme Implementation. 2023. URL: <https://www.mospi.gov.in/publication/women-and-men-india-2023> (дата обращения: 06.09.2025).

Корпоративное управление

Женщины имеют малое представительство в корпоративном управлении, но оно последовательно растет: в 2017 — 2023 гг. — 27,9 % мест в совете директоров и 16 % руководящих постов занимают женщины (рис. 8). С другой стороны, сокращается доля компаний с женщинами топ-менеджерами (с 8,9 % в 2014 г. до 6,8 % в 2022 г.²¹) и с участием женщин в качестве акционеров (с 10,7 % в 2024 г. до 3,9% в 2022 г.²²). Это свидетельствует о том, что изменения касаются лишь небольшого количества компаний с учетом того, что компании, чьи акции не торгуются на бирже, остаются неохваченными международной статистикой. Падает и доля женщин-председателей советов директоров — с 4,5 % в 2018 г. до 3,6 % в 2021 г. [Singh, 2024: 21].

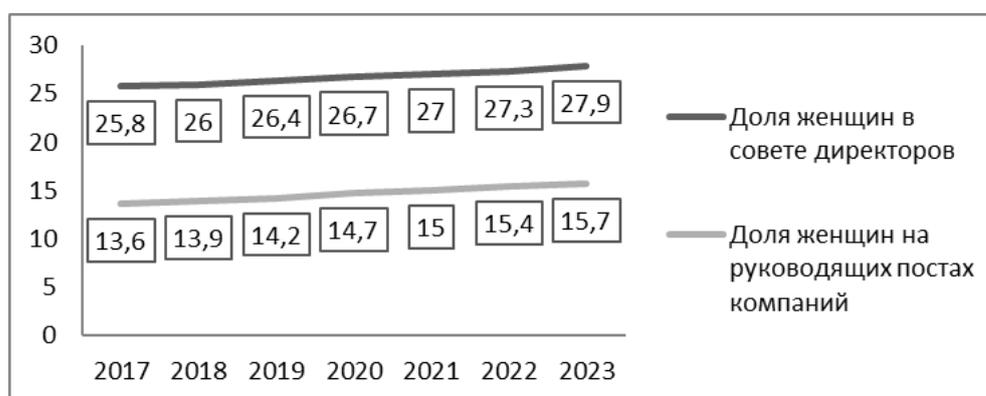

Рис. 8. Представленность женщин в корпоративном управлении Индии, 2017—2023 гг., %²³

В 2013 г. был введен Закон о компаниях 2013 г., который обязал ряд компаний иметь в правлении как минимум 1 женщину-директора, установив тем самым гендерную квоту в корпоративном управлении. В результате чего в Индии начал процветать токенизм — на руководящие посты приглашали родственниц. В целом для Индии характерны семейные конгломераты, поэтому возможности, которыми обладают женщины в них, тесно связаны с их ролью в своей семье.

Другим следствием является высокий уровень концентрации ограниченного количества женщин в правлении. В 2020 г. 14 женщин занимали 5—6 руководящих должностей в топ-50 компаний, чьи акции торгуются на биржах, а 7 — по семь руководящих должностей [Vohra, 2020: 8]. Это является свидетельством существования горизонтальных карьерных лестниц для женщин в управлении бизнесом, но отсутствия вертикальных: места в правлении с большей вероятностью получают женщины, уже принадлежащие к финансово-промышленным элитам, нежели те, кто является выходцем из руководителей среднего звена.

²¹ Firms with female top manager (% of firms) // The World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IC.FRM.FEMM.ZS> (дата обращения: 19.06.2025 г.).

²² Ibid.

²³ Составлено по: Women and Men in India // Ministry of Statistics and Programme Implementation. 2023. URL: <https://www.mospi.gov.in/publication/women-and-men-india-2023> (дата обращения: 07.09.2025).

Выводы

Стремительный экономический рост Индии достигается вопреки недоиспользованию женского человеческого капитала или использованию его в неформальном секторе, что позволяет существенно экономить на издержках труда. Прогресс в образовании, науке и законодательстве нивелируется резким гендерным разделением труда, а также спецификой ведения домашнего хозяйства в Индии — дефиците питьевой воды, жарком климате, низким технологическим обеспечением индийских домохозяйств. В результате наблюдается резкий разрыв между возможностями женщин из богатых семей, не обремененных домашним трудом, обладающих прекрасным образованием, участвующих в государственном и корпоративном управлении, и всех остальных женщин. Формальный рынок труда представляет немного возможностей для трудоустройства: женской оплачиваемой занятостью выступает только домашний труд. Все это весьма серьезно ограничивает экономический и человеческий потенциал Индии.

Список источников

- Ребрей С. М. Как измерить возможности женщин и мужчин? М.: Русайнс, 2025. 255 с.
- Ребрей С. М. Неравенство возможностей женщин и мужчин России: анализ агентности на базе всемирного исследования ценностей // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 22—32.
- Суворова А. А. Женщина-лидер в Южной Азии: случайность или закономерность? // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2016. № 6. С. 27—39.
- Юрлова Е. С. Женщины Индии. Традиции и современность. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 520 с.
- Agénor P.-R., Mares J., Sorsa P. Gender equality and economic growth: an overlapping generations model for India // *OECD Economics Department Working Papers*. 2015. No. 1263. 59 p.
- Azam M., Han L. Accounting for differences in female labor force participation between China and India // *Institute of Labor Economics Series*. 2020. № 20 (2). P. 1—17.
- Bhalla S. S., Kaur R. Labour force participation of women in India: some facts, some queries // *LSE Asia Research Center Working Paper*. 2011. No. 40. 26 p.
- Chatterjee E., Desai S., Vanneman R. Indian paradox: rising education, declining women's employment // *Demographic Research*. 2018. Vol. 38. № 38. P. 855—878.
- Cuberes D., Teignier M. Gender gaps in the labour market and aggregate productivity. Working Paper. Sheffield: Department of Economics, University of Sheffield, 2012. 33 p.
- Dhal S., Sharma J. Making sense of the gendered realities in science: an exploration of the Indian situation // *Social Change*. 2024. № 54(1). P. 54—67.
- Dubey S. Y. Women at the Bottom in India: Women Workers in the Informal Economy // *Contemporary Voice of Dalit*. 2016. № 8(1). P. 30—40.
- Duflo E. Gender Equality in Development // *BREAD Policy Paper*. 2005. № 011. 23 p.
- Esteve-Volart B. Gender discrimination and growth: theory and evidence from India // *STICERD — Development Economics Papers, Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines, London School of Economics*. 2004. № 42. 70 p.
- Ghosh S., Kundu A. Women's participation in higher education in India: an analysis across major states // *Indian Journal of Human Development*. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 1—20.
- Hanmer L., Klugman J. Exploring women's agency and empowerment in developing countries: where do we stand? // *Feminist Economics*. 2016. Vol. 22. No. 1. P. 237—263.
- Jha N., Banerjee N. Effects of diffusion and education on women's fertility in India // *Journal of Population Research*. 2025. Vol. 42. № 16. P. 42—90.
- Klasen S., Pieters J. Push or pull? drivers of female labor force participation during India's economic boom // *IZA Discussion Papers*. 2012. No. 6395. Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn. 34 p.

- Mammen K., Paxson C. Women's work and economic development // *The Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14. No. 4. P. 141—164.
- Schultz P. Why governments should invest more to educate girls // *World Development*. 2001. №30(2). P. 207—225.
- Sen A. Well-being, agency and freedom: the dewey lectures 1984 // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. № 4. P. 169—221.
- Shiva V. *Staying alive: women, ecology and survival in India*. New Delhi: Kali for Women, 1988. 224 p.
- Singh N. Higher Education for Women in India — choices and challenges // *Forum on Public Policy*. 2008. January. Vol. 1. 16 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1099426.pdf> (дата обращения: 07.09.2025).
- Singh V. Women's participation in corporate management in India and the Companies Act of 2013 // *Sri Lanka Journal of Social Sciences*. 2024. Vol. 47. № 1. P. 17—27.
- Teignier M., Cuberes D. Aggregate costs of gender gaps in the labour market: a quantitative estimate. Working Paper 2014/308. Barcelona: University of Barcelona, 2014. 30 p.
- Vohra N. Women on boards in India: numbers, compositions, experiences and inclusion of women directors // *Indian Institute of Management Ahmedabad and Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry*. 2020. 68 p. URL: https://www.primeinfobase.com/indianboards/files/ИИМ_Ахмедабад_FICCI_PRIME_WOB_report.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
- Wesarat P., Mathew J. Theoretical Framework of Glass Ceiling: A case of India's women academic leaders // *Paragidm*. 2020. № 21 (1). P. 21—30.
- World Development Report on gender Equality and Development. Washington D.C.: World Bank, 2012. 458 p.

References

- Agénor, P.-R., Mares, J., Sorsa, P. (2015) Gender equality and economic growth: an overlapping generations model for India, *OECD Economics Department Working Papers*, no. 1263.
- Azam, M., Han, L. (2020) Accounting for differences in female labor force participation between China and India, *Institute of Labor Economics Series*, no. 20 (2), pp. 1—17.
- Bhalla, S. S., Kaur, R. (2011) Labour force participation of women in India: some facts, some queries, *LSE Asia Research Center Working Paper*, no. 40.
- Chatterjee, E., Desai, S., Vanneman, R. (2018) Indian paradox: rising education, declining women's employment, *Demographic Research*, vol. 38, no. 38, pp. 855—878.
- Cuberes, D., Teignier, M. (2012) Gender gaps in the labour market and aggregate productivity. *Working Paper*. Sheffield: Department of Economics, University of Sheffield, 33 p.
- Dhal, S., Sharma, J. (2024) Making sense of the gendered realities in science: an exploration of the indian situation, *Social Change*, no. 54(1), pp. 54—67.
- Dubey, S. Y. (2016) Women at the bottom in India: women workers in the informal economy, *Contemporary Voice of Dalit*, no. 8 (1), pp. 30—40.
- Duflo, E. (2005) Gender equality in development, *BREAD Policy Paper*, no. 011.
- Esteve-Volart, B. (2004) Gender discrimination and growth: theory and evidence from India, *STICERD — Development Economics Papers, Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines*, London School of Economics, no. 42.
- Ghosh, S., Kundu, A. (2021) Women's participation in higher education in India: an analysis across major states, *Indian Journal of Human Development*, vol. 15, no. 2, pp. 1—20.
- Hanmer, L., Klugman, J. (2016) Exploring women's agency and empowerment in developing countries: where do we stand?, *Feminist Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 237—263.
- Jha, N., Banerjee, N. (2025) Effects of diffusion and education on women's fertility in India, *Journal of Population Research*, vol. 42, no. 16, pp. 42—90.
- Klasen, S., Pieters, J. (2012) Push or pull? Drivers of female labor force participation during India's economic boom, *IZA Discussion Papers*, no. 6395, Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn.
- Mammen, K., Paxson, C. (2000) Women's Work and Economic Development, *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 14, no. 4, pp. 141—164.

Rebrey, S. M. (2025) *Kak izmerit' vozmozhnosti zhenshchin i muzhchin?* [How to measure the capabilities of women and men?], Moscow: Rusains.

Rebrey, S. M. (2022) Neravenstvo vozmozhnostej zhenshchin i muzhchin Rossii: Analiz agentnosti na baze vseirnogo issledovaniia cennostej [Inequality of opportunities for women and men in Russia: an analysis of agency based on a worldwide study of values], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 22—32.

Schultz, P. (2001) Why governments should invest more to educate girls, *World Development*, no. 30 (2), pp. 207—225.

Sen, A. (1985) Well-being, agency and freedom: the dewey lectures 1984, *The Journal of Philosophy*, vol. 82, no. 4, pp. 169—221.

Shiva, V. (1988) *Staying alive: women, ecology and survival in India*. New Delhi: Kali for Women.

Singh, N. (2008) Higher education for women in India — choices and challenges, *Forum on Public Policy*, 2008, January, vol. 1, 16 p., available from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1099426.pdf> (accessed 07.09.2025).

Singh, V. (2024) Women's participation in corporate management in India and the Companies Act of 2013, *Sri Lanka Journal of Social Sciences*, vol. 47, no. 1, pp. 17—27.

Suvorova, A. A. (2016) Zhenshchina-lider v YUzhnoj Azii: sluchajnost' ili zakonmernost'? [A female leader in South Asia: an accident or a pattern?], *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 6. pp. 27—39.

Teignier, M. Cuberes, D. (2014) Aggregate costs of gender gaps in the labour market: a quantitative estimate. *Working Paper* 2014/308. Barcelona: University of Barcelona, 30 p.

Vohra, N. (2020) Women on boards in India: numbers, compositions, experiences and inclusion of women directors, *Indian Institute of Management Ahmedabad and Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry*, 68 p., available from https://www.primeinfobase.com/indianboards/files/ИИМ_Ахмедабад_FICCI_PRIME_WOB_report.pdf (accessed 07.09.2025).

Wesarat, P., Mathew, J. (2020) Theoretical framework of glass ceiling: a case of India's women academic leaders, *Paragidm*, no. 21(1), pp. 21—30.

World Development Report on gender Equality and Development (2012). Washington D.C.: World Bank.

Yurlova, E. S. (2014) *Zhenshchiny Indii. Traditsii i sovremennost'* [Women of India. Traditions and Modernity]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия, s.rebrey@inno.mgimo.ru (PhD in Economics, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation).

Александрова Анна Сергеевна — магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия, aleksandrova_a_s@my.mgimo.ru (Graduate Student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 32—48.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 32—48.

Научная статья

УДК 314.15:332.82

EDN: <https://elibrary.ru/tgwpsz>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.3

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ
ПРОБЛЕМ СЕМЬИ В РАМКАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Тамара Керимовна Ростовская,
Екатерина Николаевна Васильева,
Арсений Михайлович Ситковский*

Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования формирования технологий решения жилищных проблем российских семей обусловлена сложностью демографической ситуации. По данным ряда социологических исследований россияне называют одной из главных причин отложенной рождаемости проблемы с жильем, в то же время проблемы с жильем обуславливают негативные демографические процессы во многих странах мира. Теоретический обзор российских и зарубежных работ позволил систематизировать данные об эффективности жилищных программ в демографической политике. Методологическая база исследования — концепция благополучия семьи, которая позволила сопоставить жилье как фактор благополучия и потребности российских семей. Целью настоящего исследования является анализ институциональных решений, которые используются для решения жилищных проблем российских семей и увеличения рождаемости в Российской Федерации. Информационной базой исследования выступают статистические данные. Результаты проведенного исследования будут использованы для формирования предложений по развитию технологий поддержки российских семей.

Ключевые слова: благополучие семьи, семейная и демографическая политика, жилищные проблемы, репродуктивные ориентации, технологии поддержки семьи

Для цитирования: Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Ситковский А. М. Формирование технологий решения жилищных проблем семьи в рамках демографической политики: проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 32—48.*

Original article

DEVELOPING TECHNOLOGIES FOR SOLVING FAMILY HOUSING PROBLEMS WITHIN THE FRAMEWORK OF DEMOGRAPHIC POLICY: PROBLEMS AND PROSPECTS

*Tamara K. Rostovskaya,
Ekaterina N. Vasilieva,
Arseny M. Sitkovsky*

Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

Abstract. The relevance of research into the development of technologies for solving the housing problems of Russian families is due to the complexity of the demographic situation. According to a number of sociological studies, Russians cite housing problems as one of the main reasons for delayed childbearing, while housing problems are responsible for negative demographic processes in many countries around the world. A theoretical review of Russian and foreign studies has made it possible to systematize data on the effectiveness of housing programs in demographic policy. The methodological basis of the study is the concept of family well-being, which has made it possible to compare housing as a factor in the well-being and needs of Russian families. The purpose of this study is to analyze institutional solutions that are used to solve the housing problems of Russian families and increase the birth rate in the Russian Federation. Statistical data serve as the information base for the study. The results of the study will be used to formulate proposals for the development of technologies to support Russian families.

Key words: family well-being, family and demographic policy, housing issues, reproductive orientations, family support technologies

For citation: Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N., Sitkovsky, A. M. (2026) Formirovanie tekhnologii resheniya zhilishchnykh problem sem'i v ramkakh demograficheskoi politiki: problemy i perspektivy [Developing technologies for solving family housing problems within the framework of demographic policy: problems and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—48.

Обзор проблемы исследования: теоретические и прикладные аспекты

Методологической базой исследования является концепция благополучия семьи, разработанная Т. К. Ростовской [Ростовская и др., 2021], данная концепция опирается на классические парадигмы, исследующие влияние внешних и внутренних факторов на поведение акторов. Рассматривая вопрос о том, какие внешние факторы в большей степени влияют на репродуктивное поведение, демографы и социологи чаще всего указывают на экономические детерминанты [Архангельский и др., 2021; Шубарт, 2023]. Наиболее значимыми внутренними факторами являются сформированные ценности и установки [Ростовская и др., 2021]. Вся совокупность анализируемых факторов — внешних и внутренних — используется для проведения социологических исследований репродуктивного поведения, а основной вывод большей части исследований таков: жилищные проблемы не позволяют акторам реализовать сформированные установки, поэтому желаемое число детей отсутствует [Архангельский и др., 2021; Шубарт, 2023].

Результаты социологических исследований используются для формирования трендов современной демографической политики Российской Федерации, которая активно начала формироваться с внедрением подпрограмм «Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы¹. Нормативные документы по подпрограмме, а потом программе изменялись, но суть сохранялась — молодым семьям выделяли субсидию на покупку жилья, если они были признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий. Получая статус «нуждающаяся в улучшении жилищных условий», молодая семья ставилась в очередь на получение субсидии и, в некоторых случаях, теряла статус «молодая семья» до выделения искомых средств, следовательно, теряла право на получение субсидии. Эффективность реализации данной программы, первой технологии, направленной на решение жилищных проблем российских семей, ее влияние на демографическую политику отдельно не исследовались.

Вторая технология, направленная на решение жилищных проблем семьи, а также повышение рождаемости, — введение в 2007 году программы материнского (семейного) капитала в рамках Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», где в качестве основной цели было заявлено создание мер, «обеспечивающих возможность улучшения жилищных условий»².

Эффективность внедрения программы материнского (семейного) капитала подтверждается научными исследованиями, проведенными разными методами — как социологическими [Архангельский и др., 2017], так и математическими [Бахтизин и др., 2021]. Отдельный пул исследований, посвящен анализу региональных программ материнского (семейного) капитала [Вакуленко и др., 2023; Калачикова, Архангельский, 2025].

Эффективность влияния жилищной политики на демографию и социальную политику исследуется и в зарубежных странах. Современная демографическая политика в развитых странах рассматривает жилищный вопрос не просто как проблему экономической отрасли, но и как комплексный инструмент управления человеческим капиталом, рождаемостью и социальным благополучием. Анализ зарубежных исследований позволяет выделить несколько ключевых технологий и подходов в рамках жилищной демографической политики.

Фундаментальная связь между стоимостью недвижимости и демографией раскрывается в работе Л. Деттлинг и М. Кирни [Dettling, Kearney, 2014]. Авторы доказывают на примере статистики США, что рост цен на жилье оказывает разнонаправленное влияние: для владельцев недвижимости он создает «эффект богатства», стимулирующий рождаемость, тогда как для арендаторов — «эффект замещения», вынуждающий откладывать рождение детей из-за роста стоимости жизни. Это диктует необходимость технологий поддержки именно молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Данные 2024—2025 годов указывают на то, что риск выселения или высокая доля расходов на аренду в бюджете семьи ведут к откладыванию деторождения и психологическому стрессу, разрушающему семейные связи. Технологии «социального найма» и защиты прав арендаторов рассматриваются как

¹ Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы. URL: <http://government.ru/docs/all/39993/?page=16> (дата обращения: 01.11.2025).

² Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: https://sfr.gov.ru/order/mother_fam_capital~1589 (дата обращения: 01.11.2025).

фундаментальный элемент демографической безопасности [Dettling, Kearney, 2014; Early, Olsen, 2025]. В развитие этой темы современные медицинские исследования указывают на то, что жилищная нестабильность и неблагоприятная среда проживания могут негативно влиять даже на биологические показатели фертильности, что делает жилищный вопрос фактором национальной безопасности [De Ziegler et al., 2025]. Технологии «социального жилья» анализируют с точки зрения их долгосрочного влияния на демографическое качество населения С. Ньюман и С. Холупка. Ученые в своем исследовании доказывают, что стабильное и доступное жилье является критическим фактором здорового развития ребенка [Newman, Holupka, 2025]. Жилищная политика, таким образом, становится инструментом снижения нагрузки на систему здравоохранения и образования в будущем.

Анализ программ мобильности жилья (например, МТО в США), показывает, что предоставление ваучеров на жилье в более благополучных районах способно снизить риски раннего (подросткового) родительства в следующем поколении, тем самым корректируя демографические траектории уязвимых групп [Fuller et al., 2019]. Мощным инструментом остается государственное регулирование спроса через налоговые вычеты по ипотеке. В работе С. Дамен и Г. Гойвертс анализируется реакция рынка на вычеты по процентам по ипотеке в различных регионах Бельгии [Damen, Goeuvaerts, 2026]. Исследователи подчеркивают, что такие меры должны быть сбалансированы, чтобы не спровоцировать искусственный рост цен, который «съест» выгоду для семей.

Жилищные программы реализуются в Китае, где преференциальная жилищная политика (льготное распределение или субсидии), основанная на размере приобретаемой площади, значительно влияет на структуру потребления домохозяйств, высвобождая ресурсы для инвестиций в человеческий капитал детей [Ding et al., 2025].

Взаимосвязь между объемами жилищного строительства, доступностью и демографическими изменениями на субрегиональном уровне исследуется в работе Г. Брэмли, Д. Уоткинса. Авторы подчеркивают, что решения местных органов планирования в Великобритании часто игнорируют долгосрочные демографические потребности, что ведет к дефициту семейного жилья [Bramley, Watkins, 2016]. Подходы современной урбанистики итальянских исследователей в рамках демографической политики, где жилищная проблема стоит очень остро, что привело к отложенным брачности и рождаемости и длительному проживанию молодежи с родителями, призывают к формированию модели «семейно-ориентированных городов», что включает создание доступной среды, где жилье интегрировано с детскими садами, школами и зелеными зонами [Esposito, 2024].

В Канаде для социально незащищенных групп населения применяются технологии комплексного сопровождения. Одной из наиболее эффективных технологий для уязвимых категорий семей (например, родителей-подростков) является модель, описанная в работе М. Трамбле, Б. Кингсли, Р. Гокиерт и др. На примере программы «Successful Families» в Эдмонтоне (Канада) авторы показывают, что предоставление жилья само по себе недостаточно для решения демографических и социальных задач [Tremblay et al., 2024]. Эффективная технология включает в себя систему комплексной (wraparound) поддержки, объединяющей безопасное жилье с развитием навыков, партнерством профильных агентств и созданием сообщества. Это позволяет преодолевать системные барьеры и формировать устойчивую семейную среду.

Анализ зарубежных источников показывает, что наиболее перспективным направлением является переход от простых денежных субсидий на приобретение жилья к интегрированным экосистемам поддержки инфраструктуры жилья, будущее стоит за программами, которые рассматривают жилье как платформу для предоставления социальных, медицинских и образовательных услуг.

Для эффективной демографической политики необходимо сочетание макроэкономических инструментов (налоговые вычеты, ипотечные ставки) с микро-социальными технологиями (поддерживающее жилье, семейные кластеры в городской среде). Только комплексное решение проблемы «жилищного стресса» может создать условия для реализации репродуктивных планов современных семей.

Основные технологии решения жилищных проблем семьи в России

В России эффективность жилищной политики сопоставляется с эффективностью влияния материнского (семейного) капитала (МСК) на повышение рождаемости, что подтверждается данными с 2007 по 2015 гг., когда размер МСК был достаточным для приобретения жилья или увеличения жилплощади с помощью ипотечных программ, в которых МСК использовался как первый взнос по ипотеке. Внедрение МСК стимулировало появление вторых и третьих детей, рождение которых откладывалось и могло в принципе не осуществиться, т. к. при увеличении интервала отложенного рождения высока вероятность снижения репродуктивного здоровья женщин и мужчин.

С 2015 года мы наблюдаем снижение как общего суммарного коэффициента рождаемости (СКР), так и СКР по рождению первых детей. Чтобы преодолеть негативные тенденции было принято решение с 1 января 2020 года ввести материнский капитал при рождении первого ребенка, при этом не были введены дополнительные меры стимулирования ранних рождений. В итоге увеличение СКР по первым рождениям стало несущественным (см. табл. 1) в 2021—2023 гг. (в 2023 году — 0,597), а по сравнению с 2020 годом мы наблюдаем его падение.

Негативная ситуация сложилась и по рождению вторых детей, т. к. при рождении второго ребенка предусмотрена лишь доплата в размере 221 895,14 руб., если материнский капитал получен на первого ребенка³. При рождении третьего ребенка материнский капитал не положен, если был получен ранее. Сложилась неординарная ситуация, когда материнский капитал перестал работать в отношении вторых и последующих детей. А рождение третьих детей стимулируется иными механизмами поддержки.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в 2005–2022 гг.

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости	в т. ч. по очередности рождения:				
		первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и последующие
Российская Федерация						
2005	1,294	0,744	0,407	0,100	0,027	0,016
2006	1,305	0,753	0,410	0,100	0,026	0,016
2007	1,416	0,758	0,479	0,126	0,033	0,020

³ Материнский капитал. URL: https://www.garant.ru/actual/posobiya/posob_deti/1020053/ (дата обращения: 11.11.2025).

2008	1,502	0,784	0,518	0,143	0,037	0,020
2009	1,542	0,800	0,536	0,147	0,038	0,021
2010	1,567	0,786	0,564	0,156	0,040	0,021
2011	1,580	0,779	0,573	0,164	0,041	0,022
2012	1,686	0,807	0,618	0,188	0,047	0,025
2013	1,699	0,807	0,621	0,197	0,048	0,025
2014	1,713	0,783	0,644	0,207	0,052	0,027
2015	1,762	0,781	0,682	0,217	0,055	0,028
2016	1,744	0,756	0,679	0,222	0,057	0,029
2017	1,601	0,696	0,597	0,219	0,058	0,030
2018	1,556	0,654	0,574	0,227	0,065	0,035
2019	1,477	0,626	0,523	0,225	0,068	0,036
2020	1,474	0,611	0,514	0,237	0,073	0,040
2021	1,470	0,593	0,513	0,245	0,077	0,042
2022	1,416	0,595	0,462	0,237	0,079	0,043

Таким образом, даже в условиях, когда ежегодно сумма материнского капитала пересматривается с учетом роста потребительских цен за предыдущий год (размер материнского капитала увеличили на 9,5 %), его влияние на рождение первых и последующих детей снижается. Для увеличения размера и повышения эффективности влияния на демографическую политику в большей части регионов России введен региональный (республиканский / краевой) материнский (семейный) капитал, но его размер существенно варьируется, например:

— в Калужской области предоставляется региональный материнский (семейный) капитал в размере 50 тыс. рублей при рождении второго ребенка и 100 тыс. рублей — при рождении третьего и последующих детей⁴;

— в Нижнем Новгороде анонсировано с 1 января 2026 года введение МСК на первого ребенка в размере 1 млн руб., при условии, что возраст матери до 29 лет⁵.

Таким образом, рассчитывать эффективность регионального (республиканского / краевого) материнского (семейного) капитала необходимо для каждого субъекта, в то же время — его величина в большинстве регионов не превышает доплату на второго ребенка, которая является незначительной. Выводы российских ученых во многом совпадают — эффективность МСК снижена, т. к. его большая часть выплачивается на первого ребенка, а размер перестал компенсировать стоимость жилья, первого взноса по ипотеке в регионах России [Бахтизин и др., 2021]. В сложившихся условиях была внедрена новая технология, ориентированная на решение жилищных проблем семьи — «Семейная ипотека». Анализ положений данной технологии составляет новизну представленного исследования.

Концептуальные положения программы «Семейная ипотека»

«Семейная ипотека» как программа льготного кредитования, предполагающая сниженную процентную ставку по ипотеке для семей с детьми, была запущена в

⁴ Как оформить региональный материнский капитал. URL: <https://kmfc40.ru/articles.php?articleshow&aid=114#refreched> (дата обращения 11.11.2025).

⁵ Назван регион, где будут выплачивать более 1 млн руб. за первого ребенка. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/694a37a09a794782f3ce0afb> (дата обращения 23.12.2025).

2018 году и вплоть до 2025 года многократно изменяла свои условия. 29 февраля 2024 года в ежегодном послании Президента РФ Федеральному собранию В.В. Путин предложил продлить действие программы до 2030 года с сохранением указанной процентной ставки⁶. Несмотря на то, что данный инструмент позиционируется как способ улучшения материального положения семей, необходимо отметить, что в экономическом смысле долговое обязательство сроком до 30 лет само по себе ухудшает материальное положение семьи.

В настоящее время льготная процентная ставка «Семейной ипотеки» составляет до 6 %, но только в отношении части кредита, не превышающей 12 млн или 6 млн рублей для г. Москва, Московской области, г. Санкт-Петербург, Ленинградской области и для других субъектов РФ соответственно. В связи с этим реальная средневзвешенная ставка составляет от 7,5 % до 16,3 % по данным Сбербанка⁷. Средняя цена м² жилья на первичном рынке по итогам сентября 2025 г. составляла 368,9 тыс. руб. в Москве и 176,8 тыс. руб. в среднем по России⁸. Исходя из этих цифр, в «Семейную ипотеку» под 6 % можно приобрести квартиру площадью примерно 32—34 м², что не соответствует даже норме предоставления площади жилого помещения для семьи из двух человек в Москве (36 м²)⁹ и не дает реальных возможностей приобретения жилплощади для семей с детьми, особенно многодетных, которые в большинстве случаев не могут больше претендовать на МСК, а выплата, положенная многодетным семьям в размере 500 тыс. руб., незначительна.

Ключевым условием для получения «Семейной ипотеки» было и остается наличие детей. По состоянию на осень 2025 г. на «Семейную ипотеку» могут претендовать:

- Семьи с ребенком в возрасте до 6 лет (включительно) или с ребенком с инвалидностью до 18 лет;
- Семьи с двумя и более детьми до 18 лет (не включительно) для приобретения квартиры в строящемся доме по договору долевого участия или договору купли-продажи от застройщика в одном из 35 регионов или в малом городе.

Приведение условий «Семейной ипотеки» к потребностям государственной семейно-демографической политики

«Семейная ипотека» претерпела существенные изменения с 1 июля 2024 года. Основным нововведением стало сужение круга потенциальных получателей: необходимо наличие хотя бы одного ребенка в возрасте до 6 лет, тогда как ранее на «семейную ипотеку» могли претендовать семьи, имеющие хотя бы двух несовершеннолетних детей любого возраста. Кроме того, ранее потенциальными

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 2024. 29 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 02.11.2025).

⁷ Семейная ипотека: как получить кредит с государственной поддержкой в 2025 году // Журнал Домклик. 2025. 18 ноября. URL: <https://blog.domclick.ru/ipoteka/post/semeynaya-ipoteka-kak-poluchit-kredit-s-gosudarstvennoj-podderzhkoj> (дата обращения: 02.11.2025).

⁸ «Домклик»: рост цен на жилье в РФ ускорился, но не успевает за темпами инфляции // ТАСС. 2025. 20 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25399821> (дата обращения: 02.11.2025).

⁹ Закон г. Москва от 14.06.2006 N 29 (ред. от 20.02.2019) «Об обеспечении права жителей города Москва на жилые помещения» // Департамент городского имущества города Москва. URL: <https://www.mos.ru/dgi/documents/normativnye-dokumenty/view/180557220/> (дата обращения: 02.11.2025).

получателями также могли быть все те «семьи», в которых есть ребенок, рожденный с 2018 года, то есть которому не более 6 лет в 2024 году¹⁰.

Очевидно, что количество «семей», в которых двое несовершеннолетних детей, значительно больше, чем тех, в которых один ребенок в возрасте до 6 лет. Рассчитаем, на сколько уменьшилось число потенциальных получателей «Семейной ипотеки» с 1 июля 2024 года. Поскольку подробная демографическая статистика публикуется не столь часто, для расчета разницы между двумя категориями семей в процентном отношении воспользуемся данными «Всероссийской переписи населения», прошедшей осенью 2021 года.¹¹ Позволим допущение, что соотношение исследуемых категорий останется примерно таким же и в 2024 году. По итогам переписи в России насчитывалось 6,747 млн семей, в которых двое и более несовершеннолетних детей и еще 5,645 млн семей, в которых единственный ребенок в возрасте младше 7 лет. Соответственно, количество потенциальных получателей «семейной ипотеки» по предшествующим правилам составило бы 12,392 млн семей. Количество семей, в которых есть хотя бы один ребенок моложе 7 лет (вне зависимости от очередности рождения) составило 7,145 млн. Таким образом, в 2024 году количество потенциальных получателей «семейной ипотеки» по новым правилам сократилось примерно на 42,3 %.

Условия выдачи «семейной ипотеки» направлены на стимулирование рождаемости. По итогам переписи населения 56,6 % всех семей с несовершеннолетними детьми имеют только одного ребенка¹². На это обстоятельство обратили внимание специалисты «ДОМ.РФ», которые в 2024 г. выступили с предложением о снижении льготной процентной ставки на 1% при рождении второго ребенка и еще на 1% при рождении третьего¹³. Таким образом, льготная процентная ставка по «семейной ипотеке» могла бы составить 6% при рождении 1 ребенка, 5% при рождении 2-х детей, 4% при рождении 3-х и последующих детей.

Снижение ипотечной нагрузки с многодетных семей не только стимулирует рождаемость, но и может стать мерой косвенной материальной поддержки. Однако необходимо учитывать, что рождение больше трех детей в семье также необходимо стимулировать, т.к. потенциал прироста рождений тем выше, чем больше детей в семье (см. рис. 1).

¹⁰ Как воспользоваться «Семейной ипотекой»? // ДОМ.РФ. 2025. 26 декабря. URL: https://спроси.дом.рф/instructions/semeinaya-ipoteka/?utm_source=dom.rf&utm_medium=referral&utm_campaign=ref_601_sprosi.dom.rf_rf_page.button&utm_content=дом.рф/mortgage/family-mortgage/ (дата обращения: 02.11.2025).

¹¹ Таблица 13. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по возрастным группам детей/ Итоги ВПН—2020. Том 8. Число и состав домохозяйств // Росстат. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том8_tab13_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 02.11.2025).

¹² Там же.

¹³ Минфину предложили связать ставки по семейной ипотеке с числом детей // РБК. 07.03.2024. URL: <https://www.rbc.ru/finances/07/03/2024/65e96cfc9a7947a189ff1342> (дата обращения: 02.11.2025).

Показатель (чел)	0 детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка	5 детей	6 детей	7 и более
Фактическое число матерей	7 414 027	7 551 894	7 084 399	2 047 235	460 597	153 096	47 847	25 787
Потенциал роста числа матерей	—	7 414 027	14 965 921	22 050 320	24 097 555	24 558 152	24 711 248	24 759 095
Гипотетический максимум матерей	7 414 027	14 965 921	22 050 320	24 097 555	24 558 152	24 711 248	24 759 095	24 784 882

Рис. 1. Распределение числа матерей в возрасте 15—49 лет в зависимости от числа детей и гипотетический потенциал их увеличения, по данным «ВПН—2020»¹⁴

На рисунке 1 представлено количество матерей в зависимости от числа детей по итогам «Всероссийской переписи населения», прошедшей в 2021 году¹⁵. Цветами слева-направо обозначены статистические пределы для: действующих условий, предложений ДОМ.РФ и ИСД ФНИСЦ РАН. Из данных видно, чем больше детей, тем меньше группа матерей. Соответственно, мы можем предположить, что каждая мать способна перейти в следующую группу путем увеличения числа детей (рождений или усыновлений). Следующая группа не может быть больше, чем сумма ее фактического значения и числа матерей из всех предшествующих групп. Например, гипотетическое максимальное число двухдетных матерей не может быть больше, чем

¹⁴ Таблица 1. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации / Итоги ВПН—2020. Том 9. Рождаемость // Росстат. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom9_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 02.11.2025).

¹⁵ Там же.

их имеющееся количество плюс все те женщины, у которых сейчас 0 и 1 ребенок и которые могли бы стать двухдетными. Отказ от государственной поддержки рождения четвертых, пятых, шестых и т. д. детей существенно ограничивает потенциал «семейной ипотеки».

Во-вторых, предлагаем ознакомиться с расчетом размера государственной субсидии по «семейной ипотеке» в зависимости от разной процентной ставки в расчете на 1 ребенка (см. табл. 2).

Таблица 2

**Расчет размера государственной субсидии по «семейной ипотеке»
 в зависимости от разной процентной ставки в расчете на 1 ребенка**

Потенциальная сумма кредита, млн р.	6	6	6	6	6	6	6	6	
Количество лет	30	30	30	30	30	30	30	30	
Количество детей, человек	0	1	2	3	4	5	6	7	
Ипотечная ставка, % годовых	18,2 %	6 %	5 %	4 %	3 %	2 %	1 %	0 %	
Переплата по кредиту, млн р.	32,76	10,8	9,0	7,2	5,4	3,6	1,8	0	
Общая сумма кредита, млн р.	38,76	16,8	15,0	13,2	11,4	9,6	7,8	6,0	
Размер государственного субсидирования, млн р.	всего	—	21,96	23,76	25,56	27,36	29,16	30,96	32,76
	на 1 ребенка	—	21,96	11,88	8,52	6,84	5,832	5,16	4,68
Ежемесячный платеж, р.	107 667	46 667	41 667	36 667	31 667	26 667	21 667	16 667	

В таблице 2 представлен гипотетический сценарий, при котором по «семейной ипотеке» процентная ставка снижается на 1 % за каждого рожденного ребенка вплоть до 0 %. Для примера расчета взята стандартная сумма в 6 млн руб. и максимальный срок в 30 лет. Сравнение производится со среднерыночной ипотечной ставкой, доступной сейчас для бездетных — 18,2 %. Из данных видно, что вместе со снижением ипотечной ставки возрастает и сумма субсидии банку из государственного бюджета. Видимо, это и стало причиной «остановки» на трех детях. Однако, если мы рассмотрим не общий объем этой субсидии для одного займа (семьи), а в расчете на каждого ребенка, то выяснится, что каждое новое рождение обходится государственному бюджету все дешевле. *Получается, что субсидирование ипотечной ставки за первого ребенка — самое дорогое для бюджета, каждое последующее — все более выгодное.* Даже если государству придется покрыть всю сумму переплаты по ипотеке, то в расчете на каждое новое рождение — это наиболее выгодная технология. Данное утверждение будет верно только в том случае, если семейная

ипотека будет выдаваться семье однократно, что и должно произойти с 1 февраля 2026 года¹⁶. Для расчета постепенно снижающейся ставки для семьи, увеличивающей количество детей в процессе выплаты ипотеки, потребуется значительно более сложная расчетная модель.

В то же время с увеличением числа детей возрастает объективная потребность в жилплощади, что влечет за собой увеличение суммы ипотечного займа, и, следовательно, объем нагрузки на госбюджет. Представленные в таблице 2 расчеты призваны продемонстрировать экономическую целесообразность стимулирования неограниченного количества рождений. Снижение ипотечной ставки на 1 % за одного ребенка (второго и последующих) всегда будет выгоднее бюджету в расчете на количество детей, чем субсидирование 12,2 % за рождение одного первого ребенка. Расчеты в таблице 2 произведены с учетом того, что максимальная сумма займа по «семейной ипотеке» будет одинаковой для всех, вне зависимости от числа детей (как это сделано сейчас). Кроме того, с увеличением площади жилого помещения, стоимость каждого квадратного метра, как правило, снижается (см. табл. 3). Таким образом, более выгодно субсидировать квартиры большего размера, чем множество маленьких квартир.

Таблица 3

Средняя стоимость жилья в Москве на первичном рынке недвижимости в зависимости от числа комнат по итогам августа 2025 г.¹⁷

Количество комнат	Средняя площадь, м ²	Средняя цена, руб./м ²	Средняя общая стоимость, руб.
1-комнатные	39,0	385 100	15 000 000
2-комнатные	59,1	350 100	20 700 000
3-комнатные	78,8	334 600	26 400 000
4-комнатные (и более)	112,6	318 400	35 900 000

Организационные меры максимизации эффективности «Семейной ипотеки»

Проблема недоступности просторных жилых помещений для многодетных семей имеет два основания. С одной стороны, это высокая финансовая нагрузка на семьи, вызванная как объективной потребностью в большей жилплощади, так

¹⁶ Заемщики получили возможность снизить рыночную составляющую ставки по льготным ипотечным программам // Минфин России. 2025. 27 октября. URL: https://minfin.gov.ru/ru/presscenter/?id_4=40008zaemshchiki_poluchili_vozmozhnost_snizit_rynochnuyu_sostavlyayushchuyu_i_stavki_po_lgotnym_ipotechnym_programmam (дата обращения: 02.11.2025).

¹⁷ Итоги августа на первичном рынке массового сегмента Москвы // Metrium. 2025. 10 сентября. URL: <https://www.metrium.ru/news/detail/itogi-avgusta-na-pervichnom-rynke-massovogo-segmenta-moskv/> (дата обращения: 02.11.2025).

и затратами на содержание детей. «Семейная ипотека» как раз призвана решить эту проблему. С другой стороны, бесконтрольный рост стоимости квадратного метра жилья, вызванный по большей части именно льготными ипотечными программами, сводит на нет любые попытки выравнивания возможностей разных категорий граждан в приобретении жилья.

Недоступность большей жилплощади является одним из серьезных барьеров к многодетности. Существует разрыв между ожидаемым и желаемым количеством детей: желаемое количество детей превышает ожидаемое (см. табл. 4). Соответственно, реальное количество детей значительно ниже как желаемого, так и ожидаемого. В таблице 4 представлены ответы респондентов (Росстат) относительно самооценки их жилищных условий. Обратим внимание на последние столбцы: чем ниже оценка жилищных условий, тем больше разница между желаемым и ожидаемым числом детей. Также, наиболее низкие значения желаемого и ожидаемого числа детей наблюдаются в группах с плохими и очень плохими жилищными условиями. Таким образом, вопрос доступности жилья напрямую связан с репродуктивным поведением, по крайней мере, по мнению самих будущих родителей. В связи с этим в актуальных «майских указах» помимо прочего установлена цель: «обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 году и не менее 38 кв. метров к 2036 году»¹⁸.

Таблица 4

Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от оценки жилищных условий, 2022 г.¹⁹

Оценка жилищных условий	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей		Разница между желаемым и ожидаемым числом детей	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
90—100 — Очень хорошее	2,01	2,06	1,83	1,87	0,18	0,19
70—80 — Хорошее	2,04	2,02	1,84	1,84	0,20	0,18
50—60 — Среднее	2,11	2,08	1,90	1,83	0,21	0,25
30—40 — Плохое	2,06	2,01	1,85	1,71	0,21	0,30
0—20 — Очень плохое	1,84	1,82	1,62	1,62	0,23	0,19

¹⁸ Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/55/events/73986> (дата обращения: 02.11.2025).

¹⁹ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/PublishData/Reports/Files/tab-41.xlsx (дата обращения: 02.11.2025).

В качестве целевого ориентира по количеству квадратных метров на семью можно использовать норму предоставления площади жилого помещения. Она устанавливается на уровне региона или муниципалитета и в Москве составляет 18 м² на каждого члена семьи²⁰. Соответственно, для полной однодетной семьи — это 54 м², для двухдетной — 78 м², восьмидетной — 180 м².

В 2023 году ВЦИОМ совместно с ДОМ.РФ провели опрос общественного мнения, в том числе — о желаемом размере недвижимости²¹. 81% респондентов хотели бы приобрести в течение 5 лет двух или трехкомнатное жилье. Желаемая площадь двухкомнатной квартиры 46—65 м², трехкомнатной — 61—90 м². 10% желают приобрести однокомнатную квартиру площадью 30—40 м², 9% респондентов наоборот — желают приобрести жилье с четырьмя и более комнатами площадью 80—120 м². При этом эксперты ДОМ.РФ предупреждают, что квартир с тремя и более комнатами, которые хотели бы купить 50% семей, строится только 15% от общего количества застройки, что негативно влияет на демографическую политику.

Индивидуальное жилищное строительство как перспективная технология поддержки многодетности

В 2023 году уже другой опрос провели ВЦИОМ совместно с ДОМ.РФ по вопросу индивидуального жилищного строительства (ИЖС)²². По его результатам 67% из 61,8 млн российских семей считают индивидуальный дом наиболее предпочтительным видом жилья. 55% живущих в многоквартирных домах заявили, что хотели бы переехать в индивидуальный дом. Основная причина проживания в квартире — недостаток средств, на втором месте — потенциально низкая транспортная доступность до работы. Прослеживается зависимость между желанием жить в собственном доме и детностью: 43% желающих — семьи из 4 или более человек, 77% состоят в браке, 56% уже имеют детей. Средний желаемый размер дома составляет 111 м².

Рынок ИЖС в России не стандартизирован, что обуславливает такой разрыв между желанием (потребностью) населения в частном доме и реальным объемом рынка ИЖС. Для развития ИЖС («по осуществлению субъектами Российской Федерации мероприятий по градостроительной подготовке земельных участков, предназначенных для целей индивидуального жилищного строительства, в том числе предоставленных гражданам, имеющим 3 и более детей, а также проработка вопроса стимулирования малоэтажного строительства (строительства модельных домов) для семей с детьми») уже заложены мероприятия в Распоряжении от 23 декабря 2025 года №3999-р «Об утверждении плана мероприятий в рамках Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года»²³.

²⁰ Закон г. Москва от 14.06.2006 N 29 (ред. от 20.02.2019) «Об обеспечении права жителей города Москва на жилые помещения» // Департамент городского имущества города Москва. URL: <https://www.mos.ru/dgi/documents/normativnye-dokumenty/view/180557220/> (дата обращения: 02.11.2025).

²¹ Жилье и ипотека: социологический опрос российских семей / ВЦИОМ, ДОМ.РФ. 2023. URL: <https://дом.рф/upload/documents/zhile-i-ipoteka-eskrou-i-mkd-reliz2.pdf> (дата обращения: 02.11.2025).

²² Индивидуальный дом глазами российских семей: потребности и характеристики (Данные социологических опросов) // ВЦИОМ, ДОМ.РФ. 2023. URL: <https://дом.рф/upload/iblock/404/0umun15vw1pst6c032bx146qh5ucy2r2.pdf> (дата обращения: 02.11.2025).

²³ Распоряжение от 23 декабря 2025 года №3999-р «Об утверждении плана мероприятий в рамках Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года» // URL: <http://government.ru/docs/57442/> (дата обращения: 29.12.2025).

У ИЖС уже есть одно серьезное преимущество — возможность «сельской ипотеки». За исключением Московской и Ленинградской областей, россияне могут построить дом в сельской местности с ипотекой 3 %. Для приграничных территорий РФ, которыми считается 41 субъект из 89,²⁴ сельская ипотечная ставка вовсе составляет 1 %. Кроме того, существует ипотека под 2 % для жителей 11 субъектов Дальневосточного федерального округа и еще 7 субъектов Арктической зоны. Однако данные ипотечные программы не столь востребованы, поскольку направлены на сдерживание объективных миграционных тенденций перемещения населения к источникам приложения труда. Таким образом, рациональный вариант для многодетной семьи на сегодняшний день — это «сельская ипотека» под 1 % в границах крупных городских агломераций для строительства частного дома. При таком подходе минимальная процентная ставка сочетается с максимальным возможным комфортом проживания и наличием всей необходимой социальной инфраструктуры.

Заключение

Таким образом, целью данного исследования был анализ институциональных решений, которые используются для решения жилищных проблем российских семей и увеличения рождаемости в Российской Федерации. Выявлено, что решением, технологией с доказанной эффективностью является только МСК, объем которого достаточен для покупки жилья или внесения первого взноса по ипотеке в регионах России. Тем не менее необходимо искать новые технологии, учитывая результаты российских и зарубежных исследований. Перспективным вопросом, если смотреть в будущее и говорить о стимулировании рождаемости и многодетности, остается не только поддержка существующих семей, но и обеспечение формирования новых семей. Многие молодые люди, не только в России, например, в Италии, не могут решиться на заключение брака и рождение первого ребенка ввиду отсутствия собственной жилплощади. Программу «семейной ипотеки» можно было бы распространить на молодые семьи без детей, снижая процентную ставку по ипотеке, если в семье родится ребенок в течение двух лет, и, наоборот, повышая, если рождения не произошло. В случае, если этого не происходит, то процентная ставка поднималась бы до уровня среднерыночной. Техническая реализация довольно проста: сейчас такой же точно механизм применяется в отношении «ИТ-ипотеки». В случае с «семейной ипотекой» все даже проще: записи о рождении вносятся в «ЕГР ЗАГС», вследствие чего, система мониторинга не потребовала бы ни рубля дополнительного финансирования.

«Семейная ипотека» может стать действенным инструментом преодоления демографического кризиса и стимулирования многодетности. Перечисленные в работе ограничения и предложения по их преодолению направлены, прежде всего, на обеспечение государственной поддержки многодетности как инструмента создания детоцентричной культуры в современном российском обществе.

²⁴ Перечень приграничных субъектов Российской Федерации // Минэкономразвития России. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

Список источников

- Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г.* Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 43—50.
- Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н.* Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. вып. С. 3—24.
- Бахтизин А. Р., Макаров В. Л., Сушко Е. Д., Максаков А. А.* Демографическая агент-ориентированная модель России и оценка ее применимости для решения практических управленческих задач // Искусственные общества. 2021. Т. 16. Выпуск 2.
- Вакуленко, Е. С., Ивашина, Н. В., Свистильник, Я. О.* Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. 2023. № 19 (4). С. 1077—1092.
- Калачикова О. Н., Архангельский В. Н.* Оценка влияния регионального материнского (семейного) капитала на рождаемость населения // Социальное пространство. 2025. Т. 11, № 2.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А.* Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 805—824.
- Шубат О. М.* Экономические детерминанты рождений высоких порядков в России: исследование на основе анализа региональной дифференциации // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 357—374.
- Bramley G., Watkins D.* Housebuilding, demographic change and affordability as outcomes of local planning decisions: Exploring interactions using a sub-regional model of housing markets in England // Progress in Planning. 2016. Vol. 104. P. 1—35.
- Damen S., Goeyvaerts G.* Housing market responses to the mortgage interest deduction // Regional Science and Urban Economics. 2026. Vol. 116.
- De Ziegler D., Braumann N., Sean S., Toner J.* «The Baby Bust»: awareness of the gap between desired and actual family size and review of practical options // Fertility and Sterility. 2025. Vol. 125, iss. 2. P. 208—217.
- Dettling L., Kearney M.* House prices and birth rates: The impact of the real estate market on the decision to have a baby // Journal of Public Economics. 2014. Vol. 110, P. 82—100.
- Ding Y., Wang X., Chen Q.* Windfall gains and household consumption: Regression-discontinuity evidence from urban China's preferential housing policies // Journal of Economic Behavior and Organization. 2025. Vol. 240.
- Early D., Olsen E.* The Effects of U.S. Low-Income Housing Programs on Recipient Consumption and Wellbeing // Journal of Housing Economics. 2025. December.
- Esposito A.* Evictions in Italy: Recognising the housing problem dispelling myths // Cities. 2024. Vol. 151.
- Fuller T., Sciandra M., Koumans E., Boulet S., Warner L., Cox S., Gennetian L.* A housing mobility program's impacts on teen and young adult parenting // SSM — Population Health. 2019. Vol. 9.
- Newman S., Holupka S.* Assisted housing and healthy child development // Journal of Housing Economics. 2025. Vol. 70.
- Tremblay M., Kingsley B., Gokiart R., Mottershead K., Pynoo E., Blair C., Puinean G.* Staff perspectives on the successful family's program model: Combining supportive housing with wrap-around services for teen families // Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 163.

References

- Arkhangelsky, V. N., Zinkina, Iu. V., Korotaev, A. V., et al. (2017) Sovremennye tendentsii rozhdaemosti v Rossii i vliianie mer gosudarstvennoĭ podderzhki [Modern fertility trends in Russia and the impact of the pro-natalist policies], *Sociological Studies*, no. 3 (395), pp. 43—50.
- Arkhangelsky, V. N., Rostovskaya, T. K., Vasileva, E. N. (2021) Vliianie urovnia zhizni na re-produktivnoe povedenie rossiian: gendernyi aspekt [The impact of living standards on the reproductive behavior of Russians: gender aspect], *Woman in Russian Society*, Special issue, pp. 3—24.
- Bakhtizin, A., Makarov, V., Maksakov, A., Sushko E. (2021) Demograficheskaia agent-orientirovannaia model' Rossii i otsenka ee primenimosti dlia resheniia prakticheskikh upravlencheskikh zadach [Demographic agent-based model of Russia and assessment of its applicability for solving practical management problems], *Artificial societies*, vol. 16, no. 2.
- Kalachikova, O. N., Arkhangelsky, V. N. (2025) Otsenka vliianiia regional'nogo materinskogo (semeĭnogo) kapitala na rozhdaemost' naseleniia [Assessing the impact of regional maternal (family) capital on the birth rate], *Social Are*, vol. 11, no. 2.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Zolotareva O. A., (2021) Otsenka sotsial'nogo blagopoluchii semeĭ v rossiiskikh regionakh: sotsiologicheskii analiz [Assessment of the social wellBeing of families in Russian regions: a sociological analysis], *RUDN journal of sociology*, vol. 21, no. 4, pp. 805—824.
- Shubat, O. M. (2023) Ėkonomicheskie determinanty rozhdenii vysokikh poriadkov v Rossii: issledovanie na osnove analiza regional'noi differentsiatsii [Economic determinants of high order births in Russia: the study based on the analysis of regional differentiation], *Russian Journal of Regional Studies*, no. 31(2), pp. 357—374.
- Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V., Svistilnik, Ia. O. (2023) Regional'nye programmy materinskogo kapitala: vliianie na rozhdaemost' v Rossii [Regional maternity capital programmes: impact on fertility in Russia], *Economy of regions*, no. 19(4), pp. 1077—1092.
- Bramley, G., Watkins, D. (2016) Housebuilding, demographic change and affordability as outcomes of local planning decisions: Exploring interactions using a sub-regional model of housing markets in England, *Progress in Planning*, vol. 104, pp. 1—35.
- Damen, S., Goeyvaerts, G. (2026) Housing market responses to the mortgage interest deduction, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 116.
- De Ziegler, D., Braumann, N., Sean, S., Toner, J. (2025) The “Baby Bust”: awareness of the gap between desired and actual family size and review of practical options, *Fertility and Sterility*, vol. 125, iss. 2, pp. 208—217.
- Dettling, L., Kearney, M. (2014) House prices and birth rates: The impact of the real estate market on the decision to have a baby, *Journal of Public Economics*, vol. 110, pp. 82—100.
- Ding, Y., Wang, X., Chen, Q. (2025) Windfall gains and household consumption: Regression-discontinuity evidence from urban China's preferential housing policies, *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 240.
- Early, D., Olsen, E. (2025) The effects of U.S. Low-income housing programs on recipient consumption and wellbeing, *Journal of Housing Economics*, December.
- Esposito, A. (2024) Evictions in Italy: Recognising the housing problem dispelling myths, *Cities*, vol. 151.
- Fuller, T., Sciandra, M., Koumans, E., Boulet, S., Warner, L., Cox, S., Gennetian, L. (2019) A housing mobility program's impacts on teen and young adult parenting, *SSM—Population Health*, vol. 9.
- Newman, S., Holupka, S. (2025) Assisted housing and healthy child development, *Journal of Housing Economics*, vol. 70.

Tremblay, M., Kingsley, B., Gokiert, R., Mottershead, K., Pynoo, E., Blair, C., Puinean, G. (2024) Staff perspectives on the successful families program model: Combining supportive housing with wraparound services for teen families, *Children and Youth Services Review*, vol. 163.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 16.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 16.01.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Director, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation).

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального центра теоретической и прикладной социологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, vasilevaen@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Principal Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences).

Ситковский Арсений Михайлович — научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, omnistat@yandex.ru (Researcher, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 49—73.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 49—73.

Научная статья

УДК 331.5:316.346.2-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/qxltst>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.4

КАК РАЗЛИЧНЫЕ ШОКИ НА МАКРОУРОВНЕ МОГУТ ВЛИЯТЬ НА ЖЕНСКУЮ ЗАНЯТОСТЬ

Ирина Евгеньевна Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассуждению о том, как различные шоки на макроуровне — эпидемиологический, демографический, технологический и геополитический шоки — могут влиять на женскую занятость как основу гендерного равенства. В статье использована официальная национальная статистика (Росстат), статистика международных организаций, вторичные источники научной литературы. Статья носит описательный характер, использованы статистические и демографические методы анализа и визуализации данных. Вклад данного исследования в тему факторов развития гендерного равенства состоит в выработке набора гипотез воздействия различных макроуровневых шоков на перспективы развития гендерного равенства на примере влияния на женскую занятость. Все рассматриваемые шоки влекут за собой как негативные, так и позитивные последствия для женской занятости.

Ключевые слова: шоки, занятость женщин, демографический шок, технологический шок, эпидемиологический шок, геополитический шок

Для цитирования: *Калабихина И. Е.* Как различные шоки на макроуровне могут влиять на женскую занятость // *Женщина в российском обществе. 2026. №1. С. 49—73.*

Original article

HOW VARIOUS MACRO-LEVEL SHOCKS CAN AFFECT FEMALE EMPLOYMENT

Irina E. Kalabikhina

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
ikalabikhina@yandex.ru

Abstract. The article discusses how various macro-level shocks (epidemiological, demographic, technological, and geopolitical shocks) can affect female employment as the basis for gender equality. The article uses official national statistics (Rosstat), statistics from international organizations, and secondary sources from scientific literature. The article is descriptive in nature, and the author used statistical and demographic methods of data analysis and visualization. This study's contribution to the topic of factors influencing gender equality consists in developing a set of hypotheses regarding the impact of various macro-level shocks on the prospects for gender equality, using the example of their impact on female employment. All of the shocks considered have both negative and positive consequences for female employment. *Epidemiological shocks.* During the pandemic, female employment declined more sharply than male employment due to sectoral segregation (trade and services) and increased childcare burdens due to school closures. In all of the economic shocks analyzed earlier in the last third of the 20th century, the effect was the opposite. The pandemic has had mixed effects on women's employment, both negative (automation and lower earnings from experience) and positive (improved work-life balance and reduced discrimination thanks to the introduction of remote learning and changing social norms regarding men's involvement in childcare and new opportunities for them to achieve a better work-life balance). To the long-term consequences should be added the effect of "weak" generations, which has led to the emergence of today's generation of pre-retirees and retirees who have been more affected by the shocks of the 1990s (men) and during the pandemic (women), which may affect the human capital of these cohorts (health status). *Demographic shocks.* On the one hand, demographic structural changes will lead to a decline in innovation, which may slow progress in gender equality. On the other hand, the shortage of young workers will improve the position of women in the labor market. *Technological shocks.* Technological progress (robotics and generative artificial intelligence) promotes gender equality by developing technologies that save time at work, at home, and in everyday life. On the other hand, routine work (which is more often performed by women) may lead to a higher risk of job loss for women. Women have lower digital skills and knowledge, which will lead to the need to pay a "pink tax" for success in the digital world, and generative artificial intelligence reproduces gender stereotypes to the detriment of women. *Geopolitical shocks.* On the one hand, the militarization of the economy creates more "cold male" jobs. On the other hand, direct and indirect losses of "male" labor will affect the use of female labor as a reserve. The so-called "pivot to the East" in economic cooperation may lead to a revival of patriarchal relations in the labor market, which could worsen the position of women in the workforce.

Key words: shocks, female employment, economic shocks, demographic shocks, technological shocks, epidemiological shocks, geopolitical shocks

For citation: Kalabikhina, I. E. (2026) Kak razlichnye shoki na makrourovne mogut vliiat' na zhenskuiu zaniatost' [How various macro-level shocks can affect female employment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 49—73.

Постановка вопроса

Шоки на макроуровне имеют разную природу. Они могут быть экономическими, экологическими, геополитическими, технологическими, демографическими, эпидемиологическими. Каждый такой шок влияет на разные аспекты жизни людей и экономическое благополучие в краткосрочном и долгосрочном аспекте.

Гендерное равенство также подвержено влиянию шоков, поскольку шоки по-разному влияют на женщин и мужчин. Например, женщины менее подвержены потере работы, чем мужчины, в период рецессии. И мужчины активнее восстанавливаются после шока на рынке труда [Kochhar, 2011]. В гендерных исследованиях рынка труда даже термин восстановление «recovery» иногда употребляют как «he-recovery» [Hoynes et al., 2012]. Экономические кризисы 1980—2010-х гг. приводили к одному и тому же гендерному эффекту — женщины теряли работу реже. Могла меняться глубина кризиса или скорость выхода из него, причем неодинаково для мужчин и женщин, но суть оставалась та же — женщины меньше теряли от кризисов в плане доступа к занятости [Hoynes et al., 2012]. Одно из объяснений — профессиональная сегрегация. Женщины представлены в менее процикличных отраслях (здравоохранение, образование, госслужба), мужчины — в более процикличных отраслях (строительство, промышленность) [Hoynes et al., 2012]. В долгосрочной перспективе спрос на труд женщин может даже расти из-за «эффекта добавленного работника» (женщины ищут работу для компенсации потери дохода домохозяйства, предложение труда женщин возрастает) [Lundberg, 1985; Stephen, 2002].

Экстремальные погодные явления, катастрофы и изменение климата прямо или косвенно через разные механизмы влияют на экономическое неравенство женщин. Например, сокращают в большей степени потребление женщин [Christian et al., 2018], увеличивают уровень домашнего насилия против женщин [van Daalen et al., 2022], уровень бедности женщин и угрозу голода и недоедания для них [Hossain, Majumder, 2018], число отработанных часов в домохозяйстве и за его пределами [Charif, Trevisani, 2022], в том числе и потому, что мужчины чаще мигрируют в поисках новых рабочих мест в города во время катастроф и изменения климата [Fruttero et al., 2023]. Женщины идут на работы с более низкой требуемой квалификацией, чем они достигли, из-за роста спроса на такие работы [Charif, Trevisani, 2022]. Достаточно свидетельств о сокращении уровня занятости женщин, о переходе их на менее стабильную работу [Fruttero et al., 2023].

В данной статье автор рассмотрит другие шоки — эпидемиологический, демографический, технологический и геополитический. Можно поставить вопрос о том, что некоторые из описанных шоков (демографический и технологический) представляют из себя тенденцию, а не временный шок. Однако автор рассмотрит их под углом зрения шоковых изменений. Поскольку технологические изменения происходят часто скачкообразно (внедрение больших языковых моделей, которые позволяют общаться с искусственным интеллектом на естественном языке, и быстрая роботизация сферы услуг и производства), можно представить себе ступени прогресса в качестве шоков. Демографический шок, который я описываю (вход на рынок труда малочисленных поколений), не продлится долго (с середины 2020-х до середины 2040-х гг.), что позволяет рассматривать это явление как шоковое.

Для объекта анализа автор выберет женскую занятость (преимущественно спрос на труд и предложение труда) как наиболее важное направление анализа

развития гендерного равенства. И в данной статье автор представит рассуждение о том, как некоторые важные шоки последних лет могли повлиять или повлияют в ближайшей перспективе на женскую занятость в России.

В статье использована официальная российская национальная статистика (Росстат), статистика международных организаций, вторичные источники научной литературы. Статья носит описательный характер, использованы статистические и демографические методы анализа и визуализации данных. Вклад данного исследования в тему факторов развития гендерного равенства состоит в выработке набора гипотез воздействия различных макроуровневых шоков на перспективы развития гендерного равенства на примере влияния на женскую занятость.

1. Эпидемиологический шок: женская сверхсмертность в пандемию, неравенство поколений, нетипичные эффекты на рынке труда и ускорение цифровизации

Пандемия COVID-19 унесла почти 6,9 млн жизней в мире¹, включая 1,2 млн смертей в России². Накануне эпидемии в 2019 г. в России был зафиксирован рекорд роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении за всю историю — 73,34 года. Пандемия за 2020—2021 гг. повлияла на снижение этого показателя до 70,06 лет (снижение почти на 3,3 года). Но мы наблюдаем очень быструю компенсацию — ожидаемая продолжительность жизни при рождении уже в 2022 г. вырастает до 72,73 лет, в 2023 г. — до 73,41 года (рис. 1). Такая динамика закономерна. В пандемию смерть собрала свой «урожай» — больные и слабые пожилые уходят с большей вероятностью, остается наиболее крепкая часть населения, и в следующие годы показатели смертности резко улучшаются, возвращаясь на растущий тренд³.

Важные демографические и экономические последствия пандемии — неравномерная убыль по полу и возрасту в период пандемии, снижение качества человеческого капитала в силу роста уровня заболеваемости населения вследствие пандемии, новые гендерные явления на рынке труда, ускорение роста цифровых практик на рынке труда и в потребительском секторе. Рассмотрим подробнее эти последствия — женскую сверхсмертность во время пандемии в России; неравенство поколений в отношении влияния шоков последних десятилетий и гендерный аспект этого феномена; нестандартную гендерную реакцию на рынке труда; а также гендерный взгляд на ускорение цифровизации общества, вызванное пандемией.

¹ Согласно сайту университета Джона Хопкинса, ежедневно обновлявшего информацию о прохождении пандемии во всех странах. 10.03.2023 произошла остановка наблюдений // Johns Hopkins University & Medicine. Coronavirus Resource Center. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (на сайте зафиксировано также 677 млн заражений). Уместно напомнить здесь о правильном прочтении информации о распространении пандемии по странам в зависимости от процедур регистрации заражений и смертей (см., например, [Kalabikhina, 2020]) (дата обращения: 02.08.2025).

² Данные российского сайта о мониторинге коронавируса за 2020—2021 гг. (в настоящий момент не работает). URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (дата обращения: 02.08.2025).

³ В 2024 году ожидаемая продолжительность жизни в России снизилась, произошло отклонение от тренда. Росстат не представил в открытом доступе данные отдельно по полу за 2024 год.

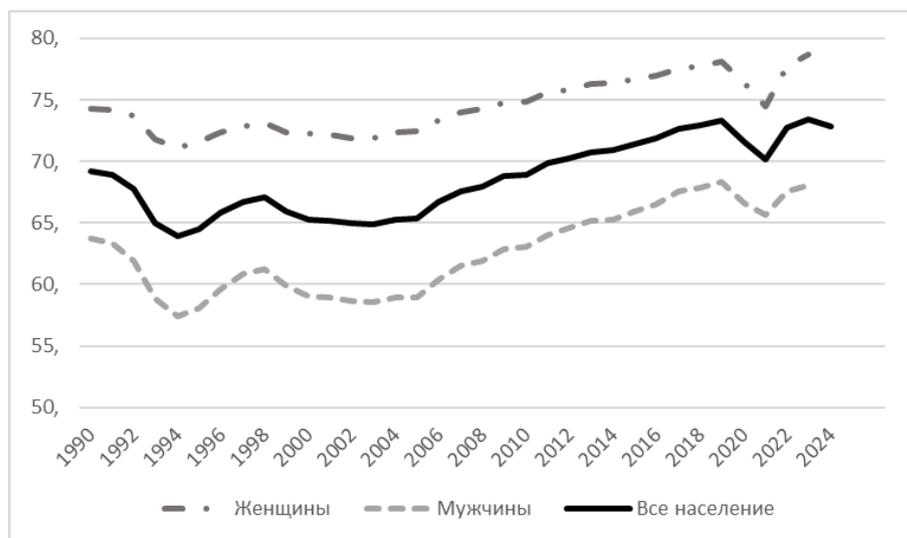

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, Россия, 1990—2024 гг. все население, женщины и мужчины 1990—2023 гг.

Источник: построено по данным Росстата

Гендерное неравенство в смертности в период пандемии: женская сверхсмертность в пандемию в России

В большинстве стран смертность от пандемии в большей степени происходила в старших возрастах и у мужчин. Мир показал относительно высокую уязвимость мужчин перед пандемией. На каждые 10 случаев у женщин в среднем в мире мы имеем следующее число случаев у мужчин: 13 смертей, 12 госпитализаций, 17 случаев искусственная вентиляция легких (ИВЛ), 10 случаев заболеваний, 15 случаев заболеваний приведших к смерти (при почти равном числе тестов и вакцинаций (8 тестов и 10 вакцинаций))⁴. Во всех странах с качественной статистикой также наблюдалась либо мужская уязвимость, либо нейтральность. Но в России более уязвимыми оказались женщины, и наблюдалась женская загадка сверхсмертности в годы пандемии. Женщины потеряли 3,66 лет за два года пандемии, мужчины — 2,73 года⁵. Почти год жизни — это большое отличие между полами, большие потери за такой короткий срок. Отметим, что в 2020 году отличия не наблюдались, разрыв стал заметен в 2021 году. На худший результат в дожитии у женщин повлияло два фактора [Калабихина, Максимов, 2023]:

1) гендерное неравенство в доступе к ресурсам накануне пандемии — неравенство в занятости и зарплате. В других странах базовое гендерное неравенство в доходах могло быть компенсировано мерами социальной политики в период ковида — обильные выплаты всем женщинам с детьми [Banzragch et al., 2022]. В России

⁴ Women in Global Health. URL: <https://womeningh.org/initiatives/covid19/> (дата обращения: 02.08.2025).

⁵ По данным Росстата, ОПЖ₀ с рекордных 78,17 лет для женщин и 68,24 года для мужчин в 2019 году снизились до 74,51 и 65,51 в 2021 году соответственно.

короткое воздействие эпидемиологического шока на занятость и доходы отдельных групп населения заключалось в том, что наибольшие риски потери работы отмечались в том числе для женщин и повышенная вероятность падения доходов наблюдалась для семей с детьми [Kartseva, Kuznetsova, 2022]. В дополнение к исходному допандемийному гендерному неравенству в занятости и доходах мы получили более высокие риски для женщин и семей с детьми собственно в период пандемии (видимо, вопрос был в масштабах или адресности выплат);

2) профессиональный канал заражений во время пандемии (феминизация здравоохранения). Концентрация медицинских работников в регионе увеличивала вероятность сверхсмертности у женщин. Тот факт, что в большинстве стран здравоохранение феминизировано, но женской сверхсмертности не наблюдалось, можно объяснить тем, что в нашей стране мог сработать поведенческий фактор — небрежное отношение к своему здоровью и здоровью окружающих через отказ от ношения масок, отказ от прививок. В одной стране женщины работают в системе здравоохранения, но выполняют все предписания к защите себя от заражения. В другой стране женщины также работают на фронтире борьбы с ковидом (медсестры, врачи, учителя), но не защищают себя, это не принято в обществе. Если в западных странах только 1/3 населения представляла группу «антипрививочников», то в России — 2/3⁶. Это повлияло на формирование коллективного иммунитета и персональный риск заражения⁷.

Как этот фактор — негативный опыт женщин в системе здравоохранения — может повлиять на рынок труда в ближайшей перспективе в России? Возможен переток женской рабочей силы в другие отрасли. Например, удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест составил *в здравоохранении* 10,3 % среди специалистов высшего уровня квалификации, примерно в два раза превышая средний дефицит среди специалистов высшего уровня квалификации по всем обследованным профессиям в 2022 и 2024 гг.⁸ Эти цифры не позволяют сделать окончательный вывод об изменении предпочтений женщинами сферы деятельности (нужны специальные обследования), но такую гипотезу можно предположить.

Собственно демографические последствия пандемии с учетом отложенных влияний на состояние здоровья для предложения труда женщин (и мужчин) мы не можем пока оценить. Снижение качества человеческого капитала вследствие

⁶ От России до США: как вакцинация в странах влияет на заболеваемость COVID // РБК. 2021. 2 июня. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/06/2021/60b550739a79476ce5384283> (дата обращения: 02.08.2025).

⁷ Влияние гендерной профессиональной сегрегации могло сработать не только в здравоохранении, но и в образовании. Региональная политика по поводу закрытия школ во вторую волну пандемии могла также повлиять на избыточную смертность женщин. Эта догадка хорошо согласуется с тем, что только в 2021 г. мы наблюдаем женскую сверхсмертность. Если в 2020 г. локдаун был повсеместный (и закрытие школ во всех регионах), то в 2021 г. решение о режиме работы школ было отдано на региональный уровень, многие регионы не решились закрывать школы полностью.

⁸ Данные Росстата о потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам по Российской Федерации по состоянию на 31 октября (по данным выборочного обследования организаций), в % к общему числу рабочих мест по соответствующей профессиональной группе.

роста уровня заболеваемости населения после пандемии требует времени наблюдения и дополнительных обследований.

Неравенство поколений перед шоками в России и гендерный взгляд

Стоит отметить интересный факт в контексте влияния пандемии на разные поколения: сформировалось несколько «слабых» поколений с точки зрения человеческого капитала здоровья. У каждого поколения своя демографическая судьба. В современной России одни и те же поколения больше страдают от всех основных шоков последних десятилетий. Поколения, рожденные в 1940—1970 гг., в сложные 1990-е были в возрасте 20—50 лет, в пандемию им было 50—70 лет. И это именно те возраста, на которые пришелся основной удар в течение этих событий. На людей молодого трудоспособного возраста легли основные провалы в смертности в 1990-е годы, эти поколения пострадали больше всего (темные пятна на тепловых картах смертности женщин и мужчин — рис. 2). В пандемию риск смерти был выше у старших возрастных групп, эти поколения пострадали еще раз относительно сильнее более молодых поколений (темные пятна в 2020—2021 гг. в старших возрастах на тепловых картах смертности). На рис. 2 реальные поколения выделены диагональными полосками на тепловой карте смертности мужчин (для примера). Выделены поколения, которые дважды сильнее других пострадали от тяжелых событий на протяжении последнего полувека. Если поражение данных поколений было относительно больше, то мы можем предположить не только повышенную смертность, но и повышенные потери здоровья в этих поколениях у оставшихся в живых.

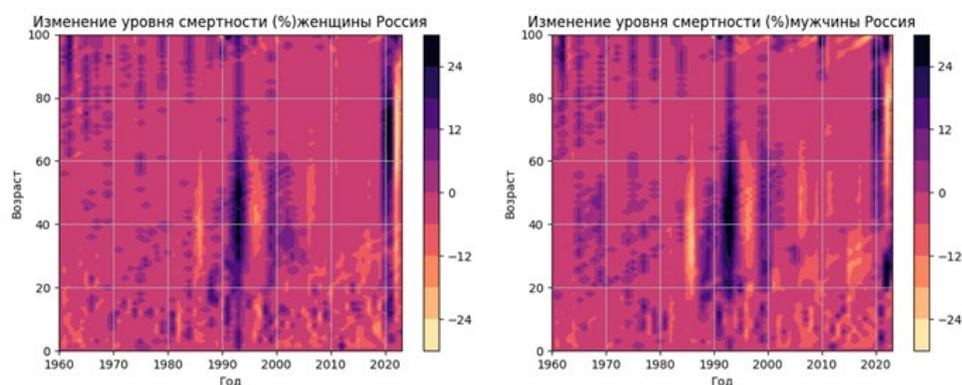

Рис. 2. Тепловые карты смертности для женщин и мужчин для каждого возраста за 1960—2023 гг. Темный цвет соответствует ухудшению ситуации со смертностью, светлый — улучшению (в соответствующем возрасте, в соответствующие календарные годы). Реальные поколения расположены на диагональных линиях (см. пример на мужской карте).

Источник: построено по базе данных [Pomazkin, Filippov, 2022].

Для анализа потенциала рынка труда важно отметить, что в 2025—2035 гг. часть дважды пострадавших поколений еще будет присутствовать на рынке труда. Те, кто родился в 1950—1960 гг., доживут в эти годы, соответственно, до 55—65 и 65—75 лет. И в ближайшую пятилетку, и даже частично позже, будут представлять более ослабленные с точки зрения здоровья предпенсионные и ранние пенсионные

группы на рынке труда. В условиях дефицита кадров мы рассматриваем все возможные резервы рынка труда. И текущая пенсионная реформа сдвигает возраст выхода на пенсию. Однако реальное состояние человеческого капитала в этих поколениях может быть барьером экономического роста, и мы не получим в полной мере желаемый результат на фоне пенсионных реформ. Пенсионная реформа формально увеличила ресурсы на рынке труда, но в контексте человеческого капитала экспериментального поколения реальный эффект может быть слабым.

Отличаются ли эффекты в «слабых» поколениях для женщин и мужчин? Да, отличаются. В 1990-е гг. в большей степени пострадали мужчины (сверхсмертность мужчин была выражена ярче), в период пандемии — женщины. Как это может повлиять на участие женщин на рынке труда в условиях пенсионной реформы? Позитивный эффект для женщин: сохраняющийся дефицит работников, усугубленный шоковыми эффектами на «слабые» поколения (которые сейчас в предпенсионных и ранних пенсионных возрастах), дает шанс женщинам выбирать прогрессивные рабочие места и профессии. А если будут созданы условия для занятости инвалидов, то женщины старших возрастов также выиграют, поскольку они численно преобладают в этой возрастной группе. Резерв людей с инвалидностью в России велик, мы существенно хуже используем труд инвалидов в экономике. Если бы все инвалиды трудоспособного возраста работали, среднегодовые темпы роста ВВП России на душу населения в 2018—2022 годах были бы на 0,5 процентного пункта (п.п.) выше [Казбекова, 2023]. Но это требует перестройки институтов и инфраструктуры.

Нестандартный эффект на рынке труда

Что происходит со спросом и предложением женской занятости в пандемию? Пандемия COVID-19 не похожа на предыдущие рецессии. В странах с гибким рынком труда (например, США) были видны сокращения занятости женщин, поскольку секторы, в которых они работали, были связаны с мерами по социальному дистанцированию. Закрытие школ и детских садов привело к необходимости увеличить число часов, затрачиваемых на уход за детьми, что снижает предложение труда женщин [Alon et al., 2020]. Спрос на работников, занятых в сфере услуг с высокой степенью контакта и негибкостью, снизился, в то время как предложение рабочей силы со стороны родителей сократилось из-за отсутствия доступа к надежному уходу за детьми и очному обучению. Это привело к существенному и постоянному снижению уровня занятости и участия в рабочей силе женщин, которые, как правило, меньше страдают от экономических спадов, чем мужчины. Есть и потенциальные долгосрочные последствия этого кризиса, в том числе роль автоматизации в замедлении восстановления занятости в наиболее пострадавших отраслях сферы услуг [Albanesi, Kim, 2021]. Краткосрочные контракты (как в Германии, например), возможность работать дистанционно — это факторы снижения негативного воздействия на занятость; при прочих равных условиях менее образованные работники и женщины в большей степени страдают от кризиса [Adams-Prassl et al., 2020]. Последствия кризиса для работающих матерей, вероятно, будут продолжительными из-за высокой отдачи от опыта работы на рынке труда [Alon et al., 2020].

Цифровизация в пандемию и конкурентоспособность женщин на рынке труда

Глобальным следствием шока пандемии стало признание возможности работать длительное время в условиях дистанционной работы. В остальных сферах жизнедеятельности «цифра» также ворвалась в жизнь благодаря пандемии:

электронные покупки, электронные госуслуги, электронные банковские услуги, электронные развлечения и коммуникации. Цифровой образ жизни и работы стал реальностью, прошел проверку на прочность. После пандемии произошел частичный возврат в реальность, но гибридные форматы занятости сегодня являются самыми популярными в тех профессиях, где это допустимо.

Опрос крупных компаний (93—133 компаний по двум волнам опроса в марте и сентябре 2021 года⁹) показал и массовое погружение работников в дистанционный формат в пандемию и возврат к обычным формам в конце периода; только половина опрошенных компаний не собиралась применять режим дистанционной занятости в будущем в том или ином формате. Пандемия ускорила цифровизацию экономики и повседневной жизни. Быстрое развитие платформенной занятости — часть этого процесса. Известны активные дискуссии о правах и гарантиях платформенных работников [The role..., 2021] и очевидно, что женщины более значительно, чем мужчины, зависят от социального пакета, недостаточно урегулированные трудовые отношения ухудшают позиции женщин в большей степени.

Каковы положительные потенциальные последствия ускоренной цифровизации в пандемию для женщин?

1) Дистанционный формат помогает балансу «семья—работа». Больше женщин могут включиться в обучение и занятость с использованием дистанционных технологий. Потенциально может возникнуть рост предложения труда со стороны женщин (в том числе в формате подработок), а также есть потенциал у роста качества человеческого капитала женщин. Эти шансы растут и для мужчин, но женщины в большей степени зависят от ограничений по времени, которые смягчает дистанционный формат.

2) Дистанционный формат приводит к смягчению феномена статистической дискриминации (когда лишь по принадлежности к женской группе работодатель имеет склонность дискриминировать женщин из-за их репродуктивных обязанностей). Каким образом это происходит? Работодатель не видит работника¹⁰, для него менее важен пол, наблюдается рост спроса на женский труд, преобладает оценка работника/цы по результатам работы. Во-первых, заочный прием на работу и заочная раздача задач снижает восприятие пола, возраста, национальности как факторов оценки сотрудника. Во-вторых, работодатель предполагает, что на дистанте женщина не будет из-за детей отпрашиваться с работы, то есть «не важно, что мать».

⁹ Результаты опроса компаний по практике применения законодательства о дистанционной (удаленной) работе — сентябрь 2021 года (Федеральный закон от 08.12.2020 № 407–ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»). URL: <https://rtk.fnpr.ru/upload/iblock/003/5xpcmluzwv42cw17fes95qeqy0n113oz.pdf> (дата обращения: 05.08.2025); Результаты опроса компаний по практике применения законодательства о дистанционной (удаленной) работе. Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/rezultaty-oprosa-kompaniy-po-praktike-primeneniya-zakonodatelstva-o-distantsionnoy-udalennoy-rabote/> (дата обращения: 05.08.2025).

¹⁰ Известные эксперименты с закрашиванием фамилии художников приводили к повышению оценки женских работ. Один из последних экспериментов — с оценкой респондентом пола художника — повторил результат // Как гендер влияет на стоимость произведений искусства // Forbes. 2017. 19 декабря. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/354419-kak-gender-vliyaet-na-stoimost-proizvedeniy-iskusstva> (дата обращения: 05.08.2025).

3) Пандемия приблизила мужчин к ведению домашнего хозяйства и дала возможность увидеть его объем, плюсы и минусы такого времяпрепровождения. В России, например, мужчины в пандемию взяли на себя обязанности ходить за покупками [Калабихина, Ребрей, 2020]). Вырос запрос и у мужчин на баланс «семья — работа», на свободное от работы время. Мужчины теряют преимущество «работника по вызову» в любое время суток, который всегда безропотно идет на сверхурочные и командировки. Женщинам становится легче конкурировать с мужчинами. Увеличение часов домашней работы у мужчин (даже кратковременное) приводит к росту вкуса и к привыканию к такому виду труда. Это может подорвать социальные нормы, которые в настоящее время приводят к неравномерному распределению обязанностей по дому и уходу за детьми между женщинами и мужчинами. Конечно, рост нагрузки по линии заботы происходил больше у женщин в пандемию [Калабихина, Ребрей, 2020; Zamatto, Prados, 2021]. То есть гендерное соотношение участия в заботе могло не меняться. Но сам факт вовлечения мужчин в участие заботы о детях, в ведение домашнего хозяйства имеет положительные последствия.

2. Демографический шок: малочисленное поколение россиян вступает во взрослую жизнь — шанс для женщин

Население России характеризуется сменой многочисленных и малочисленных поколений. Изрезанность силуэта ее возрастно-половой пирамиды свидетельствует о наличии демографической волны, которая по ряду причин не затухает до настоящего времени (наложение старта демографической политики 1980-х и 2000-х гг. на приход многочисленных поколений в возраст родительства, календарь экономического роста, старое наследие ВОВ). Это обстоятельство сильно влияет на все аспекты экономики и общественной жизни. Обратим внимание на рынок труда.

В наши дни малочисленное поколение выходит на рынок труда. В грядущее десятилетие Россия переживет два разных этапа в соотношении численности молодых и зрелых работников (рис. 3). Сейчас мы находимся в точке равновесия — доля молодых и зрелых работников примерно одинаковая. Первое десятилетие будет характеризоваться ростом доли зрелых работников и снижением доли молодых работников. Второе десятилетие — ростом доли молодых и снижением доли зрелых работников. Новая точка равновесия возникнет в конце грядущего десятилетия (но численность 20—59 группы будет ниже, чем сегодня). В ближайшее десятилетие произойдет активное старение трудоспособной части населения.

Что это значит для гендерного равенства в ближайшие 10 лет?

1) Негативный эффект: ухудшаются инновационные перспективы. Падает инновационный потенциал, поскольку инновационные и предпринимательские свойства ярче проявляются до 45 лет. Большинство исследователей фиксируют относительно

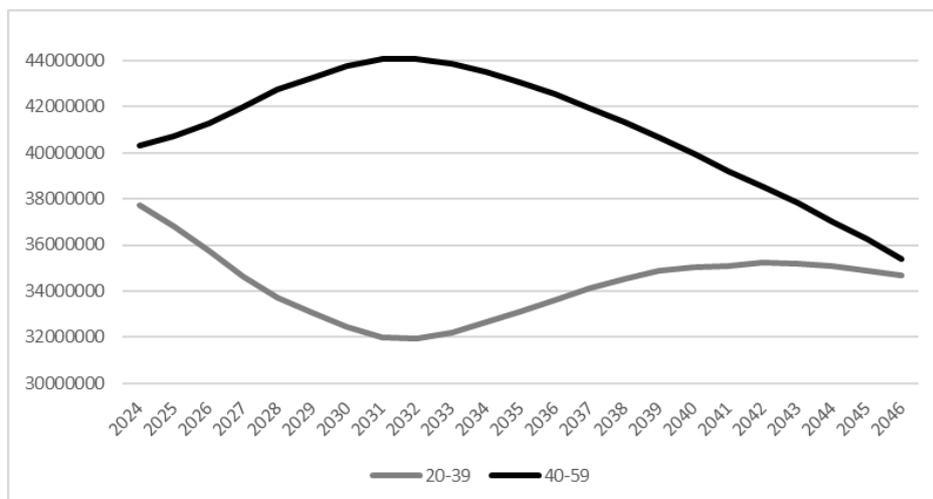

Рис. 3. Прогноз численности молодых и зрелых работников в России, 2024—2046 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

более слабые перспективы старших работников в адаптации к новым технологиям и в склонности к инновациям и предпринимательству. Сравнивая работников до 30 и после 30 лет, [Meyer, 2011] получает результат о худшей адаптации старших к технологическим новшествах, [Mubarak, Suomi, 2022] пишут о «седом цифровом разрыве». Демографическая структура влияет на уровень предпринимательства в обществе [Lévesque, Minniti, 2011]; стареющее общество имеет более низкий уровень распространения предпринимательства (одна из точек перелома ухудшения ситуации на индивидуальном уровне — возраст после 45 лет) [Liang, Wang, Lazear, 2018]. Средний возраст сотрудников отрицательно влияет на инновационную деятельность (как с точки зрения склонности к такой деятельности, так и с точки зрения успеха пытавшихся) [Schubert, Andersson, 2014]. Конечно, есть эмпирические исследования, отрицающие негативную связь возраста и развития инноваций [W.H.Ng, Feldman, 2013], но пока этих исследований меньше¹¹. Снижение инновационного потенциала, в свою

¹¹ Автор полагает, что дело не в когнитивных способностях людей старше 45 лет, а в устаревшей системе образования. Мы имеем систему образования XIX—XX века, когда продолжительность жизни была гораздо короче. А надо сделать систему образования XXI века в соответствии с демографическими переменами. Ожидаемая продолжительность жизни сильно выросла в XX веке и продолжает расти. Если живем в среднем до 80 лет и стремимся до 90 лет, невозможно учиться до 25 лет, а потом только повышать квалификацию. Мы живем долго, и хотим занять пожилых на рынке труда в полную силу. Система, при которой человек один раз получает образование, а потом эксплуатирует знания пару десятилетий, больше не подходит. Основное образование люди получают до 25 лет, потом следующие 20 лет идет отдача на рынке труда. Далее знания и навыки устаревают. Идет развитие технологий, меняется структура экономики, появляются новые профессии, а человек все еще работает с багажом 20-летней давности. Более того, человек может просто устать от одного вида деятельности в течение 20 лет, «выгореть» от работы. В прошлом не за горами была пенсия, сегодня горизонт занятости раздвигается. Нужен второй бесплатный вход в систему образования для желающих сорокалетних. Системы повышения квалификации и доучения в течение жизни не спасут ситуацию. Для женщин это более

очередь, тормозит развитие технологий, которые способствуют гендерному равенству (технологический прогресс повышает долю умственного труда, развивает сберегающие время технологии).

2) Позитивный эффект: конкуренция за молодых работников приведет к росту зарплат в этой группе, изменится возрастное распределение доходов, все это приведет к общему росту заработных плат. Молодые поколения в ближайшем будущем не будут ждать роста зарплат и карьерных шагов так долго, как их старшие предшественники в молодости. Тем самым улучшаются перспективы гендерного равенства на рынке труда. Когда мы имеем дефицит на рынке труда, в частности, дефицит молодых кадров, мы используем резервы. Самым главным резервом на протяжении последних 100 лет во всех экономиках и во все периоды были женщины; так произойдет и сейчас. «Голод» на молодые кадры снизит склонность к гендерной дискриминации.

Таким образом, старение трудоспособной части населения, т. е. приходящее малочисленное поколение молодых трудоспособных людей, может способствовать росту спроса на женскую рабочую силу и более быстрым и качественным карьерам женщин, в том числе — в передовых технологических секторах. Старение населения в целом — это более длительные изменения, хотя старение населения тоже не будет вечным, однако в течение жизни нескольких поколений рост доли пожилых людей будет увеличивать спрос на женский труд в долговременном уходе [Martinez-Lacoba et al., 2021].

Результаты оценок влияния размера когорт на занятость и уровень оплаты труда в разных странах в прошлом веке позволяют сделать вывод о том, что у многочисленных когорт может снижаться относительный заработок и/или относительная занятость [Bloom et al., 1988]; у малочисленных когорт может снижаться молодежная безработица, но влияние других факторов (институциональных, политических, экономических) может быть сильнее [Korenman, Neumark, 2000]. Эти результаты получены без выделения женской составляющей, поскольку женщины массово вышли на рынок труда в развитых экономиках к 1980-м гг., что не дает учитывать долговременные демографические тренды. Но даже в период роста участия женщин на рынке труда было видно, что изменение брачной и возрастной структуры женщин (сокращение доли молодых и незамужних женщин) приводило к росту спроса на труд более возрастных (старше 35 лет) и замужних женщин в США (в 1940—1960-е гг.) [Oppenheimer, 1967].

3. Технологический шок: быстрое развитие генеративного интеллекта и роботизации

Обычно технологический прогресс ассоциируется с позитивными последствиями для гендерного равенства:

1) времясберегающие технологии в домашнем хозяйстве освобождают женщин от рутинного труда по дому;

2) механизированные и роботизированные технологии на рабочем месте снижают долю ручного труда, повышает долю умственного труда, делая женщин конкурентоспособными на новых рабочих местах;

актуально — гендерный разрыв в продолжительности жизни в России 10 лет (ОПЖ₀ соответственно около 70 и около 80 лет).

- 3) онлайн-шопинг, цифровые госуслуги, цифровые банки дают сбережение времени, для женщин время — дефицитный ресурс;
- 4) онлайн-образование становится доступно и женщинам — рост конкурентоспособности;
- 5) дистанционная занятость улучшает баланс «семья — работа», столь важный для женщин с их репродуктивными функциями;
- 6) цифровые финансы — источник дополнительного дохода («домохозяйки на бирже»);
- 7) социальные сети — источник заработка, в котором женщины показали себя конкурентоспособными.

Новый революционный технологический виток — появление генеративного искусственного интеллекта (ГИИ типа GPT, YandexGPT, DeepSeek и др.) — меняет рынок труда и также обещает принести выгоду женщинам. Еще больше сокращаем рутинное время на ведение домашнего хозяйства и уход за нуждающимися членами домохозяйства (умные дома, уход и коммуникативные услуги для пожилых). Значительно сокращаем время на рутинные операции на рабочем месте, решаем часть задач с помощью ГИИ, создаем себе помощников (AI агенты), что освободит время на более творческие действия в рамках профессии или на смену профессии. Любое приращение времени дает большую потенциальную выгоду для женщин.

Однако есть и ряд негативных последствий для гендерного равенства.

Во-первых, воспроизводство и даже рост гендерных стереотипов. Машина обучается на прошлом материале, используя самые частые и яркие тексты, понятия, образы. Это мы в недалеком прошлом. Так как в прошлом материале много патриархатных стереотипов (наше общество патриархатное), то, получается, что машина будет производить и множить патриархатные стереотипы. Усиление патриархатных клише (как и всех других «язв» общества — этнические и возрастные стереотипы, дискриминационные практики по разным характеристикам человека и пр.) происходит в процессе машинного обучения. Какие основные клише мы получаем? Объективация женского тела, принижение умственных способностей женщин, сомнение в их умении руководить, обесценивание результатов их труда. Есть большие сомнения, что руководители предприятий будут устойчивы к предвзятости ГИИ при его использовании при найме на работу и оценке труда. Не только в процедуре найма на работу, не только в оценке труда сотрудников с помощью ГИИ мы видим потенциальные ошибки ГИИ. В создании обучающих текстов тоже могут содержаться стереотипы и ошибки. Это возможно и при создании различных прогнозов на уровне государств и корпораций, в юридической практике и пр.

Во-вторых, замена в большей степени женского труда — рутинные работы чаще женские, их легче заменить. Есть свидетельства для США, что достижения в области технологий автоматизации сами по себе являются причиной относительно небольшой доли общего сокращения рутинной занятости (с высоко представленным участием женщин) и связанного с этим роста занятости физическим трудом и незанятости [Cortes et al., 2021]. Автор приведет примеры исчезающих профессий по мнению разных аналитических источников, разделив их на две группы в соответствии с данными статистики разных стран о преобладании в них женщин или мужчин (таблица 1).

Таблица 1

**Исчезающие и новые профессии
с преобладанием женщин или мужчин**

Исчезающие профессии с преобладанием мужчин	Исчезающие профессии с преобладанием женщин	Новые профессии с преобладанием мужчин	Новые профессии с преобладанием женщин
Embracing Future Potential ¹²			
Водители такси, водители других машин	Кассиры, учителя, менеджеры турагентств, клерки по вводу данных	Специалист по виртуальной реальности, пилот дронов	Менеджер социальных сетей
McKinsey ¹³			
Рабочие сборочных линий, грейдеры и сортировщики сельскохозяйственных продуктов, биржевые служащие, мастера по ремонту часов, веб-разработчики, юристы	Работники промышленности и торговли, сбора и производства данных, клерки, рабочие, производящие и продающие питание и напитки, учителя, медицинские работники, операторы швейных машин, турагенты, химики-технологи, няни-медсестры, модельеры и разработчики одежды, исполнительные директора, статистики, психиатры		
Авторские оценки			

¹² What Jobs May Disappear by 2030? // Embracing Future Potential. 2022. May 25. URL: <https://www.embracingfuturepotential.com/what-jobs-may-disappear-by-2030/> (дата обращения: 10.08.2025).

¹³ A future that works: automation, employment and productivity. Executive Summary. 2017 // McKinsey Global Institute. URL: https://www.mckinsey.com/~/_/media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx (дата обращения: 10.08.2025).

Курьеры, иллюстраторы, охранники, (частично) программисты	Переводчики, диспетчеры, уборщики, бухгалтеры, корректоры, операторы call-центров, секретари, журналисты, маркетологи, соцработники	Создатели роботов для долговременного ухода, создатели AI-помощников, аналитики данных	Хранители данных
--	--	--	---------------------

Источник: составлено автором

Как мы видим, большинство исчезающих профессий считаются «женскими», большинство возникающих пока представляются «мужскими». Но и в самом ИТ-секторе, который мы называем желанным и передовым для женщин, могут быть угрозы для «женского» сектора в современном понимании. Женщины в ИТ-секторе чаще работают на таких профессиях, как тестировщицы, менеджеры проектов, верстальщицы, дизайнеры интерфейсов, работницы HR и PR отделов, «продажники».

Отставание женщин в использовании генеративного ИИ и «розовый налог»

Женщины традиционно менее представлены в технических профессиях. Но стремительное развитие ГИИ требует новых знаний и навыков. Значит женщины должны сделать дополнительные усилия, чтобы соответствовать новым трендам и не отставать в своей профессии (генеративный ИИ проникает везде). Потратить дополнительное время, дополнительные деньги для того, чтобы догнать тех, кто обладает этими знаниями. Заплатить «розовый налог».

У экономистов существует концепция «розового налога» [Jacobsen, 2020]. Женщины платят «розовый налог», когда те же товары или услуги для женщин стоят больше, чем для мужчин (прическа, крем и др.). Или когда женщины должны платить за товары, которые нужны только им в силу физиологии, но их цена выше рыночной на похожие товары (прокладки и пр. гигиенические товары). Например, мэри Нью-Йорка провел обследование и эмпирически доказал существование «розового налога» в городском ритейле.

Автор здесь употребляет термин «розовый налог» в том смысле, что женщины в цифровом мире заплатят больше, чем мужчины за цифровые навыки, ибо их базовый уровень цифровой грамотности ниже, чем у мужчин. Если женщины хотят получить работу, сделать карьеру, они должны вложить больше в цифровые знания, чем мужчины из-за первоначального отставания в технологических знаниях. Есть также «серебряный налог» для пожилых в этом же смысле. Если мы хотим преодолеть серебряный цифровой разрыв, мы должны заплатить за это. Вопрос в том, кто будет платить — государство или сами женщины и пожилые люди. Поскольку среди пожилых больше женщин, то они платят двойной налог — розовый и серебряный, чтобы вписаться в новое технологическое общество.

Как можно сгладить негативные последствия внедрения ГИИ в нашу жизнь? Например, обучить ГИИ. Соблазн велик, и это в значительной степени возможно сделать. Но здесь есть еще большая опасность даже по сравнению с тем, что ГИИ забирает из недавнего прошлого наши ошибки и стереотипы. Вмешательство человека в

обучение ГИИ может быть разрушительным. Ведь результат обучения будет зависеть от того, кто и чему будет учить машину. Без крепкого законодательства и разработанных международных этических правил вмешиваться в обучении ГИИ весьма опасно.

Еще путь — ограничивать сферы применения генеративного ГИИ (не использовать в медицине, в юриспруденции, ограничивать использование в образовании), создавать правила дообучения генеративного ИИ и пр. Но договориться о правилах трудно, очень быстро меняется технологическая база, соблазн использовать ГИИ именно в медицине и образовании высок, поскольку видна очевидная польза. В отношении «розового налога» можно платить за цифровую грамотность для отстающих, но это будет позитивная дискриминация со всеми ее плюсами и минусами. Продвижение девушек в STEM — старая добрая мера, но она может быть неэффективна без развития всего комплекса институтов, включая гендерные стереотипы¹⁴.

4. Геополитический шок: милитаризация экономики и поворот на Восток

Рассмотрим гендерные явления, которые связаны с меняющейся геополитической обстановкой в России:

1) Участие преимущественно мужчин в СВО изменяет в краткосрочном и долгосрочном периоде соотношение мужчин и женщин на рынке труда. Турбулентная ситуация, короткий горизонт планирования может приводить к эмиграции высококвалифицированных специалистов. Сейчас еще рано делать количественные оценки прямых и косвенных мужских потерь, но сокращение доли (молодых) мужчин в рабочей силе происходит. В перспективе снизится качество человеческого капитала молодых мужчин. СВО закончится, мужчины вернуться домой. Потери непрямые (инвалиды и больные, физически и психически) обычно кратно больше, чем прямые потери (смерти). Эта часть мужской рабочей силы будет обладать в совокупности меньшим человеческим капиталом по причине ухудшения здоровья¹⁵. Мужские потери — еще один фактор спроса на женскую рабочую силу, в том числе в перспективных технологических отраслях. В период дефицита работников дополнительное изъятие молодых мужчин из экономики приведет к поиску резервной рабочей силы. Женщины в России имеют высокий уровень занятости. В такой ситуации сложится борьба отраслей за женскую рабочую силу. И, например, «желанный» ИТ-сектор, как передовая отрасль с точки зрения зарплат и престижа, будет побеждать в

¹⁴ Хороший пример корпоративной программы продвижения девушек в STEM: ИТ-профессии для девушек: куда поступить после 9-го класса, чтобы реализовать свой потенциал // IThub. 2023. 17 февраля. URL: <https://ithub.ru/news/297> (дата обращения: 12.08.2025).

¹⁵ В долгосрочной перспективе может появиться ряд негативных социально-демографических последствий мужских потерь: ухудшится соотношение полов на брачном рынке, повысится доля вдов и разведенных женщин и мужчин, повысится доля «женских» домохозяйств, снизится рождаемость, повысится зависимость семей с детьми от государственной поддержки (потеря одного из родителей по разным причинам (смерть, миграция, уход из семьи), снижение доходов в семье при заболевании или инвалидизации отца), появится риск снижения человеческого капитала детей при росте семей с одним родителем по причине сокращения ресурсов времени и денег, направленных на заботу о ребенке в таких семьях. Все эти последствия могут отражаться на занятости женщин как в сторону повышения предложения труда («надо кормить детей»), так и в сторону понижения — если государство создаст программы поддержки ветеранов СВО и их семей в дополнение к контрактным выплатам участникам СВО («надо заботиться о нуждающихся членах семьи»).

этой борьбе за женщин. Более того, найм женщин позволит удержать уровень зарплат в отрасли (который растет из-за дефицита работников) как по причине сокращения дефицита, так и по причине «традиционной привычки» женщин работать за меньшую зарплату. Если представительство женщин в ИТ-секторе вырастет, средний уровень зарплат женщин в России повысится. Гендерный разрыв в оплате труда в России почти наполовину объясняется горизонтальной сегрегацией (женщины работают в менее оплачиваемых секторах).

2) Турбулентная ситуация, короткий горизонт планирования в период геополитических конфликтов может приводить к эмиграции высококвалифицированных специалистов (вспомним также краткосрочную миграцию молодых квалифицированных мужчин в период частичной мобилизации). Проблема утечки умов — это не только российская проблема. Европейские страны с относительно неплохими условиями на рынке труда для квалифицированных специалистов обеспокоены сегодня утечкой умов, показывая, что это явление дает негативный эффект на экономический рост европейского сообщества и увеличивает региональные различия внутри Евросоюза [Addressing..., 2023]¹⁶. В настоящее время в России правительство предпринимает меры для удержания ИТ-специалистов (бронь от участия в СВО, ипотечные программы и пр.). Тем не менее вопрос удержания талантов остается актуальным. Гендерный аспект мер удержания ИТ-специалистов заключается в торможении роста спроса на женскую рабочую силу в высокотехнологичных отраслях, так как ослабляется эффект привлечения резерва.

3) Милитаризированная переориентация ряда предприятий промышленности приводит к росту доли «мужских» рабочих мест. Спрос на женский труд потенциально сокращается.

4) Конфронтация с западными странами, многочисленные санкции, уход иностранного западного бизнеса и нарушение логистических цепочек вынуждает делать «поворот на Восток». Что это значит для гендерной перспективы, в частности, для рынка труда? Это обозначает ренессанс патриархатных отношений. Восточная культура более традиционна и патриархатна, что выражается через подчиненное, несамостоятельное, зависимое положение женщин. Значит нормы и ценности будут меняться. Произойдет усиление патриархата, гендерных стереотипов. Даже при учете, что Восток разный и степень дискриминации женщин различна в его разных частях, ухудшения не избежать.

В одном случае — Ближний Восток — дискриминационные практики и гендерное неравенство распространены не только в семье, но и на работе, на улице,

¹⁶ У нас нет комплексных оценок влияния утечки умов и программ по возвращению специалистов на экономику России в краткосрочном и долгосрочном масштабе, но можно привести пример из развитых экономик. Краткосрочные и долгосрочные оценки миграционной политики по возвращению европейских специалистов и привлечению новых талантов в Европу [Prato, 2022] показали, что снижение налогов для иностранцев и возвращающихся мигрантов в ЕС с целью устранения утечки умов увеличивает инновации в ЕС, но снижает распространение инноваций и знаний в США. Первый эффект доминирует в первые 25 лет, увеличивая рост производительности труда в ЕС на 5%, но второй доминирует в долгосрочной перспективе, снижая рост на 6%. В свою очередь миграционная политика в США (удвоение размера визовой программы США H-1B) увеличивает рост экономики США и ЕС на 9% в долгосрочной перспективе, поскольку она распределяет изобретателей по местам, где они производят больше инноваций и способствует взаимной передаче знаний.

в общественных правилах и нормах, «страх послушаться сидит в голове» (вспомним протесты женщин в Иране в наши дни¹⁷). В другом случае — Дальний Восток — в общественной жизни и на рабочем месте гораздо меньше дискриминационных практик, рынок труда и система образования открыты для женщин, нет общественного давления на сферу досуга, но в домашнем хозяйстве сохраняется патриархат (что и привело к невиданному ранее падению рождаемости в Восточной Азии).

Сближение с более патриархатными странами изменит гендерные отношения и в нашей стране, в нашей повседневности, на рабочих местах и дома. В период, когда мы остро нуждаемся в политике баланса «семья — работа» для поддержания экономики и демографического развития, усиление патриархатных настроений может сыграть с нами злую шутку. Даже в консервативных странах с жестким патриархатом рождаемость упала (тот же Иран — 1,7 ребенка на женщину или Турция — 1,5). В восточноазиатских странах («мягкий патриархат») рождаемость находится на беспрецедентно низком уровне (Южная Корея — 0,7, Япония — 1,2). Для справки: в эгалитарных странах рождаемость поддерживается на относительно высоком уровне для стран с таким уровнем экономического развития и давно завершившимся демографическим переходом (Франция — 1,7, Исландия — 1,6, Швеция и Дания — 1,5)¹⁸. И на рынке труда патриархатный ренессанс только добавит проблем. В период, когда мы имеем дефицит работников, надо наращивать, а не ослаблять позиции женщин на рынке труда.

Историческое развитие невозможно повернуть вспять. Временные обратные переходы обычно чреваты проблемами в контексте экономического развития. Особенно это касается России, страны, в которой женщины вышли на рынок труда раньше всех стран. Век назад — в 1920-е годы XX века — мы сделали это. Во многом потому, что в начале XX века большие мужские потери привели нас к необходимости экстенсивного поиска трудового резерва. Развитые страны последовали этому примеру только 50—60 лет спустя. В 1960—1980-е гг. женщины Европы, США постепенно массово вышли на рынок труда.

Важно, что и мужчины будут страдать от роста гендерного неравенства. Больше неравенства — хуже обстоит дело с экономическим ростом и развитием при прочих равных. Значит, хуже будет всем жителям¹⁹. Эмпирические исследования по данным

¹⁷ Чадра, платок и смех: как выглядит повседневная жизнь женщины в Иране // Forbes. 2023. 27 марта. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/486718-cadra-platok-i-smeh-kak-vygladit-povsednevnaa-zizn-zensiny-v-irane> (дата обращения: 12.08.2025).

¹⁸ Данные Всемирного банка о суммарном коэффициенте рождаемости в странах в 2023 году.

¹⁹ Многочисленные расчеты о связи гендерного равенства, экономического роста и устойчивого развития см., например, в исследованиях Европейского института гендерного равенства и других европейских институтов, Международного валютного фонда, организации ОЭСР, в докладах ООН, Всемирного банка: Economic Benefits of Gender Equality in the European Union // European Institute for Gender Equality. URL: https://eige.europa.eu/newsroom/economic-benefits-gender-equality?language_content_entity=en (дата обращения: 12.08.2025); Maceira H. M. Economic Benefits of Gender Equality in the EU // Intereconomics. 2017. Vol. 52, №3. P. 178—183. URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2017/number/3/article/economic-benefits-of-gender-equality-in-the-eu.html> (дата обращения: 12.08.2025); Gender Equality Boosts Economic Growth and Stability. Remarks by Gita Gopinath, IMF First Deputy Managing Director. Delivered at the Korea Gender Equality Forum. 2022. September 27—28 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf>

европейских стран показывают положительное влияние гендерного равенства на экономическое развитие [Litmeyer et al., 2022]. Какие могут быть примеры ухудшения благополучия у мужчин? В патриархальном обществе к мужчинам строже предъявляется спрос на выполнение «мужской роли». Мужчина должен кормить всех членов своей семьи, должен иметь высокий статус. Если мужчина не соответствует «мужской роли», то следует «наказание» более строгое, чем в эгалитарном обществе, где ответственность за материальное благополучие семьи разделена между членами домохозяйства, является предметом внутрисемейного обсуждения и добровольного выбора модели распределения ролей. Гендерное равенство также увеличивает продолжительность жизни мужчин [Clark, Peck, 2012; Pinho-Gomes et al., 2023; Hossin, 2020]. Таким образом, на мужчин будет оказываться отрицательное влияние по линии прямого воздействия на продолжительность жизни и свободу выбора ролевой модели на разных стадиях жизненного цикла и по линии косвенного воздействия через падение экономического роста и сокращение потенциала развития по причине роста гендерного неравенства.

Выводы: внешние шоки на макроуровне и гендерное равенство

В заключение резюмируем потенциальное воздействие шоков на гендерное равенство (на примере влияния шоков на женскую занятость).

Эпидемиологический шок. Уровень занятости женщин падает в пандемию сильнее, чем у мужчин, по причине секторальной сегрегации (торговля, услуги) и роста нагрузки по уходу за детьми из-за закрытия школ. Эффект был противоположный во все предыдущие исследованные экономические шоки последней трети XX века. После пандемии эффекты для женской занятости разнонаправленные — негативные (автоматизация и снижение отдачи от опыта) и позитивные (улучшение баланса семья — работа, снижение дискриминации из-за внедрения дистанта и изменение социальных норм вследствие опыта вовлечения мужчин в заботу и раскрытие для них новых возможностей балансировать работу и семейную жизнь). К долгосрочным последствиям добавим эффект «слабых» поколений, который привел к поколению современных предпенсионеров и пенсионеров, которое больше страдало от шоков в 1990-е гг. (мужчины) и в пандемию (женщины), что может сказаться на человеческом капитале этих когорт (состояние здоровья).

Демографический шок. С одной стороны, демографические структурные изменения снизят инновационный потенциал, что вероятно замедлит скорость развития гендерного равенства; с другой стороны, дефицит молодых работников улучшит позиции женщин на рынке труда.

Технологический шок. Технологический прогресс (роботизация, генеративный искусственный интеллект) улучшает гендерное равенство через развитие

[org/en/News/Articles/2022/09/27/sp092722-ggopinath-kgef-gender-korea](https://www.oecd.org/en/News/Articles/2022/09/27/sp092722-ggopinath-kgef-gender-korea) (дата обращения: 12.08.2025); Push gender equality economic sense // OECD. URL: <https://www.oecd.org/social/push-gender-equality-economic-sense.htm> (дата обращения: 12.08.2025); Why Gender Equality Leads to Sustainable Economic Growth. 2021. December 15 // United Nations Development Programme. URL: <https://www.undp.org/kyrgyzstan/blog/why-gender-equality-leads-sustainable-economic-growth> (дата обращения: 12.08.2025); The World Bank In Gender. We cannot end poverty on a livable planet with half the population excluded from opportunity. 2025. September 23 // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/gender/overview> (дата обращения: 12.08.2025).

времясберегающих технологий на работе и дома, в повседневной жизни. С другой стороны, рутинные работы (на которых чаще задействованы женщины) могут привести к большему риску потери работы именно у женщин; цифровые навыки и знания у женщин ниже, что приведет к необходимости заплатить «розовый налог» за успех в цифровом мире; а генеративный искусственный интеллект воспроизводит гендерные стереотипы не в пользу женщин.

Геополитический шок. С одной стороны, милитаризация экономики создает больше мужских рабочих мест, с другой стороны — прямые и косвенные мужские потери повлияют на использование женского труда в качестве резерва. Так называемый «поворот на Восток» в экономическом сотрудничестве может привести к ренессансу патриархатных отношений на рынке труда, что способно ухудшить позиции женщин.

Список источников

Казбекова З. Г. Повышение занятости инвалидов как резерв увеличения демографического дивиденда в России // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. № 100. С. 89—99.

Калабихина И. Е., Максимов М. А. Гендерный разрыв демографических потерь во время пандемии коронавируса: почему в России потери женщин в ожидаемой продолжительности жизни больше, чем у мужчин // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. № 97.

Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65—77.

Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Rauh C. Inequality in the impact of the coronavirus shock: evidence from real time surveys // Journal of Public Economics. 2020. Vol. 189 (104245). P. 1—33.

Addressing the brain drain crisis — Causes, challenges and strategies at the European level // INTOSAI Russia. Accounts Chamber of the Russian Federation International Activities. 2023. October 20. URL: <https://intosairussia.org/news-media/brief-reviews/addressing-the-brain-drain-crisis-causes-challenges-and-strategies-at-the-european-level.html> (дата обращения: 17.08.2025).

Albanesi S., Kim J. Effects of the COVID-19 Recession on the US Labor market: occupation, family and gender // Journal of Economic Perspectives. 2021. Vol. 35, № 3. P. 3—24.

Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. The Impact of COVID-19 on Gender Equality // NBER Working Paper. 2020. № 26947. 39 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w26947/w26947.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

Banzragch O., Zagdbazar M., Gankhuyag U., Tumurtogoo D., Avirmed A., Davaatsersen D., Lkhagva U., Mashir O., Javkhlan G., Tumor B., Galbat A. Gendered Impacts of the COVID-19 in Mongolia: results from big data research // Population and Economics. 2022. Vol. 6., № 4. P. 123—145.

Bloom D. E., Freeman R. B., Korenman S. D. The labour-market consequences of generational crowding // European Journal of Population. 1988. Vol. 3., № 2. P. 131—76.

Charif, I., Trevisani, C. Women's rights, climate change and environment: materializing climate action on the ground // Geneva Centre for Human Rights Advancement and Global Dialogue. Geneva. 2022. 16 p. URL: <https://gchragd.org/wp-content/uploads/2022/11/2022.11.02.-Womens-Rights-Climate-Change-and-Environment.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

Christian P., Kandpal E., Palaniswamy N., Rao V. Safety nets and natural disaster mitigation: evidence from cyclone Phailin in Odisha // Climatic Change. 2019. Vol. 153., № 9. P. 141—164.

- Clark R., Peck B. M. Examining the gender gap in life expectancy: A cross-national analysis, 1980—2005 // *Social Science Quarterly*. 2012. Vol. 93, № 3. P. 820—837. URL: <http://www.jstor.org/stable/42864099> (дата обращения: 17.08.2025).
- Cortes G. M., Jaimovich N., Siu H. E. Disappearing routine jobs: Who, how, and why? // NBER Working Paper. 2016. № 22918. 42 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w22918/w22918.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
- Fruttero A., Halim D., Broccolini C., Coelho B., Gninafon H., Muller N. Gendered impacts of climate change evidence from weather shocks // Policy Research Working Paper. 2023. № 10442. 33 p. URL: <https://wrds.unwomen.org/sites/default/files/2023-07/WB-gendered-impacts-climate-change.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).
- Hossain S., Majumder A. K. Impact of climate change on agricultural production and food security: a review on coastal regions of Bangladesh // *International Journal of Agricultural Research Innovation and Technology*. 2018. Vol. 8, № 1. P. 62—69.
- Hossain M. Z. The male disadvantage in life expectancy: can we close the gender gap? // *International Health*. 2021. Vol. 13, № 5. P. 482—484.
- Hoynes H., Miller D. L., Schaller J. Who suffers during recessions? // *Journal of Economic Perspectives*. 2012. Vol. 26, № 3. P. 27—48.
- Jacobsen J. P. *Advanced Introduction to Feminist Economics* (Elgar Advanced Introductions series). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2020. 192 p.
- Kalabikhina I. E. Demographic and social issues of the pandemic // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, № 2. P. 103—122.
- Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. Short-term effects of the COVID-19 pandemic on employment and income of the Russian population: which groups were affected the most? // *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, № 4. P. 21—42.
- Kochhar R. In Two Years of Economic Recovery, Women Lost Jobs, Men Found Them // *Pew Social & Demographic Trends*. Report. 2011. July 6. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2011/07/06/two-years-of-economic-recovery-women-lose-jobs-men-find-them/> (дата обращения: 17.08.2025).
- Korenman S., Neumark D. Cohort crowding and youth labor markets: a cross-national analysis // NBER Working Paper. 1997. № w6031. 71 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w6031/w6031.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
- Lévesque M., Minniti M. Age matters: how demographics influence aggregate entrepreneurship // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2011. Vol. 5, iss. 3. P. 269—284.
- Liang J., Wang H., Lazear E. R. Demographics and Entrepreneurship // NBER Working Paper. 2014. № 20506. 67 p. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w20506/visions/w20506.rev0.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
- Litmeyer M.-L., Bender L., Happel S., Peusch A., Spory N., Hennemann S. The effects of gender equality on economic development in Europe // *Erdkunde*. 2022. Vol. 76, № 1. P. 21—40.
- Lundberg S. The added worker effect // *Journal of Labor Economics*. 1985. Vol. 3, № 1. P. 11—37.
- Martinez-Lacoba R., Pardo-Garcia I., Escribano-Sotos F. Aging, dependence, and long-term care: a systematic review of employment creation // *Inquiry*. 2021. Vol. 58, № 43. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/00469580211062426> (дата обращения: 17.08.2025).
- Meyer J. Workforce age and technology adoption in small and medium-sized service firms // *Small Business Economics*. 2011. Vol. 37, iss. 3. P. 305—324.
- Mubarak F., Suomi R. Elderly forgotten? Digital exclusion in the information age and the rising grey digital divide // *Inquiry: The Journal of Health Care Organization, Provision, and Financing*. 2022. Vol. 59. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00469580221096272> (дата обращения: 17.08.2025).

Ng T. W. H., Feldman D. C. A meta-analysis of the relationships of age and tenure with innovation-related behaviour // *Occupational and Organizational Psychology*. 2013. Vol. 86, iss. 4. P. 585—616.

Oppenheimer V. K. The interaction of demand and supply and its effect on the female labour force in the United States // *Population Studies*. 1967. Vol. 21, № 3. P. 239—259.

Pinho-Gomes A. C., Peters S. A. E., Woodward M. Gender equality related to gender differences in life expectancy across the globe gender equality and life expectancy // *PLOS global public health*. 2023. Vol. 3., № 3. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36963039/> (дата обращения: 17.08.2025).

Pomazkin D., Filippov V. Demographic resource for data analysis and visualization // *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, № 3. P. 117—124.

Prato M. The Global Race for Talent: Brain Drain, Knowledge Transfer, and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 2025. Vol. 140, iss. 1. P. 165—238.

Schubert T., Andersson M. Old is gold? The effects of employee age on innovation and the moderating effects of employment turnover // *Economics of Innovation and New Technology*. 2014. Vol. 24, № 1—2. P. 95—113.

Stephens M. Worker displacement and the added worker effect // *Journal of Labor Economics*. 2002. Vol. 20, № 3. P. 504—537.

The role of digital labour platforms in transforming the world of work // *International Labour Organization. World Employment and Social Outlook*. 2021. February 23. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/role-digital-labour-platforms-transforming-world-work> (дата обращения: 17.08.2025).

Van Daalen K. R., Kallesøe S. S., Davey F., Dada S., Jung L., Singh L., Issa R., Alma Emilian C., Kuhn I., Keygnaert I., Nilsson M. Extreme events and gender-based violence: a mixed-methods systematic review // *The Lancet Planetary Health*. 2022. Vol. 6, iss. 6. P. e504—e523. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196\(22\)00088-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196(22)00088-2/fulltext) (дата обращения: 17.08.2025).

Zamarro G., Prados M. J. Gender differences in couples' division of childcare, work and mental health during COVID-19 // *Review of Economics of the Household*. 2021. Vol. 19, № 1. P. 11—40.

References

Adams-Prassl, A. Boneva, T., Golin, M., Rauh, C. (2020) Inequality in the impact of the coronavirus shock: Evidence from real time surveys, *Journal of Public Economics*, vol. 189 (104245), pp. 1—33.

Addressing the brain drain crisis — Causes, challenges and strategies at the European level (2023) *INTOSAI Russia. Accounts Chamber of the Russian Federation International Activities*, October 20, available from <https://intosairussia.org/news-media/brief-reviews/addressing-the-brain-drain-crisis-causes-challenges-and-strategies-at-the-european-level.html> (accessed 17.08.2025).

Albanesi, S., Kim, J. (2021) Effects of the COVID-19 recession on the us labor market: occupation, family, and gender, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 35, no. 3, pp. 3—24.

Alon, T., Doepke, M., Olmstead-Rumsey, J., Tertilt, M. (2020) The impact of COVID-19 on gender equality, *NBER Working Paper* No. 26947, available from https://www.nber.org/system/files/working_papers/w26947/w26947.pdf (accessed 17.08.2025).

Banzragch, O., Zagdbazar, M., Gankhuyag, U., Tumurtogoo, D., Avirmed, A., Davaa-tsersen, D., Lkhagva, U., Mashir, O., Javkhlan, G., Tumor, B., Galbat, A. (2022) Gendered impacts of the COVID-19 in Mongolia: results from big data research, *Population and Economics*, vol. 6, no. 4, pp. 123—145.

Bloom, D. E., Freeman, R. B., Korenman, S. D. (1988) The labour-market consequences of generational crowding, *European Journal of Population*, vol. 3, no. 2, pp. 131—76.

Charif, I., Trevisani, C. (2022) Women's rights, climate change and environment: materializing climate action on the ground, *Geneva Centre for Human Rights Advancement and Global Dialogue*, Geneva, 16 p., available from <https://gchragd.org/wp-content/uploads/2022/11/2022.11.02.-Womens-Rights-Climate-Change-and-Environment.pdf> (accessed 17.08.2025).

Christian, P., Kandpal, E., Palaniswamy, N., Rao, V. (2019) Safety nets and natural disaster mitigation: evidence from cyclone Phailin in Odisha, *Climatic Change*, vol. 153, no. 9, pp. 141—164.

Clark, R., Peck, B. M. (2012) Examining the gender gap in life expectancy: a cross-national analysis, 1980—2005, *Social Science Quarterly*, vol. 93, no. 3, pp. 820—837, available from <http://www.jstor.org/stable/42864099> (accessed 17.08.2025).

Cortes, G. M., Jaimovich, N., Siu, H. E. (2016) Disappearing routine jobs: Who, how, and why?, *NBER Working Paper*, no. w22918, 42 p., available from https://www.nber.org/system/files/working_papers/w22918/w22918.pdf (accessed 17.08.2025).

Fruttero, A., Halim, D., Broccolini, C., Coelho, B., Gninafon, H., Muller, N. (2023) Gendered impacts of climate change evidence from weather shocks, *Policy Research Working Paper*, no 10442, available from <https://wrds.unwomen.org/sites/default/files/2023-07/WB-gendered-impacts-climate-change.pdf> (accessed 17.08.2025).

Hossain, S., Majumder, A. K. (2018) Impact of climate change on agricultural production and food security: a review on coastal regions of Bangladesh, *International Journal of Agricultural Research Innovation and Technology*, vol. 8, no. 1, pp. 62—69.

Hossain, M. Z. (2021) The male disadvantage in life expectancy: can we close the gender gap?, *International health*, vol. 13, no. 5, pp. 482—484.

Hoynes, H., Miller, D. L., Schaller, J. (2012) Who suffers during recessions?, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 26, no. 3, pp. 27—48.

Jacobsen, J. P. (2020) *Advanced Introduction to Feminist Economics* (Elgar Advanced Introductions series), Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Kalabikhina, I. E. (2020) Demographic and social issues of the pandemic, *Population and Economics*, vol. 4, no. 2, pp. 103—122.

Kalabikhina, I. E., Maksimov, M. A. (2023) Gendernyi razryv demograficheskikh poter' vo vremia pandemii koronavirusa: Pochemu v Rossii poteri zhenshchin v ozhidaemoi prodolzhitel'nosti zhizni bol'she, chem u muzhchin [The gender gap in demographic losses during the coronavirus pandemic: why the female life expectancy losses are more than the male ones in Russia], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik (Elektronnyy zhurnal)*, no. 97, pp. 26—41.

Kalabikhina, I. E., Rebrey, S. M. (2020) Domashnii trud vo vremia pandemii: opyt Rossii [Homeworking During the Pandemic: Russia's experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 65—77.

Kartseva, M. A., Kuznetsova, P. O. (2022) Short-term effects of the COVID-19 pandemic on employment and income of the Russian population: which groups were affected the most?, *Population and Economics*, vol. 6, no. 4, pp. 21—42.

Kazbekova, Z. G. (2023) Povyshenie zaniatosti invalidov kak rezerv uvelicheniia demograficheskogo dividenda v Rossii [Promoting employment of the disabled as a reserve for increasing demographic dividend in Russia], *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik (Elektronnyy zhurnal)*, no. 100, pp. 89—99.

Kochhar, R. (2011) In two years of economic recovery, women lost jobs, men found them, *Pew Social & Demographic Trends. Report*, available from <https://www.pewresearch.org/social-trends/2011/07/06/two-years-of-economic-recovery-women-lose-jobs-men-find-them/> (accessed 17.08.2025).

Korenman, S., Neumark, D. (1997) Cohort crowding and youth labor markets: a cross-national analysis, *NBER Working Paper*, no. w6031, available from https://www.nber.org/system/files/working_papers/w6031/w6031.pdf (accessed 17.08.2025).

Lévesque, M., Minniti, M. (2011) Age matters: how demographics influence aggregate entrepreneurship, *Strategic Entrepreneurship Journal*, vol. 5, iss. 3, pp. 269—284.

Liang, J., Wang, H., Lazear, E. R. (2014) Demographics and Entrepreneurship, *NBER Working Paper*, no. 20506, available from https://www.nber.org/system/files/working_papers/w20506/revisions/w20506.rev0.pdf (accessed 17.08.2025).

Litmeyer, M.-L., Bender, L., Happel, S., Peusch, A., Spory, N., Hennemann, S. (2022) The effects of gender equality on economic development in Europe, *Erdkunde*, vol. 76, no. 1, pp. 21—40.

Lundberg, S. (1985) The Added Worker Effect, *Journal of Labor Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 11—37.

Martinez-Lacoba, R., Pardo-Garcia, I., Escribano-Sotos, F. (2021) Aging, dependence, and long-term care: a systematic review of employment creation, *Inquiry*, vol. 58, no. 43, available from <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/00469580211062426> (accessed 17.08.2025).

Meyer, J. (2011) Workforce age and technology adoption in small and medium-sized service firms, *Small Business Economics*, vol. 37, iss. 3, pp. 305—324.

Mubarak, F., Suomi, R. (2022) Elderly forgotten? Digital exclusion in the information age and the rising grey digital divide, *Inquiry: The Journal of Health Care Organization, Provision, and Financing*, vol. 59, available from <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00469580221096272> (accessed 17.08.2025).

Ng, T. W. H., Feldman, D. C. (2013) A meta-analysis of the relationships of age and tenure with innovation-related behaviour, *Occupational and Organizational Psychology*, vol. 86, iss. 4, pp. 585—616.

Oppenheimer, V. K. (1967) The interaction of demand and supply and its effect on the female labour force in the United States, *Population Studies*, vol. 21, no. 3, pp. 239—59.

Pinho-Gomes, A. C., Peters, S. A. E., Woodward, M. (2023) Gender equality related to gender differences in life expectancy across the globe gender equality and life expectancy, *PLOS global public health*, vol. 3, no. 3, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36963039/> (accessed 17.08.2025).

Pomazkin, D., Filippov, V. (2022) Demographic resource for data analysis and visualization, *Population and Economics*, vol. 6, no. 3, pp. 117—124.

Prato, M. (2025) The global race for talent: brain drain, knowledge transfer, and growth, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 140, iss. 1, pp. 165—238.

Schubert, T., Andersson, M. (2014) Old is gold? The effects of employee age on innovation and the moderating effects of employment turnover, *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 24, no. 1 —2, pp. 95 —113.

Stephens, M. (2002) Worker displacement and the added worker effect, *Journal of Labor Economics*, vol. 20, no. 3, pp. 504—537.

The role of digital labour platforms in transforming the world of work (2021) *International Labour Organization*. World Employment and Social Outlook. 2021. February 23, available from <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/role-digital-labour-platforms-transforming-world-work> (accessed 17.08.2025).

Van Daalen, K. R., Kallesøe, S. S., Davey, F., Dada, S., Jung, L., Singh, L., Issa, R., Alma Emilian, C., Kuhn, I., Keygnaert, I., Nilsson, M. (2022) Extreme events and gender-based violence: a mixed-methods systematic review, *The Lancet Planetary Health*, vol. 6, iss. 6, pp. e504—e523, available from [https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196\(22\)00088-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196(22)00088-2/fulltext) (accessed 17.08.2025).

Zamarro, G., Prados, M. J. (2021) Gender differences in couples' division of childcare, work and mental health during COVID-19, *Review of Economics of the Household*, vol. 19, no. 1, pp. 11—40.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 16.12.2025.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 16.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr.Sc. (Economics), Professor, Head of the Department of Population Studies, Faculty of Economics, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 74—87.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 74—87.

Научная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/ryaeen>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.5

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ

Маргарита Сергеевна Астоянц,

Татьяна Сергеевна Киенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, mastoyanc@sfedu.ru

Аннотация. На материале проведенного в двух российских регионах (Ростовской и Свердловской областях) анкетирования, в ходе которого было опрошено 520 респондентов в возрасте 60 лет и старше, эмпирически верифицируется положение о том, что гендерные различия играют существенную роль в практиках социального участия россиян этой возрастной группы. Выявлено, что женщины старшего возраста имеют в среднем более высокий уровень социального участия; их активность значимо выше на всех уровнях — от реактивных до проактивных форм участия. Отмечена более высокая активность женщин в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности, в то время как участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет. В группе респондентов, демонстрирующих максимальную активность (лидеры) гендерные различия не зафиксированы. Не выявлено различий по полу в социальных активностях пожилых женщин и мужчин, связанных с удовлетворением их личных потребностей и интересов, но женщины демонстрируют более высокую вовлеченность в действия, направленные на других (членов семьи, друзей, соседей, сообществ и страны в целом).

Ключевые слова: социальное участие, люди старшего возраста, гендер, гендерные особенности социального участия, социальная активность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00134 «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>.

Для цитирования: Астоянц М. С., Киенко Т. С. Особенности социального участия российских мужчин и женщин старших возрастов // *Женщина в российском обществе. 2026. №1. С. 74—87.*

Original article

FEATURES OF SOCIAL PARTICIPATION AMONG OLDER RUSSIAN WOMEN AND MEN

Margarita S. Astoyants,

Tatyana S. Kienko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, mastoyanc@sfedu.ru

Abstract. Based on a survey conducted in two Russian regions (Rostov and Sverdlovsk Regions), in which 520 respondents aged 60 and older were interviewed, the article examines the characteristics of social participation among older Russian men and women. The analysis of the research data is based on the level approach methodology developed by M. Levasser and her co-authors. In line with the level approach, the authors identified areas of social participation and the focus of activities, recorded intensity (frequency), developed a system of indicators, calculated an integral indicator of social participation, as well as its individual components characterizing the areas, focus (spaces), and forms of social participation. Statistically significant gender differences were found across all parameters. It was found that older women have a higher average level of social participation; their activity is significantly higher at all levels, from reactive forms of preparation for communication to proactive forms of civic and political participation. However, while the proportions of men with activity levels both below and above the average are approximately the same, there are twice as many women demonstrating above-average activity as those whose activity does not reach the average. At the same time, in a relatively small group of respondents demonstrating maximum activity (leaders), no gender differences were noted. Women were found to be more active in cultural and leisure, educational and developmental, social and domestic, and community activities, while there were no significant gender differences in participation in sports and health, political, and work activities. Older people are actively involved in practices aimed at their personal interests and their families, but only some of them are involved in activities outside their immediate circle. At the same time, there are no gender differences in the social activities of older women and men related to the satisfaction of their personal needs and interests, but women demonstrate greater involvement in activities aimed at others (family members, friends, neighbors, communities, and the country as a whole). The article empirically verifies the proposition that gender differences play a significant role in the social participation practices of older Russians.

Key words: social participation, older people, gender, gender characteristics of social participation, social activity

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-28-00134 «Social participation of older people in Russian regions in the post-pandemic period», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>.

For citation: Astoyants, M. S., Kienko, T. S. (2026) Osobennosti sotsial'nogo uchastiia rossiiskikh muzhchin i zhenshchin starshikh vozrastov [Features of social participation among older Russian women and men], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 74—87.

Старение населения является глобальной тенденцией и охватывает сегодня практически все страны мира. Не является исключением и Российская Федерация. Увеличение доли людей пожилого возраста в России является следствием долгосрочных тенденций изменения процессов демографического воспроизводства, а именно снижения рождаемости, стабилизации уровня смертности и увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения. За последние 5 лет доля россиян

старше 60 лет в структуре населения страны выросла с 32 млн чел. (21,8 % в 2019 г.) до 34,5 млн чел. (23,4 % в 2023 г.). Такие стремительные темпы роста населения старших возрастов не только ставят перед российским обществом множество проблем (демографической нагрузки, социального обеспечения и обслуживания, границ пенсионного возраста, постпенсионной занятости и пр.), но и меняют представления о старости. Раздвигаются социальные рамки «нормального» старения, репертуар стратегий старения, трансформируются статус и образ жизни людей старших возрастов. Набирает силу феномен «отложенного» старения [Видясова, Григорьева, 2023]. Активность, включенность и участие старшего поколения заявляются в качестве целей и ценностей современного общества, базовых принципов социальной политики. Социальное участие рассматривается в качестве ключевого фактора повышения качества жизни людей в старшем возрасте.

Постановка задачи

Социальное участие как совместное использование ресурсов в значимой для людей деятельности обеспечивает взаимодействия с другими [Bukov et al., 2002; Levasseur et al., 2010; Levasseur et al., 2022] и реализуется в публичных и непубличных пространствах и отношениях в разных формах и уровнях [Киенко, 2023]. Авторы используют понятие «люди старшего возраста» как недискриминационное, объединяющее людей от 60 лет и старше с учетом глубокой внутренней дифференциации их особенностей, потребностей, стратегий старения. В старшем возрасте особое значение имеет неформальное участие в семейных, соседских, дружеских практиках, которое часто остается «невидимым», провоцируя стереотипы пассивной старости. Формы и интенсивность участия сопряжены с состоянием здоровья и мобильности пожилого человека, интересами, жизненным опытом, гендерным, семейно-супружеским статусом, особенностями ближайшего окружения, места, условий и образа жизни, инфраструктурных возможностей [Katagiri, Kim, 2018; Lam, Bolano, 2019; Yuying, Jing, 2021].

Мужчины и женщины старших возрастов имеют разные предпочтения и вовлекаются в разные практики участия. Однако эти различия также связаны с возрастом, трудовым, семейным, экономическим статусом и состоянием здоровья [Ong et al., 2024], этнокультурными и географическими особенностями [Marsh et al., 2018]. В одних культурах и этносах мужчины активнее женщин, в других женская активность выше, а где-то гендерные предпочтения отмечаются по видам и формам активностей [Ye et al., 2020; Ang, 2018]. Так, по данным исследований в Японии, женщины чаще мужчин участвуют в группах по интересам, культурных группах и клубах, а среди мужчин — больше участвующих в добровольческих, спортивных группах, местных общественных ассоциациях и оплачиваемой работе [Tomioka et al., 2017]. Ученые из Китая утверждают, что у пожилых женщин показатели участия ниже, причем гендерный разрыв с возрастом увеличивается (Yuying, Jing, 2021). В Канаде оба пола демонстрируют примерно одинаковые показатели участия [Naud et al., 2021]. Таким образом, представления о социальной активности мужчин и женщин значительно расходятся, что связано с различиями культур и методологий.

Образование, доходы, занятость, хорошее состояние здоровья и иные ресурсы оказывают положительное влияние на участие в социальной деятельности представителей обоих полов. Ряд авторов полагают, что у пожилых женщин меньше ресурсов, поскольку они заняты уходом за детьми и супругами, что ограничивает их

активность [Rozanova et al., 2012] и обесценивает вклад [Григорьева, 2018]. Но именно это становится фактором их вовлеченности в социальные связи, в то время как мужчины больше подвержены риску социальной изоляции [Katagiri, Kim, 2018; Siette et al., 2021], более зависимы от своих жен и их заботы [Park, et al., 2013].

В России в старшем возрасте «женщины традиционно активнее мужчин» [Полтавская, 2018: 54] как в сфере социального, так и гражданского участия [Колпина, 2018]. Отчасти это объясняется ранними границами пенсионного возраста женщин и гендерным перекосом, который увеличивается с возрастом. С другой стороны, гендерные стереотипы предписывают женщинам заботу о других, но также и большую социальность, а мужчинам роль добытчиков и карьерные цели, но меньшую коммуникативную или досуговую активность. И. А. Григорьева, напротив, находит признаки пассивности и согласия с социальными рамками российских женщин пожилого возраста [Григорьева, 2018: 15].

Таким образом, представления о социальном участии мужчин и женщин старших возрастов крайне противоречивы. Это приводит к сохранению стереотипов пассивной старости, искажению восприятия людей старших возрастов и отдалению целей политики активного долголетия. Цель данной статьи — выявление гендерных особенностей социального участия россиян старших возрастов. Авторы ставят ряд исследовательских вопросов: каковы особенности социального участия российских мужчин и женщин старших возрастов, различия уровней, направленности участия, предпочтительных форм заботы о себе и других.

Методика исследования

Представленные в статье результаты получены в ходе реализации проекта «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период» в период с мая по сентябрь 2023 г. в двух российских регионах — в Ростовской и Свердловской областях. Методом анкетирования были опрошены респонденты в возрасте от 60 лет до 98 лет; анкета распространялась силами научного коллектива проекта, сотрудников и студентов ЮФУ и УрФУ, а также через специалистов учреждений социального обслуживания, здравоохранения, культуры, социально ориентированных некоммерческих организаций и волонтеров. Выборка 520 респондентов квотирована по полу (312 женщин и 208 мужчин), месту жительства (132 чел. проживающих в сельской местности и 388 чел. в городах, согласно пропорциям по типам поселений в регионах-участниках) и условиям проживания (включает в равных долях, то есть по 130 человек, лиц, состоящих в супружестве и проживающих с супругами; не состоящих в супружестве и живущих в семьях детей, внуков и иных родственников; не состоящих в супружестве одиноко проживающих дома; не состоящих в супружестве и проживающих в стационарных отделениях социальных учреждений).

Анализ данных исследования выполнен с опорой на методологию уровневого подхода канадских ученых — М. Левассер и ее соавторов [Levasseur et al., 2010; Levasseur et al., 2022], которые выделяют 6 уровней участия. К первому относят подготовку к общению, ко второму — нахождение с другими, к третьему — взаимодействия, к четвертому — совместную деятельность, к пятому — помощь другим и к шестому — вклад в общество (гражданское и политическое участие). Уровневый подход в интерпретации М. Левассер и соавторов позволяет изучать не только

публичные и явные формы активности пожилых людей, но и непубличные или опосредованные, выявлять даже те формы, которые обычно приравниваются к социальной пассивности. Описание подхода и операционализация практик по уровням предложена в других авторских работах [Киенко, 2023; Киенко, 2024].

В русле уровневого подхода нами были выделены сферы социального участия, направленность деятельности, фиксировалась интенсивность (частота). Авторы разработали систему индикаторов, рассчитали интегральный показатель социального участия, который включает в себя все переменные, характеризующие его формы, сферы, направленность и частоту, и, применив процедуру визуальной категоризации, разделили ранжированную по показателю социального участия выборку на десять равных частей (децилей), после чего провели перекрестный анализ влияния пола респондента на показатель социального участия. Анализ гендерных различий социального участия проводился при помощи Т-теста для независимых выборок; статистическая значимость проверялась при помощи критерия Ливиня. Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics 26.

Результаты исследования

Как показали результаты перекрестного анализа влияния пола на показатель социального участия (см. рис. 1), в ранжированной выборке в пределах нижних четырех децилей (что соответствует значениям ниже среднего) наблюдается преобладание респондентов-мужчин.

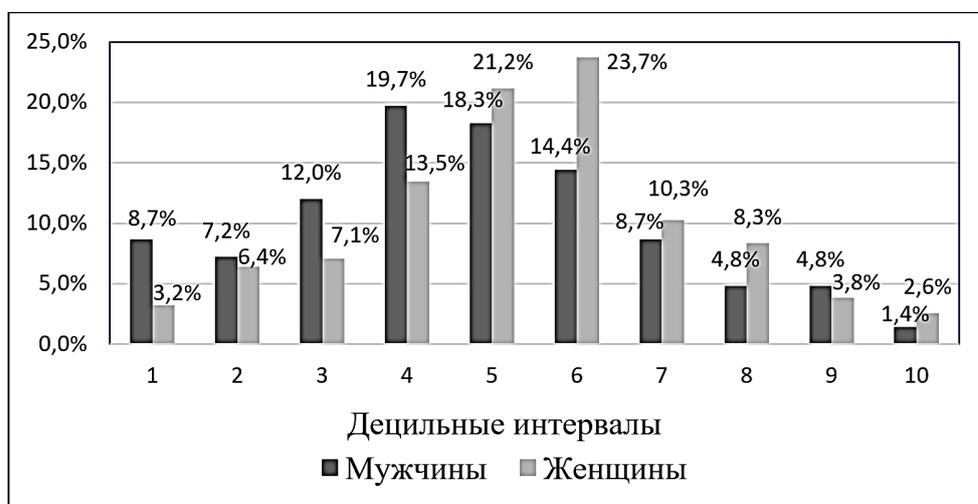

Рис. 1. Интегральный показатель социального участия: различия по полу

Если среди всех людей старшего возраста низкие значения интегрального показателя социального участия выявлены у 37,1 %, то среди мужчин таких оказалась почти половина (47,6 %), тогда как среди женщин менее трети (30,2%). В пределах 5—8 децилей (средние значения и выше среднего) доля женщин существенно выше; соответствующие значения интегрального показателя социального участия наблюдаются почти у 2/3 женщин (63,5 %) и чуть менее чем у половины (46,2 %) мужчин,

тогда как среди всех опрошенных 56,5 %. В пределах двух верхних децилей (максимальные значения) преобладают мужчины (9) и женщины (10); всего же в этой группе с очень высокими значениями интегрального показателя социального участия мужчины и женщины представлены практически в равных долях (6,2 % мужчин и 6,4 % женщин от числа всех опрошенных).

Таким образом, практически одинаковая (чуть более 6 %) доля как мужчин, так и женщин старшего возраста (лидеры) обнаруживает максимальные значения показателя социального участия. Остальная же часть опрошенных мужчин и женщина распределена по-разному: если доли мужчин, имеющих активность ниже среднего и выше среднего примерно одинаковы, то доля женщин, демонстрирующих активность выше среднего, оказалось вдвое больше тех, чья активность низка.

Таблица 1

Уровни социального участия мужчин и женщин старших возрастов

Уровни	Пол	Среднее значение показателя социального участия	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий для равенства средних	
			F	Уровень знач.	t-критерий	Значимость (двухсторонняя)
1 уровень (подготовка к общению)	муж.	721,54	3,800	0,052	-3,371	0,001
	жен.	822,95				
2 уровень (нахождение с другими)	муж.	708,85	2,804	0,095	-2,718	0,008
	жен.	789,23				
3 уровень (взаимодействия)	муж.	662,85	3,360	0,067	-4,715	0,0003
	жен.	790,46				
4 уровень (совместная деятельность)	муж.	452,31	0,064	0,800	-3,199	0,001
	жен.	540,12				
5 уровень (помощь другим)	муж.	422,63	0,353	0,553	-2,810	0,005
	жен.	501,06				
6 уровень (вклад в общество)	муж.	574,62	1,334	0,249	-2,994	0,003
	жен.	662,82				

Применив подход М. Левассер, авторы рассчитали показатели социального участия по каждому из шести уровней (диапазон значений от 0 до 1400) и установили, что показатели социального участия у женщин старшего возраста имеют большие, по сравнению с мужчинами, средние значения на всех уровнях — подготовка к общению (1 уровень), нахождение с другими (2), взаимодействия (3), совместная деятельность (4), помощь другим (5) и вклад в общество (6 уровень). Статистическая значимость выявленных различий подтверждается результатами Т-теста (как видно из табл. 1, значимость t-критерия для равенства средних для всех шести уровней $p < 0,05$, что позволяет сделать вывод о значимости различий по полу).

Интересными оказались результаты по видам помощи и поддержки, оказываемой другим людям (5 уровень), в число которых входили: финансовая, материальная; физическая, трудовая; техническая; организация досуга и отдыха,

творчества; обучение и развитие; моральная поддержка; социально-бытовая помощь и уход. Средние значения показателей социального участия по всем видам помощи (диапазон значений от 0 до 25) у женщин выше, чем у мужчин (см. табл. 2).

Статистически значимые по полу различия видов оказываемой другим поддержки выявлены в вопросах финансовой (материальной) помощи, организации досуга и отдыха, в обучении и развитии, моральной поддержке, социально-бытовой помощи и уходе (значимость t-критерия для равенства средних $p < 0,05$). Эти виды помощи женщины оказывают значимо чаще мужчин. Оказание физической и технической помощи значимых различий по полу не имеет.

Таблица 2

Виды помощи и поддержки, оказываемые мужчинами и женщинами старших возрастов другим людям

Виды помощи и поддержки	Пол	Среднее значение показателя социального участия	Критерий равенства дисперсий Ливиния		t-критерий для равенства средних	
			F	Уровень знач.	t-критерий	Значимость (двухсторонняя)
Финансовая, материальная	муж.	6,98	3,032	0,082	-2,258	0,024
	жен.	8,15				
Физическая, трудовая	муж.	7,14	0,177	0,674	-1,605	0,109
	жен.	8,03				
Техническая	муж.	6,64	1,765	0,185	-1,308	0,185
	жен.	7,38				
Организация досуга и отдыха, творчества	муж.	6,16	1,565	0,211	-3,163	0,002
	жен.	7,95				
Обучение и развитие	муж.	5,62	1,184	0,277	-2,281	0,023
	жен.	6,93				
Моральная поддержка	муж.	9,47	2,432	0,119	-3,270	0,001
	жен.	11,29				
Социально-бытовая помощь и уход	муж.	6,63	0,670	0,414	-2,520	0,012
	жен.	8,08				

Авторы также проанализировали активность наших респондентов, выделили ключевые сферы социального участия (культурно-досуговую, образовательно-развивающую, спортивно-оздоровительную, социально-бытовую, общественную, политическую и трудовую), предполагая, что здесь также можно обнаружить гендерные различия и что существуют как преимущественно женские, так и преимущественно мужские сферы. Расчет показателей социального участия для каждой сферы (диапазон значений от 0 до 5) показал, что средние значения показателя у женщин выше, чем у мужчин во всех сферах, за исключением политической (см. табл. 3). Значимость t-критерия для равенства средних $p < 0,05$ в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности позволяет сделать

вывод о статистической значимости различий по полу. Таким образом, женщины активнее мужчин в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности. Участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет.

Таблица 3

Сферы социального участия мужчин и женщин старших возрастов

Сферы	Пол	Среднее значение показателя социального участия	Критерий равенства дисперсий Ливиния		t-критерий для равенства средних	
			F	Уровень знач.	t-критерий	значимость (двухсторонняя)
Культурно-досуговая	муж.	2,32	0,693	0,406	-2,920	0,004
	жен.	2,71				
Образовательно-развивающая	муж.	2,21	2,917	0,088	-2,495	0,013
	жен.	2,58				
Спортивно-оздоровительная	муж.	2,43	3,097	0,079	-1,841	0,066
	жен.	2,71				
Социально-бытовая	муж.	2,92	8,162	0,004	-3,351	0,001
	жен.	3,43				
Общественная	муж.	1,86	0,060	0,807	-3,152	0,002
	жен.	2,34				
Политическая	муж.	1,58	2,412	0,121	0,333	0,740
	жен.	1,53				
Трудовая	муж.	2,59	0,735	0,392	-1,302	0,193
	жен.	2,81				

Анализ направленности социального участия людей старшего возраста позволил определить, в чьих интересах осуществляются практики социального участия, на какой круг субъектов (социальные пространства участия) они направлены. Авторы рассчитали показатели социального участия для каждого пространства (диапазон значений от 0 до 660). Сопоставление мер центральной тенденции по полу показывает, что по всем показателям (от направленности на свои собственные интересы до семейных, дружеских, соседских, интересов локальных сообществ и более широкой общественной пользы) среднее значение у женщин выше, чем у мужчин (см. табл. 4).

Важную информацию дает нам разность среднего и медианного значений социального участия. В ближайшем социальном пространстве (направленность на себя и членов своей семьи) разность среднего и медианного значений социального участия принимает отрицательные значения, а распределение переменной социального участия имеет отрицательную асимметрию и перекошено влево, т. е. малая часть наших респондентов значительно реже остальных осуществляет действия в собственных интересах и интересах своей семьи, а большая часть делает это довольно часто. И для мужчин эти различия более заметны, чем для женщин (-38,08 против -14,49 и -22,9 против -11,62 соответственно), что говорит о большей гомогенности женщин и гетерогенности мужчин старшего возраста по этому показателю.

Для более широких социальных пространств участия людей старшего возраста (направленность на друзей, соседей, сообщества и др.), напротив, разность среднего и

медианного значений принимает положительные значения, а распределение переменной социального участия имеет положительную асимметрию и перекошено вправо.

Таблица 4

**Направленность социального участия мужчин и женщин
старших возрастов**

Направленность социального участия	Пол	Показатель социального участия		Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий для равенства средних	
		Среднее значение	Разность среднего и медианы	F	Уровень знач.	t-критерий	значимость (двухсторонняя)
В своих личных интересах	муж.	357,92	-38,08	1,696	0,193	-1,620	0,106
	жен.	381,51	-14,49				
В интересах членов своей семьи	муж.	289,10	-22,9	1,777	0,183	-2,193	0,029
	жен.	324,38	-11,62				
В интересах друзей	муж.	241,79	25,79	0,542	0,462	-2,304	0,022
	жен.	275,38	23,38				
В интересах соседей	муж.	164,94	56,94	1,595	0,207	-2,551	0,011
	жен.	202,73	34,73				
В интересах организаций, сообществ, клубов, групп	муж.	140,71	68,71	2,053	0,152	-2,444	0,015
	жен.	179,73	47,73				
В интересах общественной пользы	муж.	137,34	38,34	6,553	0,011	-3,238	0,001
	жен.	181,36	54,86				

То есть для людей старшего возраста скорее характерны невысокие показатели социального участия в дружеских, соседских практиках или в сообществах, тогда как для небольшого количества респондентов эти показатели очень высоки. Здесь авторы также обнаружили большие значения разности среднего и медианного значений социального участия у мужчин, чем у женщин. Исключение составляет участие в интересах общественной пользы: здесь у женщин разность среднего и медианного значений социального участия составляет 54,86, а у мужчин 38,34, т. е. у женщин наблюдается больший разброс значений по данному признаку.

Статистически значимые различия по полу наблюдаются во всех социальных пространствах участия, которые выходят за пределы сферы личных интересов индивида (значимость t-критерия для равенства средних $p < 0,05$). Не выявлено значимых различий по полу в социальных активностях пожилых женщин и мужчин, связанных с удовлетворением их личных потребностей и интересов (значимость t-критерия для равенства средних $p = 0,106$). Если же активность связана с действиями, направленными

на других (членов семьи, друзей, соседей, сообществ и страны в целом), женщины демонстрируют более высокую социальную активность, чем мужчины.

Заключение

Итак, подводя итоги анализа исследования социального участия уральских и донских мужчин и женщин старшего возраста, можно увидеть, что существуют определенные различия в выборе форм и частоты социального участия, объектов и направлений заботы. Женщины старших возрастов демонстрируют более высокую социальную активность в сравнении с мужчинами; их участие значимо выше на всех уровнях от реактивных форм подготовки к общению до проактивных форм гражданского и политического участия. Женщины активнее мужчин в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности, в то время как участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет. Если доли мужчин, имеющих активность как ниже, так и выше среднего значения примерно одинаковы, то женщин, демонстрирующих активность выше среднего, вдвое больше, чем тех, чья активность не достигает средних значений. В то же время максимальную активность (лидерство) демонстрирует лишь небольшая доля респондентов и в этой группе гендерных различий не наблюдается. Пожилые женщины чаще мужчин оказывают другим финансовую (материальную), социально-бытовую и моральную поддержку, помощь в организации досуга и отдыха, в обучении и развитии, в то время как оказание физической и технической помощи значимых различий по полу не имеет. Люди старших возрастов активно вовлечены в практики, направленные на личные интересы и свою семью, но лишь часть старших вовлечены в активности за пределами ближнего круга. При этом нет различий по полу в социальных активностях пожилых женщин и мужчин, связанных с удовлетворением их личных потребностей и интересов, но женщины демонстрируют более высокую вовлеченность в действия, направленные на других (членов семьи, друзей, соседей, сообществ и страны в целом).

Гендерные роли предписывают женщинам большую коммуникабельность, функцию заботы о близких, включенность в практики публичного и непубличного участия. Женщины более адаптивны. Они раньше вступают в пенсионный возраст, к тому же в России доля женщин в старшем возрасте значительно превышает долю мужчин. Мужские ролевые модели ориентированы на трудовую самореализацию, а не на общение, досуг, благотворительность или заботу. Отсюда, как полагают авторы, большая часть предложений со стороны государства, социальных служб, СОНКО (социально-ориентированные некоммерческие организации), культурно-досуговых учреждений, семейных, соседских или даже потребительских практик ориентирована на пожилых женщин, а для мужчин предлагается меньше приемлемых для их гендерных моделей форм и видов социальной активности и самореализации, которые бы учитывали их запросы и потребности.

Для мужчин характерна более долгая занятость и карьерно-материальная ориентация, и, несмотря на определенные трансформации гендерных норм, в российском поле сохраняется сильный традиционный образ мужчины-добытчика, главы семьи, на котором лежит ключевое обязательство финансового обеспечения семьи. Соответственно, с этим сопряжены физические, моральные, темпоральные перегрузки, когда у

мужчин в зрелом возрасте меньше возможностей получения опыта участия до выхода на пенсию. Отсутствие опыта участия приводит к снижению активности мужчин. К тому же их здоровье часто начинает ухудшаться примерно к моменту выхода на пенсию, что сказывается на ограничениях социальной активности.

Данное исследование имеет ряд ограничений. Так, авторы обсуждают результаты опросов пожилых россиян лишь в двух российских регионах, однако их можно считать довольно представительными, характеризующими высокоурбанизированный регион (Урал) и регион, где соотношение городских и сельских пожилых жителей приближено к общероссийским распределениям (Дон). Исследование показывает неоднозначность, нелинейность, но существенную роль гендерных различий в практиках участия пожилых женщин и мужчин. Эти данные, с одной стороны, демонстрируют недостаточность условий для приобретения российскими мужчинами опыта социального участия и предложений для их активности в старших возрастах, с другой стороны — высокую разностороннюю активность женщин, которая при этом не получает признания. Учет имеющихся лагун необходим при разработке политических и практических решений. Сказанное подтверждает задачи критического анализа феномена социального участия, его гендерных аспектов и специфики в старшем возрасте. Полученные данные представляют значимость для использования в практике организации активностей, геронтоволонтерства, социальной заботы, формирования предложений в сфере социального участия с учетом гендерных отличий.

Список источников

Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 1. С. 4—26.

Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5—18.

Киенко Т. С. Социальное участие людей старшего возраста: подходы к анализу и инструменты оценки // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 2. С. 225—260.

Колтина Л. В. Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 293—308.

Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 584—601.

Полтавская М. Б. Социальная активность граждан «третьего возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда). // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 2. С. 48—64.

Ang S. Social participation and mortality among older adults in Singapore: does ethnicity explain gender differences? // Journals of Gerontology: Series B. 2018. Vol. 73, iss. 8. P. 1470—1479.

Bukov A., Maas I., Lampert T. Social participation in very old age: cross-sectional and longitudinal findings from BASE. // Journals of Gerontology: Series B. 2002. Vol. 57, № 6. P. 510—517.

Katagiri K., Kim J. H. Factors determining the social participation of older adults: A comparison between Japan and Korea using EASS 2012 // PLoS One. 2018. Vol. 13, № 4. 23 p.

Lam J., Bolano D. Social and productive activities and health among partnered older adults: a couple-level analysis // Social Science and Medicine. 2019. № 229. P. 126—133.

Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: proposed taxonomy of social activities // Social Science and Medicine. 2010. Vol. 71, № 12. P. 2141—2149.

Levasseur M., Lussier-Therrien M., Biron M. L., Raymond É., Castonguay J., Naud D., Fortier M., Sévigny A., Houde S., Tremblay L. Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition // *Age and Ageing*. 2022. Vol. 51, № 2. P. 1—13.

Marsh C., Agius P. A., Jayakody G., Shajehan R., Abeywickrema C., Durrant K., Luchters S., Holmes W. Factors associated with social participation amongst elders in rural Sri Lanka: a cross-sectional mixed methods analysis // *BMC Public Health*. 2018. Vol. 18, iss. 1. P. 1—14.

Naud D., Gèneveux M., Alauzet A., Bruneau J. F., Cohen A., Levasseur M. Social participation and barriers to community activities among middle-aged and older Canadians: Differences and similarities according to gender and age // *Geriatrics and Gerontology International*. 2021. Vol. 21, № 1. P. 77—84.

Ong C. H., Pham B. L., Levasseur M., Tan G. R., Seah B. Sex and gender differences in social participation among community-dwelling older adults: a systematic review // *Frontiers in Public Health*. 2024. Vol. 12, № 12. P. 1—18.

Park N. S., Jang Y. R., Lee B. S., Haley W. E., Chiriboga D. A. The mediating role of loneliness in the relation between social engagement and depressive symptoms among older Korean Americans: do men and women differ? // *Journals of Gerontology: Series B*. 2013. Vol. 68, № 2. P. 193—201.

Rozanova J., Keating N., Eales J. Unequal social engagement for older adults: constraints on choice // *Canadian Journal of Aging*. 2012. Vol. 31, № 1. P. 25—36.

Siette J., Berry H., Jorgensen M., Brett L., Georgiou A., McClean T., Westbrook J. Social Participation Among Older Adults Receiving Community Care Services // *Journal of Applied Gerontology*. 2021. Vol. 40, № 9. P. 997—1007.

Tomioka K., Kurumatani N., Hosoi H. Age and gender differences in the association between social participation and instrumental activities of daily living among community-dwelling elderly // *BMC Geriatr*. 2017. Vol. 17, № 1. P. 1—10.

Ye L., Xiao J., Fang Y. Heterogeneous Trajectory Classes of Social Engagement and Sex Differences for Older Adults in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, № 22. P. 1—15.

Yuying Z., Jing C. Gender Differences in the Score and Influencing Factors of Social Participation among Chinese Elderly // *Journal of Women and Aging*. 2021. Vol. 34, № 4. P. 537—550.

References

Ang, S. (2018) Social participation and mortality among older adults in Singapore: does ethnicity explain gender differences?, *Journals of Gerontology: Series B*, vol. 73., iss. 8, pp. 1470—1479.

Bukov, A., Maas, I., Lampert, T. (2002) Social participation in very old age: cross-sectional and longitudinal findings from BASE, *Journals of Gerontology: Series B*, vol. 57. no. 6, pp. 510—517.

Grigorieva, I. A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: «vniz po lestnitse» vozrasta i gendera [Elderly women: «over the hill» age- and gender-wise], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—18.

Katagiri, K., Kim, J. H. (2012) Factors determining the social participation of older adults: A comparison between Japan and Korea using EASS, *PLoS One*, vol. 13, no. 4.

Kienko, T. S. (2023) Sotsial'noe uchastie liudei starshego vozrasta: podkhody k analizu i instrumenty otsenki [Social participation of older people: approaches to analysis and assessment tools], *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 22, no. 2, pp. 225—260.

Kolpina, L. V. (2018) Grazhdanskaia aktivnost' naseleniia starshego pokoleniia na mestnom urovne [Civic activity of the older generation at the local level], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 4, pp. 293—308.

Lam, J., Bolano, D. (2019) Social and productive activities and health among partnered older adults: a couple-level analysis, *Social Science and Medicine*, no. 229, pp. 126—133.

Levasseur, M., Lussier-Therrien, M., Biron, M. L., Raymond, É., Castonguay, J., Naud, D., Fortier, M., Sévigny, A., Houde, S., Tremblay, L. (2022) Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition, *Age and Ageing*, vol. 51, no. 2, pp. 1—13.

Levasseur, M., Richard, L., Gauvin, L., Raymond, E. (2010) Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: proposed taxonomy of social activities, *Social Science and Medicine*, vol. 71, no. 12, pp. 2141—2149.

Marsh, C., Agius, P. A., Jayakody, G., Shajehan, R., Abeywickrema, C., Durrant, K., Luchters, S., Holmes, W. (2018) Factors associated with social participation amongst elders in rural Sri Lanka: a cross-sectional mixed methods analysis, *BMC Public Health*, vol. 18, iss. 1. Article Number 636, pp. 1—14.

Naud, D., Généreux, M., Alauzet, A., Bruneau, J. F., Cohen, A., Levasseur, M. (2021) Social participation and barriers to community activities among middle-aged and older Canadians: Differences and similarities according to gender and age, *Geriatrics and Gerontology International*, vol. 21, no. 1, pp. 77—84.

Ong, C. H., Pham, B. L., Levasseur, M., Tan, G. R., Seah, B. (2024) Sex and gender differences in social participation among community-dwelling older adults: a systematic review, *Frontiers in Public Health*, vol. 12, no. 12. Article 1335692, pp. 1—18.

Park, N. S., Jang, Y. R., Lee, B. S., Haley, W. E., Chiriboga, D. A. (2013) The mediating role of loneliness in the relation between social engagement and depressive symptoms among older Korean Americans: do men and women differ?, *Journals of Gerontology: Series B*, vol. 68, no. 2, pp. 193—201.

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S. (2024) Urovni sotsial'nogo uchastia grazhdan «serebriannogo» vozrasta i faktory ego aktivizatsii v rossiiskom regione (po materialam issledovaniia v Sverdlovskoi oblasti) [Levels of social participation of citizens of «silver» age and factors of its activation in the Russian region (based on research materials in the Sverdlovsk region)], *Regionologiya*, vol. 32, no. 3, pp. 584—601.

Poltavskaya, M. B. (2018) Social'naya aktivnost' grazhdan «tret'ego vozrasta»: gendernyi aspekt (na primere g. Volgograda) [Social activity of citizens of the «third age»: gender aspect (on the example of Volgograd)], *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 2, pp. 48—64.

Rozerova, J., Keating, N., Eales, J. (2012) Unequal social engagement for older adults: constraints on choice, *Canadian Journal of Aging*, vol. 31, no. 1, pp. 25—36.

Siette, J., Berry, H., Jorgensen, M., Brett, L., Georgiou, A., McClean, T., Westbrook, J. (2021) Social participation among older adults receiving community care services, *Journal of Applied Gerontology*, vol. 40, no. 9, pp. 997—1007.

Tomioka, K., Kurumatani, N., Hosoi, H. (2017) Age and gender differences in the association between social participation and instrumental activities of daily living among community-dwelling elderly, *BMC Geriatr*, vol. 17, no. 1, pp. 1—10.

Vidyasova, L. A., Grigorieva, I. A. (2023) Predmetnoe pole issledovaniia aktivnogo/otlozhennogo starenia: rezul'taty naukometricheskogo analiza i kartirovaniia [The subject field of active/delayed aging research: the results of scientometric analysis and mapping], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, vol. 16, no. 1, pp. 4—26.

Ye, L., Xiao, J., Fang, Y. (2020) Heterogeneous trajectory classes of social engagement and sex differences for older adults in China, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 22, pp. 1—15.

Yuying, Z., Jing, C. (2021) Gender differences in the score and influencing factors of social participation among Chinese elderly, *Journal of Women and Aging*, vol. 34, no. 4, pp. 537—550.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 16.11.2025.

The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 16.11.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Астоянц Маргарита Сергеевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, mastoyanc@sfedu.ru (Dr.Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Киенко Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, tskienko@sfedu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 88—102.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 88—102.

Научная статья

УДК 316.356.2:343.3/7

EDN: <https://elibrary.ru/sfnhxr>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.6

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Валентина Григорьевна Ушакова¹, Сергей Дмитриевич Савин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, walespb@mail.ru

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. В последние годы в общественном дискурсе обострилась проблема домашнего насилия в российском обществе. Эта проблема стала особенно заметна на фоне целей государственной политики по укреплению института семьи и приоритета семейных духовно-нравственных ценностей. Целью данной публикации является анализ социальных факторов, влияющих на общественное мнение жителей Российской Федерации о домашнем насилии. Статья содержит новейшие материалы авторского социологического исследования, проведенного методом телефонного стандартизированного интервью. Выборка составила 1600 человек из 8 федеральных округов нашей страны.

Полученные результаты убедительно показывают, что травмирующий опыт испытанного насилия в детстве сказывается не только на личностном развитии, но и на будущих семейных отношениях. Нынешние социальные проблемы семьи имеют и прошлое в виде факторов насилия, и будущее в виде негативных тенденций. Анализ данных проведенных всероссийских социологических опросов показывает, что домашнее насилие остается острой проблемой в российском обществе. В общественном мнении оно воспринимается как серьезное преступление, а полученные косвенные данные утверждают о том, что реальный его уровень выше данных официальной статистики. В статье обосновывается необходимость внедрения социологического мониторинга проблемы домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, социологический мониторинг, семейные отношения, преступления в отношении члена семьи

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>.

Для цитирования: Ушакова В. Г., Савин С. Д. Домашнее насилие в общественном мнении жителей современной России // *Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 88—102.*

Original article

DOMESTIC VIOLENCE IN THE PUBLIC OPINION OF MODERN RUSSIAN CITIZENS

*Valentina G. Ushakova¹, Sergey D. Savin²*¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, walespb@mail.ru² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Abstract. In recent years, the issue of domestic violence in Russian society has become increasingly prominent in public discourse. This problem has become particularly noticeable against the backdrop of government policy goals to strengthen the institution of the family and prioritize family spiritual and moral values.

The purpose of this article is to analyze the social factors that influence public opinion in the Russian Federation regarding domestic violence. The article contains the latest materials from the author's sociological research, conducted using the standardized telephone interview method. The general population for this study was the adult population (aged 18 and older) of the Russian Federation. The parameters of the standard sample for the all-Russian public opinion poll were gender, age, and place of residence of the respondents. The sample consisted of 1,600 people. The sample coverage by region was carried out in terms of federal districts: Central — 439 people; North-West — 156 people; Far Eastern — 86 people; Siberian — 184 people; Volga — 318 people; North Caucasus — 102 people; Southern — 182 people; Ural — 133 people. The age parameters of the sample were further combined into three categories for analysis: young people (18-35 years old), middle-aged people (36-55 years old), and older age groups (over 56 years old). Data from international sociological studies, not only in Russia but also worldwide, show that generational differences in public opinion are becoming increasingly important. In addition, for a topic such as domestic violence, the socio-demographic parameters of gender and age of respondents reveal the most significant differences in responses, as the article analyzes family relationships.

The results obtained convincingly show that the traumatic experience of childhood abuse affects not only personal development, but also future family relationships. Current social problems in families have both a past in the form of factors of violence and a future in the form of negative trends. An analysis of data from nationwide sociological surveys leads to the conclusion that domestic violence remains an acute problem in Russian society. Public opinion perceives it as a serious crime, and indirect data indicate that the actual level of domestic violence is higher than official statistics suggest. The article argues for the need to introduce sociological monitoring of the problem of domestic violence.

Key words: domestic violence, sociological monitoring, family relations, crimes against family members

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>.

For citation: Ushakova, V. G., Savin, S. D. (2026) Domashnee nasilie v obshchestvennom mnenii zhitelei sovremennoï Rossii [Domestic violence in the public opinion of modern Russian citizens], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 88—102.

Введение

Насилие, понимаемое как «применение силы либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью

запугивания и принуждения к определенным действиям», [Социологический энциклопедический словарь, 1998: 194], возникнув в обществе на самом раннем этапе его развития, сопровождало человечество на протяжении всей его истории. Насилие было одним из способов реализации интересов людей в межличностных и межгрупповых отношениях и выступало в качестве эффективного средства к повиновению одних перед другими, приобретения имущества, власти, новых территорий и т. д. С развитием общества менялись и формы насилия [Красиков, 2010], оно от прямого физического насилия и принуждения все больше переходило в форму дисциплинарной власти скрытого институционального контроля за поведением людей [Фуко, 1999]. Но вместе с тем происходила гуманизация общественных отношений с появлением и развитием демократии, реализации принципов защиты прав и свобод человека. Насилие не исчезло, но делегитимировалось, стало в современном обществе не просто морально осуждаемым, но и неприемлемым в практике любых социальных отношений. Сформировались движения за защиту прав человека, в том числе и женское движение, внесшее значительный вклад в развитие современного общества на принципах социальной справедливости и равноправия.

В связи с фундаментальным значением проблемы насилия для исследования социальных конфликтов и их урегулирования, а также правоприменения в сфере уголовного права, оно всегда выступало приоритетным объектом научных исследований в социальных и гуманитарных науках. Но если насилие в социальной сфере (войны, революции, терроризм) широко обсуждалось, изучалось и описывалось, то тема насилия в приватной сфере (домашнее, семейное) на протяжении веков была табуирована не только для общественных дебатов, но и для научного познания. И только в последние десятилетия научные исследования прорывают завесу латентности домашнего насилия с целью показать распространенность и социальную опасность этого явления. Стало очевидным, что домашнее насилие — это не только отдельные случаи супружеского насилия или наказания детей, случайные конфликты, но комплексное и систематическое явление, оказывающее деструктивное воздействие на всех членов семьи, на их здоровье и психологическое состояние в течение всей жизни.

Подтверждением служат, в частности, публикации научного журнала «Женщина в российском обществе», затрагивающие широкий круг проблем, как российского, так и международного уровня [Забелина, 2008; Сиражудинова, 2017; Ростовская и др., 2018; Ростовская, Безвербная, 2020; Казун, 2022; Воронина и др., 2024]. В них не только ставился вопрос об отдельном направлении исследований домашнего насилия, но и подчеркивалась необходимость разработки государственной политики по решению этой проблемы, изменения законодательства и практики противодействия домашнему насилию, новых мер по защите женщин и детей в семье. Авторы обращали внимание на необходимость формирования партнерских отношений государства и гражданского общества в целях эффективной реализации данной политики, преодоления барьеров латентности и бюрократических препон.

Результаты этих исследований и учет домашнего насилия в статистике преступлений показывают, что масштаб явления не просто большой, а системный. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), примерно каждая третья женщина в мире пострадала от агрессивных действий со стороны партнера,

подвергалась домашнему насилию¹. Последние данные ООН о домашнем насилии (168 стран за 2000—2023 гг.) называют цифру в 840 миллионов женщин, столкнувшихся с насилием со стороны партнера или сексуальным насилием². Общие показатели распространенности этого явления остаются устойчивыми на протяжении последних 20 лет. Это подталкивает международное сообщество развивать повестку программы Пекинской декларации гендерного равноправия с целью искоренения всех форм насилия в отношении женщин и девочек [Воронина, 2025]³.

Домашнее насилие в России

Проблема домашнего насилия остро стоит и в российском обществе. Для того, чтобы оценить глубину проблемы следует посмотреть на нее с двух сторон — официальных данных МВД и результатов социологических исследований. В связи с латентностью домашнего насилия и частого возврата заявлений потерпевшими, реальное количество случаев домашнего насилия поддается только примерной оценке, которая значительно выше официальной [Саламова, 2018: 132]. Но речь здесь, конечно, не идет о тяжких составах преступлений, о которых информация не может быть латентной. Данные статистической отчетности МВД представлены нами за период 2017—2024 гг., поскольку он отражает действие современного правоприменения, связанного с изменениями административного и уголовного законодательства⁴.

Следует отметить тот позитивный факт, что динамика преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, демонстрирует в российском обществе устойчивое снижение. В 2024 году был зафиксирован минимальный уровень преступлений в этой области за указанный период (снижение на 20,9%: с 34 029 в 2017 г. до 26 910 преступлений в 2024 г.). Стоит также отметить, что еще больше снижалось количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями, в которых имелись потерпевшие (на 32,5 % в целом, на 21,8% в отношении члена семьи) [Домашнее насилие в России..., 2026: 10—11]. На диаграмме (рис. 1) можно увидеть, что указанная динамика снижения носила практически ежегодный характер с некоторым ускорением в 2024 году. При этом соотношение домашнего насилия к общему количеству насильственных преступлений с потерпевшими сохранялось примерно на одном уровне — было зафиксировано небольшое увеличение соотношения в сторону насильственных действий в отношении члена семьи на 2,1 пункта (с 13,2 % в 2017 г. до 15,3 % в 2024 г.) [там же: 11].

¹ Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию // Всемирная организация здравоохранения. 2021. 9 марта. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence> (дата обращения: 20.11.2025).

² 840 миллионов женщин сталкивались с насилием со стороны партнеров или сексуальным насилием // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. 2025. 19 ноября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466866> (дата обращения: 22.11.2025).

³ Review and appraisal of the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the outcomes of the twenty-third special session of the General Assembly: report of the Secretary-General / Commission on the Status of Women Sixty-Ninth Session // United Nations Digital Library System. 2025. 10—21 March. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3850087?v=pdf> (дата обращения: 21.11.2025).

⁴ Федеральным законом № 323-ФЗ от 03 июля 2016 г. были введены составы правонарушений, предусмотренные ст. 6.1.1. КоАП РФ («Побой») и ст. 116.1. УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»).

Рис. 1. Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями, по которым имеются потерпевшие, в Российской Федерации за 2017 — 2024 годы

Закономерно с вышеприведенными данными на протяжении исследуемого периода снижалась и динамика количества всех преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщин (на 31,4 % — с 113 794 преступлений в 2017 г. до 78 095 в 2024 г.) и женщин-членов семьи (на 24,5 % — с 24 981 преступления в 2017 г. до 18 854 в 2024 г.). На рис. 2 мы можем видеть долю домашнего насилия в отношении женщин по сравнению с общим количеством насильственных преступлений в отношении женщин [там же].

Рис. 2. Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщин в Российской Федерации за 2017 — 2025 годы

Приведем данные МВД о преступлениях домашнего (семейного) насилия в отношении детей. В противоположность предыдущим рассматриваемым показателям, они выглядят не так оптимистично. Напротив, количество насильственных преступлений, совершённых в отношении несовершеннолетних членов семьи, так же, как и количество всех преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних, в динамике за последние восемь лет характеризуются тенденцией преимущественного роста (рис. 3). Заметное снижение этой динамики наблюдается только в 2024 году. С 2017 года количество зарегистрированных преступлений в отношении детей в семье выросло более чем в два раза — с 4425 до 9740 преступлений в 2024 г. Общее количество насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних с 2017 по 2024 гг. в целом выросло на 9,2 %, в отношении несовершеннолетних членов семьи увеличилось на 120,1 % [там же: 15]. И это ситуация

крайне тревожная, поскольку закладывает конфликтный фон семейных отношений на долгие годы.

Рис. 3. Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации за 2017 — 2024 годы

На основе представленной статистики можно сделать следующие выводы. Четверть всех насильственных преступлений в отношении женщин составляют преступления со стороны члена семьи, т.е. домашнее насилие (от 22,0 до 25,1 % за рассматриваемый период 2017—2024 гг.). И хотя общее количество таких расследованных преступлений устойчиво снижается в последние годы, но качественного изменения ситуации не происходит. Во-первых, международные данные преступности в области домашнего насилия не фиксируют значительной позитивной динамики. А общее замедление мировой экономики может приводить к росту социальной напряженности, в том числе и в отдельных секторах российского общества. Во-вторых, в российской практике имеется дополнительное расхождение между статистикой зарегистрированных преступлений и расследованных преступлений, совершенных на бытовой почве. Это может означать изъятия в профилактической работе правоохранительных органов и недостаток в статистике реальных случаев насильственных действий, подпадающих под эту статью [Репецкая и др., 2019]. В-третьих, наблюдается негативная тенденция роста насильственных преступлений в семье в отношении детей.

Представленные данные официальной статистики также убедительно опровергают устоявшееся мнение о том, что семейное насилие — это насилие, по большей части, «супружеское». По статистике насильственные преступления в отношении женщины-супруги составляют менее половины случаев в общем количестве преступлений [Щепельков, 2022]. Другие насильственные действия могут носить латентный характер. И об этом можно получить только косвенные сведения при помощи данных социологических и психологических исследований, а также статистики обращений в кризисные центры и психологические службы.

В материалах исследований, проводимых специалистами Санкт-Петербургского государственного университета в период с 2019 года по настоящее время, дается анализ данных из всех указанных источников, в том числе экспертно-аналитического исследования, проведенного в рамках реализации контракта с Государственной думой РФ по теме «Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в России и за рубежом: законодательное регулирование и практика правоприменения».

Его результаты отражены в Итоговом аналитическом отчете и были представлены на парламентских слушаниях в Государственной думе РФ 21 октября 2019 года. На основании аналитической работы сделан вывод о необходимости системного мониторинга состояния домашнего насилия с включением на регулярной основе опросов населения, выявляющих остроту проблемы.

Перейдем к обоснованию методологической части такого мониторинга и к сравнительным результатам первых пробных опросов, проведенных по единой методике. С общими результатами этих и других исследований можно ознакомиться на интернет-ресурсе Центра по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ⁵.

Методология исследования

В данной статье представлены сравнительные результаты двух опросов общественного мнения по проблеме домашнего насилия. Эмпирические данные получены Центром прикладных социологических исследований СПбГУ. Опрос жителей Российской Федерации проведен методом телефонного интервью. Генеральной совокупностью являлось взрослое (18 лет и старше) население Российской Федерации. Метод опроса — личное стандартизированное интервью. Опросы выполнены в системе CATI с применением методики многоуровневой стратифицированной выборки с контролируемыми параметрами. Размер случайной ошибки выборки не превышает $\Delta=2,6\%$. Охват выборки по регионам осуществлялся в разрезе федеральных округов. Первый опрос был проведен в период с 02.09.2019 по 21.09.2019 г. Выборка составила 1665 человек. Второй опрос прошел в период с 06.03.2024 по 30.03.2024 г. Выборка составила 1600 человек. Охват выборки по федеральным округам: Центральный — 439 чел.; Северо-Западный — 156 чел.; Дальневосточный — 86 чел.; Сибирский — 184 чел.; Приволжский — 318 чел.; Северо-Кавказский — 102; Южный — 182 чел.; Уральский — 133 чел. Параметры выборки по возрасту дополнительно объединены в три категории анализа: молодежь (18—35 лет), люди среднего возраста (36—55 лет), старшие возрастные группы (более 56 лет). Социодемографические параметры пола и возраста респондентов выявляют наиболее значительные расхождения в ответах, поскольку речь идет о семейных отношениях.

Методика опросов одинаковая. Период в 5 лет позволяет получить данные динамики отношения к проблеме домашнего насилия и может быть рекомендован для методики проведения мониторинговых исследований.

Реперными точками указанных исследований общественного мнения являлись: 1) оценка домашнего насилия как проблемы, уровня распространенности и опасности домашнего насилия; 2) выделение параметров, факторов и видов домашнего насилия; 3) уровень виктимизации от домашнего насилия; 4) столкновение с домашним насилием в близком социальном окружении; 5) оценка действенности мер правового наказания за насилие в семье; 6) наличие прошлого опыта в детском возрасте пострадавших от домашнего насилия; 7) использование физических наказаний детей в настоящем и прошлом.

⁵ Центр по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/centro-izucheniyu-problem-domashnego-nasiliya-spbgu> (дата обращения: 21.11.2025).

В связи с тем, что тема насилия в семье является сенситивной для респондентов, были заданы не только прямые, но и косвенные вопросы о столкновении со случаями домашнего насилия. Выявлены травмы памяти о пережитом насилии в прошлом и их влияние на семейную жизнь в настоящем, включая методы воспитания детей. Выделенные в исследовании показатели позволили оценить связь субъективного восприятия проблемы с данными о личном и опосредованном опыте домашнего насилия. Таким образом, можно дать косвенную оценку распространенности домашнего насилия в обществе, выявляя, как часто наблюдают его люди в своем ближайшем окружении.

В отличие от динамики статистики преступлений, общественное мнение по вопросам семейных отношений и проблеме насилия носит устойчивый характер в том случае, если не происходит шумных информационных событий, так называемого «разогрева повестки». Поэтому при проведении исследований рекомендуется учитывать информационный фон, а в самих опросах задавать вопросы о том, насколько часто респонденты слышат о проблеме в СМИ и социальных сетях. Кроме проведения массовых опросов исследование включало социологический мониторинг социальных сетей и электронных СМИ. В данной статье их результаты частично отражены в обобщенных выводах.

Результаты исследования

Первое, что следует отметить, большинство опрошенных (60,9 %) считает, что домашнее насилие — это серьезная социальная проблема для российского общества, которая требует особого системного внимания со стороны управляющих субъектов. В то же время за последние годы острота ее восприятия несколько снизилась. Если в 2019 г. однозначно острой проблемой домашнее насилие называли 35,1 % респондентов (больше трети опрошенных), то в 2024 г. только 25,1 % (табл. 1). По социально-демографическим параметрам опрошенных в большей степени остроту проблемы подчеркивают женщины (30,9 % — острая, 40,8 % — скорее острая), а также молодежь в возрасте до 25 лет (37,4 % — острая, 36,2 % — скорее острая). Наиболее остро воспринимают эту проблему люди, занимающиеся домашним хозяйством как основной деятельностью — 77,8 % (из них 36,7 % как однозначно острую), которые в абсолютном большинстве тоже женщины.

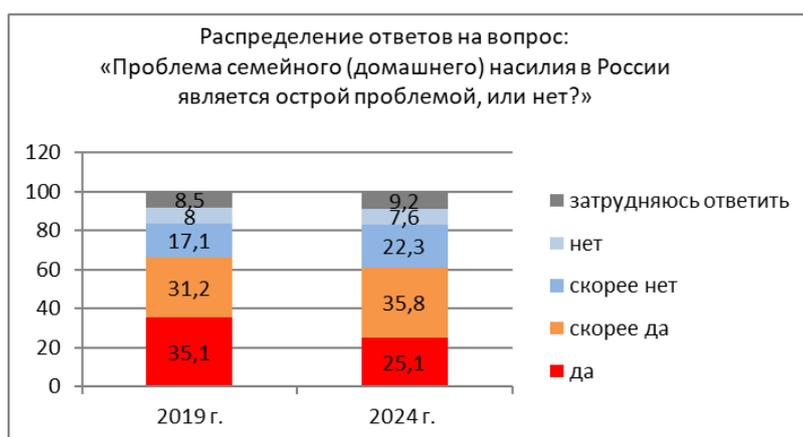

Рис. 4. Острота восприятия проблемы домашнего насилия, %

Одним из факторов снижения оценок домашнего насилия как острой проблемы стало некоторое изменение информационной повестки. Информационное освещение случаев домашнего насилия, как правило, вызывает общественный резонанс и широкое обсуждение в публичном пространстве. В исследовании 2019 г. фиксировались значительные всплески сетевой публикационной активности, что создавало общий фон повышенного интереса к проблеме и роста сообщений в СМИ. Однако в последние годы информационный накал в этой сфере снизился. Вследствие начала специальной военной операции на Украине и усиления консервативного тренда в пропаганде национальных ценностей тематика домашнего насилия ушла с «первых полос» информационной повестки государственных российских СМИ и новостных агрегаторов. Тем не менее информация о домашнем насилии в целом широко представлена. По данным проведенных нами всероссийских социологических опросов в 2019 и 2024 гг. увеличилась доля тех, кто «слышит о домашнем насилии время от времени» — 32,9 % (2024 г.), 25,8 % (2019 г.). Доля тех, кто получает информацию о данной проблеме часто, напротив, сократилась с 31,3 % (2019 г.) до 21,4 % (2024 г.). Чаще встречается информация по теме домашнего насилия молодежь (25,7 %), что во многом связано с активным использованием социальных сетей.

Таблица 2

Характеристика домашнего насилия, %

Как Вы понимаете, домашнее насилие — это:	2019 г.	2024 г.
Вид опасного преступления	58,6	63,2
Обычные семейные ссоры	17,4	14,9
Традиционное семейное воспитание	8,3	5,6
Другое	4,4	9,8
Затрудняюсь ответить	11,3	6,6

Большинство россиян воспринимает домашнее насилие как вид опасного преступления (табл. 2). При этом данный показатель даже увеличился за последние 5 лет на 4,6 %, что можно связать с постепенной сменой поколений. Имеется четкая зависимость восприятия домашнего насилия от возраста респондентов. Чем моложе человек, тем более он склонен воспринимать угрозу домашнего насилия как преступление. Так, среди молодежи 18—35 лет — 72,3 % молодых людей относят домашнее насилие к категории опасного преступления; среди респондентов среднего возраста 36—55 лет — 61 %; а в категории лиц старше 56 лет — 57,5 %. Еще одна зависимая переменная — пол респондента. Относятся к домашнему насилию как преступлению больше женщины — 73,5 %. Имеется также корреляция с уровнем образования. Людей с высшим образованием, отметивших, что это вид преступления, 71,4 %, в то время как с начальным профессиональным — 42,7 %. Можно также отметить, что в целом в связи с широким освещением случаев жестоких преступлений в сфере семейных отношений все больше людей воспринимают домашнее насилие как вид опасного преступления. Кто чаще слышит о проблеме в СМИ, тот чаще воспринимает домашнее насилие как преступление. Таким образом обнаруживается следующая связь переменных с предыдущим вопросом для тех, кто считает преступлением: часто слышу о проблеме домашнего насилия в СМИ — 73,7 %; время от времени —

68,5 %; редко — 56,3 %; практически никогда — 53,6 %. Большой разрыв в восприятии домашнего насилия как преступления и по переменной пола: женщины — 73,5 %; мужчины — 51,2 %.

Вызывает интерес, что характеристики, подпадающие под категорию определения семейного насилия, понимаются россиянами достаточно широко. Как показал опрос, не только физическое (95,5 %) и сексуальное насилие (88 %), но и психологическое (87 %) а также экономическое (61,3 %) большинство граждан признают видами домашнего насилия. Такая расширительная трактовка позволяет найти больше обоснований как для профилактики домашнего насилия как систематического явления, так и для обращения в кризисные центры и службы психологической помощи. Рост психологической тревожности в современном обществе в целом становится достаточно заметным явлением, что отражается в массовом сознании. При этом, надо заметить, что в ответах женщин и молодежи эти показатели еще выше примерно на 1,5 — 2 п.п. Заметно ниже среди всех категорий опрошенных стоит экономическое насилие, под которым подразумевается принуждение к труду в домашних условиях или зависимость одного члена семьи от другого путем манипуляции с финансами и ресурсами, установления контроля и подчинения. Но все же большинство респондентов относит и эту форму давления к домашнему насилию. В современных условиях возрастающего социального неравенства случаев экономического насилия, в том числе и в семье, становится больше.

Популярность информации о психологических аспектах и видах насилия могла повлиять и на увеличение количества людей, идентифицирующих действия, совершенные в отношении них, как насилие. Респонденты, признавшие, что в отношении них за последний год было совершено домашнее насилие (3,4 %), по большей части указали именно на психологическое насилие (89,8 % по данным опроса 2024 года, тогда как в 2019 году — 36,6 %). Результаты наших опросов показывают, что распространяется практика обращения за психологической помощью (в 2019 г. — 9 % от числа пострадавших от домашнего насилия, в 2024 г. — 15 %). При этом тенденция роста обращений в кризисные и психологические центры связана с потребностью в этом виде помощи, прежде всего у молодежи (28,6 % обратившихся за помощью опрошенных — пострадавшие в возрасте 18—35 лет).

В 2024 году по сравнению с 2019 годом выросла доля опрошенных, указавших, что к ним в детском возрасте применялось насилие (26,6 % в 2024 году, 15,7 % в 2019 году). Большинство этих людей считают, что оно имело негативные последствия для их жизни — 56,7 %. Следует особенно подчеркнуть, что в большей степени такого мнения придерживаются женщины — 71,2 %.

Косвенные данные о широте распространения домашнего насилия в российском обществе — показатели столкновения с ним в социальной среде — близком окружении респондентов (рис.5). Полученные данные показывают, что по сравнению с 2019 годом в 2024 году на 5 % увеличилось количество респондентов, которые заявили, что были свидетелями домашнего насилия среди соседей, родственников или друзей. Поскольку данный показатель больше статистической погрешности, то это, по меньшей мере, говорит о том, что реальных случаев домашнего насилия меньше не становится или о том, что оно стало восприниматься более расширительно. При этом чаще фиксируют случаи домашнего насилия в близком окружении опрошенные женщины — 48,1 %. Интересная региональная особенность состоит в том, что в

Уральском (51,1%), Сибирском (52,2%) и Дальневосточном (51,2%) округах свидетелей домашнего насилия в своем окружении — более половины опрошенных. Также закономерно наблюдается более высокая конфликтная среда среди граждан с невысокими доходами. Так, свидетелей домашнего насилия с доходами ниже прожиточного минимума на члена семьи — 50,6 %. Стоит отметить еще одну интересную особенность, что чаще заявляли о случаях домашнего насилия в близком окружении люди, которые в данный момент находятся в незарегистрированном браке — 46,5 %.

Вам доводилось быть свидетелем семейного (домашнего) насилия среди ваших соседей или близких?

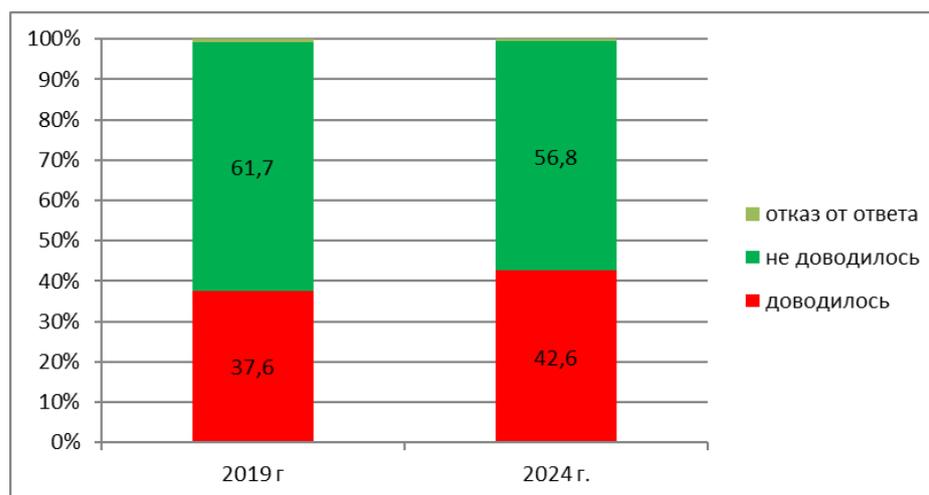

Рис. 5. Насилие в близком социальном окружении, %

Чаще всего респонденты отмечают, что последняя по времени ситуация домашнего насилия имела место у соседей (56 %), затем среди родственников (40 %), и еще реже среди друзей и знакомых (34,6 %). Обращает на себя внимание, что по сравнению с опросом 2019 г. (19,4 %) стало указываться большее число случаев среди родственников. Это может косвенно свидетельствовать и о проблемах в собственной семье. Треть случаев (33,6 %) домашнего насилия в близком окружении, о которых вспомнили респонденты, произошли за последний год. От общего числа опрошенных этот показатель — 14,3 %. То есть, согласно данным опроса, примерно каждый восьмой россиянин становится свидетелем домашнего насилия за год. А с учетом психологических факторов нежелания некоторых людей говорить о таких ситуациях этот показатель может быть еще выше.

Представленное распределение ответов о действиях свидетелей домашнего насилия интересно сравнить с данными опроса 2019 года. Динамика показывает, что отстраненность от ситуации и нежелание участвовать в разрешении конфликтной ситуации немного возросли. Позиции «просто дал совет» (в 2019 г. — 14,4 %) и «ничего не делал, это не мое дело» (в 2019 г. — 18 %) увеличились, соответственно, на 2,1 п.п. и 3 п.п. Только 13 % заявили о случившемся в правоохранительные органы (в 2019 г. — 14,9 %). Тем не менее большинство людей, оказавшихся свидетелями домашнего конфликта, заявляют о своей активности, прежде всего, в попытках вмешаться лично и остановить насилие (39,4 %). Более активную

позицию при столкновении с внешней ситуацией домашнего насилия проявляют женщины (сообщила в правоохранительные органы — 15,2 %; лично вмешалась — 41,8 %). А более пассивную позицию чаще занимают мужчины (просто дал совет — 19 %; ничего не делал, это не мое дело — 25 %). Лично вмешиваются в конфликт чаще представители старших возрастных групп (56 лет и старше — 43,1 %).

Таблица 3

Действия лиц, ставших свидетелями домашнего насилия, %

Как Вы повели себя в этой последней по времени ситуации (для тех, кто ответил «да»)?	2019 г.	2024 г.
Сообщил в правоохранительные органы	14,8	13,0
Лично вмешался, постарался изменить ситуацию	46,1	39,4
Просто дал совет	14,4	16,0
Другое	5,7	8,8
Ничего не делал, это не мое дело	18	21,0
Затрудняюсь ответить	1	1,8

Представленное распределение ответов (табл. 3) о действиях свидетелей домашнего насилия показывает, что отстраненность от ситуации и нежелание участвовать в разрешении конфликтной ситуации немного возросли. Позиции «просто дал совет» (в 2019 г. — 14,4 %) и «ничего не делал, это не мое дело» (в 2019 г. — 18 %) увеличились, соответственно, на 2,1 п.п. и 3 п.п. Только 13% заявили о случившемся в правоохранительные органы (в 2019 г. — 14,9 %). Тем не менее большинство людей заявляют о своей активности, прежде всего, в попытках вмешаться лично и остановить насилие (39,4 %).

Таким образом, исходя из данных проведенных опросов, можно выявить не просто общее отношение населения к проблеме домашнего насилия, но дать оценку его действительного распространения, определить характер восприятия ситуации насилия и барьеров, мешающих мерам по противодействию ему.

Выводы

Домашнее насилие как социальная проблема имеет большое количество аспектов. Каждый из них требует отдельного подхода к изучению: правового, социально-психологического, социокультурного, гендерного, конфликтологического и др. Поэтому нельзя сводить распространенность домашнего насилия только к исторически обусловленным ценностным особенностям культуры, традиционным отношениям, недостаткам гендерной социализации или проблемам правового регулирования. Опыт ограничительных мер в период пандемии во всем мире зафиксировал рост показателей домашнего насилия [Kourti et al., 2021].

Острота восприятия социальных проблем в современном обществе напрямую зависит от их информационного освещения. Поэтому борьба за информационную повестку становится ключевой задачей различных общественных сил, которые стремятся представить и утвердить свою позицию в публичном пространстве. Это касается и такой, казалось бы, нейтральной для политики темы как домашнее насилие,

традиционно рассматриваемой больше в криминально-правовой и психолого-педагогической плоскости. Однако динамика института семьи и семейных отношений в период современных общественных трансформаций переводит проблему домашнего насилия в ранг базовых ценностных вопросов семьи и брака [Ларина, Старостина, 2023]. В условиях хрупкости семейных союзов, роста количества разводов, проблем социализации детей в семье, домашнее насилие становится все более неприемлемой формой отношений. Даже в некриминальных формах, без физического насилия, оно все чаще воспринимается не как правило для усиления семейных скреп, а как опасное девиантное поведение, ведущее к деструкции семьи, к негативным последствиям, прежде всего, для женщин и детей. Поэтому общественная борьба с домашним насилием направлена не на разрушение семьи, а на ее укрепление через выстраивание взаимоуважительных и психологически бережных отношений в ней.

В наши задачи входил общий анализ социальных факторов, влияющих на общественное мнение о домашнем насилии в российском обществе. В целом анализ данных показывает, что домашнее насилие остается острой проблемой. В общественном мнении оно воспринимается как серьезное преступление, а косвенные данные опроса говорят о том, что реальный его уровень выше данных официальной статистики. Из значимых итогов опроса мы можем выделить некоторое снижение остроты восприятия проблемы домашнего насилия в России, связанное со сменой информационной повестки. В то же время растет неприятие в общественном сознании различных форм домашнего насилия, снижается толерантность к его проявлениям. Об этом свидетельствуют и другие мониторинговые исследования в России⁶, что актуализирует проблему социологического сопровождения анализируемой темы. Опрос показал, что затруднение вызывает не отсутствие информации, а возможности ее применения на практике, в сложной ситуации семейного конфликта. Соответственно, при профилактической работе в области домашнего насилия необходимо делать акцент именно на практические навыки действий, которые позволят сохранить жизнь и здоровье всех членов семьи.

Список источников

Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородатая М. Н., Волченкова Е. В., Ершова Н. Н. Супружеское насилие в отношении женщин глазами пользователей российского Интернета // *Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 89—107.*

Воронина О. А. Гендерная повестка в общецивилизационном развитии: Пекин+30 // *Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 3—20.*

Домашнее насилие в России: состояние и правовое противодействие: монография / под ред. В. Ф. Щепелькова. Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2026. 246 с.

Забелина Т. Ю. Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или «личное дело»? // *Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 77-85*

Казун А. П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // *Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72—86.*

Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе: очерки. М.: Водолей, 2010. 198 с.

⁶ ВЦИОМ: большинство опрошенных россиян стали менее терпимы к домашнему насилию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8061909> (дата обращения: 25.09.2025).

Ларина Т. И., Старостина А. А. Социокультурные особенности проблемы домашнего насилия в России // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 6. С. 33—39.

Репецкая А. Л., Габеев С. В., Изаксон Р. А. Уголовно-правовая характеристика домашнего насилия и проблемы его профилактики органами внутренних дел на современном этапе. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 72 с.

Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 78—88.

Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // *Женщина в российском обществе* 2020. № 2. С. 89—98.

Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // *Lex Russica (Русский Закон)*. 2018. № 9. С. 129—138.

Сиражудинова С. В. «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 26—35.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов. М.: ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Щепельков В. Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // *Криминалистика*. 2022. № 2. С. 95—103.

Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsolia M., Sergeantanis T. N., Tsitsika A. Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review // *Trauma, Violence and Abuse*. 2023. Vol. 24, №. 2. P. 719—745. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (accessed 10.07.2025).

References

Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la Prison], transl. from French by V. Naumov in I. Borisova (Ed.), Moscow: Ad Marginem.

Kazun, A. P. (2022) Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovaniĭ [The Impact of the Coronavirus Pandemic on Domestic Violence: A Review of International Research], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 72—86.

Kourti, A., Stavridou, A., Panagouli, E., Psaltopoulou, T., Spiliopoulou, C., Tsolia, M., Sergeantanis, T. N., Tsitsika, A. (2023) Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review, *Trauma, Violence and Abuse*, vol. 24, no. 2, pp. 719—745, available from <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (accessed 10.07.2025).

Krasikov, V. I. (2010) *Nasilie v evoliutsii, istorii i sovremennom obshchestve: ocherki* [Violence in Evolution, History, and Modern Society: Essays]. Moscow: Vodoley.

Larina, T. I., Starostina, A. A. (2023) Sotsiokulturnye osobennosti problemy domashnego nasiliia v Rossii [Sociocultural features of the problem of domestic violence in Russia], *Obshchestvo: sotsiologĭia, psikhologĭia, pedagogika*, no. 6, pp. 33—39.

Repetskaya, A. L., Gabeev, S. V., Izakson, R. A. (2019) Ugolovno-pravovaia kharakteristika domashnego nasiliia i problemy ego profilaktiki organami vnutrennikh del na sovremennom etape [Criminal and legal characteristics of domestic violence and the problems of its prevention by internal affairs bodies at the present stage], *Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD Rossii*, 72 p.

Rostovskaya, T. K., Kaliev, T. B., Zavyalova, N. B., Bezverbny, V. A. (2018) Profilaktika nasiliia kak faktor bezopasnosti sem'i: rossiiskĭi i kazakhstanskĭi opyt [Violence Prevention as a Family Security Factor: Russian and Kazakhstani Experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 78—88.

Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya, N. A. (2020) Nasilie v otnoshenii zhenshchin: mirovye tendentsii [Violence against Women: Global Trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—98.

Salamova, S. Ya. (2018) Domashnee nasilie v sovremennoï Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic violence in modern Russia: General Characteristics], *Lex Russica (Russkii Zakon)*, no. 9 (142), pp. 129—138.

Sirazhudinova, S. V. (2017) «Ja ne mogu skazat'!»: k probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) [«I Can't Say!»: On the Problem of Domestic and Sexual Violence in the Republics of the North Caucasus (Based on a Sociological Study in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.

Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. Na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh (1998) [Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French, and Czech], Moscow: INFRA M — NORMA.

Shchepel'kov V. F. (ed.) (2026) *Domashnee nasilie v Rossii: sostoianie i pravovoe protivodeistvie: monografiia* [Domestic violence in Russia: the state and legal counteraction: a monograph], Saint Petersburg: Tsentr sovremennoï literatury i knigi na Vasil'evskom.

Shchepel'kov, V. F. (2022) Protivodeistvie domashnemu nasiliu v Rossiiskoi Federatsii: sostoianie i perspektivy [Combating domestic violence in the Russian Federation: current state and prospects], *Kriminalist*", no. 2 (39), pp. 95—103.

Voronina, O. A., Mitiagina, E. V., Borodataia, M. N., Volchenkova, E. V., Ershova, N. N. (2024) Supruzheskoe nasilie v otnoshenii zhenshchin glazami pol'zovatelei rossiiskogo Interneta [Domestic violence against women in the eyes of Russian internet users], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—107.

Voronina, O. A. (2025) Gendernaia povestka v obshchetsivilizatsionnom razvitii: Pekin+30 [Gender agenda in global civilization development: Beijing+30], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—20.

Zabelina, T. Iu. (2008) Domashnee nasilie v otnoshenii zhenshchin: gosudarstvennaia problema ili «lichnoe delo»? [Domestic violence against women: a state problem or a «personal matter»?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 77—85.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 25.01.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Ушакова Валентина Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, walespb@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Sociology of Political and Social Processes, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Савин Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, ssd_sav@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 103—115.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 103—115.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN: <https://elibrary.ru/nqnsxn>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.7

**«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА»:
ЖЕНСКИЙ ГЕРБАРИЙ БЕССМЕРТИЯ**

Александр Викторович Марков¹, Оксана Александровна Штайн²

¹Российский государственный гуманитарный университет,

г. Москва, Россия, markovius@gmail.com

²Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье предлагается оригинальный подход к осмыслению места женщин в творчестве и биографиях известных русских писателей и философов (Исаака Бабеля, Михаила Булгакова, Николая Бердяева, Осипа Мандельштама, Дмитрия Мережковского) через ботанические метафоры. Каждая фигура ассоциируется с определенным растением, раскрывающим суть их личности и наследия: Бабель — платан, Булгаков — липа, Бердяев — дуб, Мандельштам — ива, Мережковский — лавр. Этот метод вдохновлен работами Майкла Мардера («Растения философов: интеллектуальный гербарий») и Ольги Кушлиной («Русская литература, прочитанная носом»), где растения и запахи становятся инструментами анализа культуры. Статья показывает, как ботанические образы помогают заново прочитать тексты и судьбы: Антонина Пирожкова (жена Бабеля) сравнивается с антоновкой, Елена Булгакова — с нарциссом, Надежда Мандельштам — с бузиной и т.д. Через эти метафоры раскрываются темы памяти, творческого долга, любви и выживания в эпоху репрессий. Авторы доказывают, что растения — не просто символы, но живые свидетели истории, связывающие литературу, философию и личный опыт.

Ключевые слова: ботаническая метафора, русская литература, философия, память, творчество, репрессии, биография, гербарий

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. «Сохрани мою речь навсегда»: женский гербарий бессмертия // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 103—115.

Original article

**“SAVE MY WORDS FOREVER”:
WOMEN AS A HERBARIUM OF IMMORTALITY**

Alexander V. Markov¹, Oksana A. Shtayn²

¹Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com

²Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The article presents an original approach to interpreting the role of women in the works and biographies of prominent Russian writers and philosophers (Isaac Babel, Mikhail Bulgakov, Nikolai Berdyaev, Osip Mandelstam, Dmitry Merezhkovsky) through botanical metaphors. Each figure is associated with a specific plant that reveals the essence of their personality and legacy: Babel as a plane tree, Bulgakov as a linden, Berdyaev as an oak, Mandelstam as a willow, and Merezhkovsky as a laurel. This method draws inspiration from Michael Marder’s “The Philosopher’s Plant: An Intellectual Herbarium” and Olga Kushlina’s “Russian Literature Read Through the Nose”, where plants and scents serve as tools for cultural analysis. The article demonstrates how botanical imagery offers a fresh perspective on texts and destinies: Antonina Pirozhkova (Babel’s wife) is compared to an Antonovka apple, Elena Bulgakova to a narcissus, Nadezhda Mandelstam to an elderberry etc. Through these metaphors, themes of memory, creative duty, love, and survival in the era of repression are explored. The authors argue that plants are not just symbols but living witnesses of history, connecting literature, philosophy, and personal experience.

Key words: botanical metaphor, Russian literature, philosophy, memory, creativity, repression, biography, herbarium

For citation: Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2026) «Sokhrani moi rech' navsegda»: zhenskii gerbarii bessmertiiia [«Save My Words Forever»: Women as a Herbarium of Immortality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 103—115.

В статье предлагается необычный подход к анализу творчества и личности русских писателей и философов через призму ботанической метафоры. Этот метод восходит к двум прецедентам. Майкл Мардер [Мардер, 2025] исследует связь философской мысли с растительным миром, утверждая, что растения — не просто фон для абстрактных концепций, но активные участники интеллектуальной истории. Он показывает, как метафизические системы могут быть переосмыслены через ботанические аналогии, выявляя скрытые аспекты философских учений. Например, Платон ассоциируется с платаном, Гегель — с виноградом, а Люс Иригарей — с водяной лилией. Ольга Кушлина [Кушлина, 2000] предлагает «ароматическое» прочтение поэтических корпусов, связывая запахи с эпохами и авторами. Ее работа напоминает гербарий, где каждая страница — это не только текст, но и материальный носитель запаха, подобранный с долей иронии и ученой игры (мирра для Псалтири, лаванда для XVIII века, роза для Пушкина, деготь для Некрасова).

Растения в этой статье становятся метафорой судьбы, творчества и личности: Платан Бабеля — символ наготы и бесстыдства, дерево без коры, как писатель, обнажающий правду. Антоновка Пирожковой — яблоня, сочетающая плодородие и кислотную стойкость, как жена, сохранившая наследие мужа. Липа Михаила Булгакова — дерево городское, гибкое, но оставляющее след (как сургуч от печати). Нарцисс

Елены Булгаковой — цветок, соединяющий яд и красоту, как ее двойственная роль: муза и хранительница рукописей. Дуб Бердяева и смородина Лидии Бердяевой — мощь философа и сочная, но дисциплинированная ягода его спутницы. Ива Манделштама и бузина Надежды Манделштам — гибкость поэта и ядовито-целебная стойкость вдовы. Лавр Мережковского и водяная лилия Гиппиус — вечнозеленый лавр мужчины-мыслителя и цветок без стебля, живущий в симбиозе.

Зачем нужен такой подход? Прежде всего, для понимания женского вклада в литературный процесс и социальные дискуссии необходима тактильность метафоры. Растения делают абстрактные идеи осязаемыми. Читатель не просто узнает о Булгакове, но чувствует его через хрупкость липы и дурманящий аромат нарцисса. Вместо сухого перечисления фактов биографии или литературных приемов — живая образность, которая и раскрывает механизмы культурной памяти как интенциональные, направленные на сохранение самого дорогого для писателей и мыслителей, а не просто того, что оценивается как наследие. Как у Мардера философы «прорастают» в своих идеях, так и здесь писатели укоренены в своей эпохе, но их влияние ветвится в будущее. Как у Кушлиной запахи хранят эпохи, так и здесь растения становятся консервантами памяти — о Бабеле, Булгакове, Манделштаме.

Этот текст — филологический гербарий, где каждый писатель — засушенный цветок, сохранивший аромат своей эпохи. Мардер призывает вернуться к природным корням мысли поверх условностей цивилизации, Кушлина пытается уловить запах времени. Но во всех случаях наследие — это не предмет социальных манипуляций, но сердцевина опыта, которая требует не только условного зрения, но и других чувств для понимания. Тогда будет понятна социальная функция женщин как хранителей наследия, которая иначе оказывается только набором частных решений и ситуаций контроля, обоснования или убеждения. Растения становятся ключом к пониманию не только творчества, но и судьбы.

Бабель был бесстыдница. Платан — дерево Одессы (бесстыдница) без коры, кожи и кожуры, как тело улитки без панциря. Природно нагое, но не обнаженное, соли морского ветра подставляющее лицо и руки, собирающее подростково неказистые веснушки, старческие пигментные пятна и просто взрослые бородавки. Платаны приземистые и щетинистые, о возрасте забывшие за перебором прибрежных коллекций и потому разучившиеся стыдиться. Это Бабель.

Антоновка. Русское имя Антонина от лат. *Antoninus* — букв. «принадлежащий Антонию» или от греч. ἄνθος — цветок. Цветущая яблоня давно стала символом победы и семейной радости. Яблоня укрывает, кормит и, конечно, воодушевляет своей кроной, запахом, закружив и закутав в майском снеге лепестков.

Антонина Николаевна Пирожкова всю жизнь принадлежала своему Антонию — Исааку Бабелю. Родом из Томской губернии, она, как и растущие там саженцы «антоновки обыкновенной», была высокоплодородной и работоспособной; подходила для зоны рискованного земледелия; проектируя метро, была терпима к неустойчивым холодным зимам и знойным летним дням. Даже после нормированного цифрой рабочего дня, 26 часов из 24 в сутках, в статусе «жена врага народа», она сохраняла яркий бодрящий сочный вкус с избытком кислоты; и цвет, переходящий от онтологически устойчивого зеленого лета к спокойно-соломенному по осени.

Она была яблоней небесной красоты и высокого интеллекта. После окончания Томского технологического института им. Ф.Э. Дзержинского работала в Конструкторском бюро Кузнецкстроя, а переехав в столицу в 1934 году, поступила на службу в Метропроект. Это действительно можно было назвать службой, стражей, изо всех сил, — потому что работать в военном режиме наравне с мужчинами было тяжело.

Молодая-красивая-высокая-статная женщина — как и лучшие яблоки антоновки, с сочной мякотью средней плотности, невероятно душистой и слегка кисловатой. Эти яблоки при всей простоте и неприхотливости обладают элегантным вкусом, знакомым только высоким гурманам, которых ты можешь и не встретить за всю свою жизнь.

Антонина Николаевна была инженером-конструктором и проектировщиком самых известных станций Московского метрополитена: «Маяковская», «Павелецкая», «Арбатская», «Площадь Революции». Она не только строила, но и воспитывала смену поколений строителей, созидателей, изобретателей прочнейших сводов из металла и сводов текстов. Преподавала и известна как автор единственного учебника по строительству тоннелей и метрополитенов.

В 1932 году состоялась великая встреча, определившая дальнейшую жизнь Антонины. Встреча с Исааком Бабелем. Они прожили вместе полные 7 лет — и все оставшиеся 70 лет жизни, в десять раз больше совместно прожитого, она собирала архивы, воспоминания, поднимала материалы, писала о нем книги и статьи в журналах, она была историком Бабеля и «сохранила его речь навсегда».

Исаака Бабеля арестовали в 1939 г., а расстреляли в 1940 г., но Антонина не знала о смерти мужа. Она писала письма, делала запросы и получала ответы, что Бабель находится в заключении на стройках народного хозяйства в Сибири. Спустя 15 лет после того ареста сам Климент Ворошилов подтвердил ей смерть Бабеля. При обыске архив Бабеля был изъят, он до сих пор не найден, и Антонина Николаевна воссоздавала творчество в одиночку. Она стала формировать невидимый музей сама, собирала воспоминания его современников, вошла в Комиссию по литературному наследию мужа, написала две книги о нем. В столетнем возрасте она согласовывала проекты памятника Бабелю.

И все же у них было общее: платан без коры и кожица антоновских яблок очень тонкая, почти прозрачная. «Я не стану делать выводов. Мне не до них» [Бабель 1991: 178].

Булгаков был липа, высаженная митрополитом Киевским Петром Могиллой в 1635 году у Десятинной церкви. Женское, жеманное дерево с гладкой темно-серой корой. Дерево осторожное и книжное, напоминающее об экзаменационной поре во время цветения. Михаил Афанасьевич всегда был гладко выбрит и даже в голодные времена послереволюционной осени писал свои записки на накрахмаленных манжетах. Они хрустели. Записки и манжеты. Липа легко приживается в городской среде и переносит загазованный воздух. Ее психика податлива, а мягкая плоть позволяет делать из нее печати, которые впечатывают сургуч и горячий воск, имена на лбу и символы на плечах на века. Это Булгаков.

«Ты совершишь со мной последний полет», — обратился он к Елене Сергеевне Шиловой, жене, которая не только совершила с ним лучший полет в его жизни, но описания этого полета донесла до музеев, библиотек и всецелой мысли последующих

поколений. Именно здесь сбылась мечта русской религиозной философии о соборности духа, когда рукописи не горят, а слово не удешевляется. При ней был написан роман, после чего Булгаков умирал с уверенностью совершенного литературного долга. «Отвратительно тревожные желтые цветы», с которыми вышла Маргарита на прогулку, могли быть нарциссами. Нарцисс с лентообразными, как шляпки Маргариты или Елены Сергеевны, листьями. С лепестковым околоцветником в форме трубчатой исторической воронки, в которую с головой попала страна. В жерле которого, как в жерле вулкана, расположилась коронка как бы нежным колокольчиком чувствительности.

Чувство Михаила Афанасьевича и Елены Сергеевны Булгаковых было как аромат нарцисса, дурманяще-сладкое с самого момента встречи в 1929 г. «Это было быстро, необыкновенно быстро, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь», — писала Елена Сергеевна [Булгакова 1990: 14]. Тогда Елена Сергеевна была замужем второй раз за Евгением Александровичем Шиловским. «Муж ее был молод, красив, добр, честен» — такая характеристика подошла бы воспитаннику кадетского корпуса, крупному военачальнику Красной армии, но это была характеристика мужа Маргариты. Дурманящий аромат цветка, родственник слову «наркоз» (греческая этимология, на которую обратил внимание М. Маклюэн [Маклюэн, 2003: 50—52]), оцепенил, обездвижил обе семьи с разных сторон встречи.

Елена Сергеевна проявила смелость в решении при уходе от спокойной налаженной жизни с Шиловским в бездомную рискованную жизнь Мастера, — вероятно, от того, что тоска по полету, пусть и по другую сторону моральных обстоятельств, зрела в ней давно. За 6 лет до встречи с Булгаковым она писала сестре Ольге Николаевне: «Ты знаешь, как я люблю Женю моих, но все-таки я чувствую, что такая тихая семейная жизнь не совсем по мне... Ничего меня дома не интересует, мне хочется жизни, и я не знаю, куда мне бежать, но хочется очень» (октябрь 1923). Или: «Брожу одна по улицам» (ноябрь 1923).

Женщина, «тайный друг», как называл ее Михаил Афанасьевич, имела двоих сыновей и пыталась противостоять близости с Булгаковым, — но бывают необратимые встречи. Двадцать, по словам Елены Сергеевны, месяцев они не виделись. 1 сентября 1932 года она вышла на прогулку и встретила Мастера «Я не могу без тебя жить», — сказал он, и Елена Сергеевна, нет, не Маргарита, хотя тут страницы романов сплетены, ответила: «И я тоже». 4 октября 1932 года они обвенчались. С 1933 по 1940 г., годы их брака, создавался роман «Мастер и Маргарита», и для него нужен был не только Мастер, но и Маргарита. Это был их первый и последний совместный полет.

8 лет совместного творчества и 30 лет без него жила Елена Сергеевна, будто рождаясь заново как Булгакова, сохраняя, печатая рукописи своего умершего мужа. По ту сторону моральных обстоятельств, но по эту сторону долга впервые рождаются собой. Победа Елены Сергеевны. Булгаков появляется в стране. Оттепель сквозь снежные заносы и хрустящий наст публикует его произведения. 1962 — «Жизнь господина де Мольера», 1963 — «Записки юного врача», 1966 — «Белая гвардия» в издании «Избранной прозы», 1966 — «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва».

Масло нарцисса употребимо не только в медицине, но и в парфюмерии. Сама Елена Сергеевна манила литературным врожденным вкусом, стилем и почерком, как запахом своего и только своего, собственного как всегда вновь обретенного. Она

переводила с французского и публиковала романы Ж. Верна и А. Моруа, составляла сборник воспоминаний о Мастере, искала мемуаристов, записывала, правила труд «Современники о Булгакове», помогала именитым и начинающим писателям со статьями и рассказами о Михаиле Афанасьевиче: работала с А. Лессом («Непрочитанные страницы о Булгакове»), К. Паустовским («Булгаков и театр» и «Снежные шапки»).

Она творила его имя: ведь Нарцисс — сын речного бога Кефиса и нимфы Лириопы. Прорицатель Тиресий предсказал ему долгую жизнь, если только он себя не увидит. Для Елены Сергеевны было существенно одно, чтобы Булгакова увидели в море литературы. Этот цветок не для вазы, его нельзя ставить в одну воду с другими цветами, будь то даже роза. С нарциссом нельзя сажать на одной грядке другие растения. Нарцисс, как и все полнолунное, как и все потустороннее, содержит в себе яд ликорин.

У Михаила Афанасьевича Булгакова нет креста на могиле. Всю оставшуюся после его ухода «на покой» жизнь Елена Сергеевна посещала его могилу нарядная. Она приходила в гости и возвращалась просветленная, его свет нужен был ей. Его свет был ее светом, ее становлением и светом в становлении, божественным нарциссизмом полудня и божественным единством полнолуния. Это были встречи, свидания. Она не знала покоя, она знала свет и дело просвещения во имя его в русской литературе. В своей русской литературе, в русской литературе как она есть, в *своем собственном* русской литературы, пользуясь выражением В. Бибикина [Бибикин, 1997]. После отпевания и кремации самой Елены урну с прахом захоронили рядом с Михаилом Афанасьевичем. Они вместе. Мастер и его Королева. «Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне во всей моей земной жизни», — писал он ей, не загадывая, что и после его земной жизни звезда также будет сиять и освещать, и возможны будут нарциссы к его камню на могиле и к липе, цветущей в июльские дни медовыми лепестками цвета холодного заката, белого вина, лимонных долек, самих нарциссов — как собственным цветом.

Бердяев был дуб. Вековая мудрость, сваи Венеции, границы Красной площади, дикое ожерелье Москвы. Дуб — выносливость, мощь и слава, дубовая ветвь обозначает военные различия. Первая и Вторая мировые войны, революция — все он это слышал в ветвях дуба Александровского сада около Боровицкой башни, даже когда жил уже в Париже. Дуб — убежище порядка двадцати видов животных. Он был беженец, вечный странник. Это Бердяев.

В его саду Лидия была смородина, сочная, пышная смородина. Смородина, как гортензия, бывает семейными кустами и разных оттенков. «Рай может быть только в саду» [Бердяева, 2002: 53], — писала она в своих дневниках, которые вела с 1934 по 1945 г. Ягода августовская. Люди, родившиеся в августе, светятся светом медового, яблочного и орехового Спасов. Она — луч Света Невечернего:

Когда тоска и мрак вокруг,
И тайно замыкая круг,
Я зажигаю свет над тьмой,
Свет Невечерний, мой.
(1945)

Родилась 20 августа 1871 года, получила образование в частной женской гимназии, писала письма Льву Толстому и получала ответы, была религиозна. Примерная католичка, мистик, почитательница Франциска и Терезы, дисциплинирующая откровения, как и положено женщинам-мистикам. В молодости участвовала в работе социал-демократического рабочего союза ремесленников. Была арестована, сидела в тюрьме. После освобождения жила с сестрой Евгенией в Париже, брала уроки живописи и скульптуры, вольную волю давая не своей, а чужой каменной пластике. Вернувшись в Россию, вступила в РСДРП, отбыла второе заключение, но даже в тюрьме заказывала Надежде Исакович кофточки, шелковые юбки и цветы. Она избирала все приятное, но также *не считала ничего своим*, но только эпизодом Преображения. Это была вся ее ягодная суть. Августовская смородина полна сока, прозрачна и целебна даже в листьях. Она бывает красной, черной и золотисто-прозрачной. Так и эта женщина, принимала все цвета, окрашивающие мировоззрение, до небывалой ясности, сохраняя в себе семена идей. Яркое она делала ясным, и этого хватало больше, чем на одну жизнь. До встречи с Николаем Александровичем Бердяевым имела фамилии Трушева и Рапп. Имела уже две жизни: два плодоносных августа.

К встрече с философом своей жизни она шла весь свой путь. Во сне и в демонстрациях, на кружках и под сводами тюрьмы, изучая живопись в Париже и запоминая проповеди. Встретившись с философом, она сделала имя столь же загадочным, сколь и памятным, публиковалась под таинственным именем Лидия Литта, таким, которое может запомнить только август:

Из серебряно-хрустальной
лейки
льется лунная вода...
Под деревьями,
на кружевной скамейке
девушки из голубого льда.
(Каприччио № 2)

Ее стихи сравнивали со стихами Софьи Парнок, Поликсены Соловьевой и Аделаиды Герцук.

Он называл ее «Дусык», а она его «Ни». После 1922 г. они два года прожили в Берлине, переехали в Париж, с 1938 г. жили в своем доме, который гости называли «Ясная Поляна»: там почти ежедневно собиралась интеллигенция, эмиграция, участники русского католического движения, благотворители, редакторы журналов, писатели, философы. Каждый день был расписан встречами, приемами и вечерними чтениями. Да, читать вслух было единственным долгом в этом быту, остальное могло быть очень тяжелым, и в этом всегда был срыв на грани импровизации. Смородиновый лист отрывался и заваривался для семейного чтения. «Я какой-то духовный пролетариат, нет у меня потребности в родине, в семье, в быте» [Бердяева, 2002: 19], — писала она.

Ее дневники 1934—1945 гг. дополняли его «Самопознание», это было самопознание на практике, модель идеального глаза в стенах не лаборатории, но кухни, троянский конь, выпущенный на луг.

Мне снилась русская зима,
Сугробы снега в переулках,
Ползьев хруст морозно-гулкий,
Москва, закутанная в снег.

Они все жили во снах с морозной Москвой, всю жизнь им снились декабрьская метель, январский ветер, февральская пурга.

Писать, думать и молиться. Она занималась благотворительностью, принимала гостей, поддерживала силы Философа эпохи. «Церковь для меня — это таинство» [Бердяева, 2002: 65], жизнь, открытая всем, но «люди создали на земле такой порядок, где основой жизни является борьба одних против других, а не взаимопонимание» [Бердяева, 2002: 92]. Понять для нее — это не простить, а предельно открыться.

Свой дом сделали маленьким раем, куда приходили души потерянных, хворых, странников, юродивых, бездомных, талантливых, одиноких, успешных. «Все мы держимся только духовной внутренней дисциплиной. Иначе не выдержали бы давно всего, что нами пережито» [Бердяева, 2002: 100]. Она считала счастьем проведенные с Философом 30 лет жизни, создавая среди густого тумана грянувшей политической борьбы свое вдохновение:

Ландыши продают
Белые-белые...
А вокруг улицы
Ошалелые.

Улицы Парижа нагнетали страх, потом были оккупированы. Лидия Юдифовна Бердяева говорила, что «любить труднее всего ближних, а не дальних. Дальних — это всегда нечто отвлеченное, смутно-туманное. А ближние перед нами со всеми своими и слабостями, и пороками» [Бердяева, 2002: 94]. После 1960 года, смерти ее сестры Евгении Юдифовны Рапп, дневники Лидии Бердяевой были переданы в отечественные архивы. Это фотографии времени, фотографии ее мужа, фотографии истории. Елена Владимировна Бронникова, написавшая введение к книге, охарактеризовала «фотографичность» записей [Бердяева, 2002: 22], имея в виду вырванные фрагменты дня, наподобие кадров киноленты:

Приходи ко мне, тишина,
В час, когда вянут желанья.
Приходи, сядь у ног...
Из лиловых роз молчанья
Мы сплетем венки.

(1915)

Мандельштам был ивой. Чердын — поселение, выросшее в устье реки. Плакучая ива растет во влажной почве. Она полна слез. Гибкое и неприспособленное к повседневности тело Мандельштама, с которым он не знал, что делать, и антисептическая душа делали древесину ивы равноплотной. Символ разлуки, ивовый прутик ломали на прощание с любимыми, чтобы звук памяти был тоньше любой струны. Светлая грусть, правильно настроенная душа, которая равновелика всему воздуху. «Там на ивах мы повесили наши арфы» (Пс. 137). Звон комариный, звон на всю страну. Это Мандельштам.

«Сохрани мою речь навсегда» — это скудное и святое наследство получила Надежда Яковлевна Мандельштам. «Зрачок в небесной корке / Обращенный вдаль и ниц», — какая это ягода, с плотной кожей, шершавая и стойкая?

«Она самая счастливая вдова», — говорила о Надежде Яковлевне Анна Андреевна Ахматова. Надя Мандельштам пробыла вдовой 42 года, 19 лет прожила в союзе взгляда и смысла с Осипом Эмильевичем и «сохранила его речь».

Посаженная на могиле умершего бузина обозначает покой души в загробной жизни. Бузина — дерево одухотворенное, ягоды же его имеют пасленовый вкус, средиземноморский виноград в центре страны, но если их употреблять в сыром виде, то живущий в них алкалоид вызывает отравление. Термически же обработанная ягода бузины может стать джемом, желе, сиропом: «Летом 1924 г. Осип Эмильевич привел ко мне свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют *laide mais charmante*» (Анна Ахматова. Листки из дневника) [Мандельштам, 1993, т. 1: 16]. Чернофиолетовая черная костянка, бузина кисловата и сладка, она *сама себе хвала*, и нужна для приготовления ликеров, экстрактов из судеб рядом с военными астрами.

Наденька Хазина встретила поэта Мандельштама 1 мая 1919 года и увидела в его взгляде себя, а в своем взгляде — его. У них не было одного места, местом были они, только вместе, но не в месте. Безбытность была их бытом, бездомность их домом. Хотя Мандельштаму и платили за переводы и прочую работу, это был быт разночинца, очищенный до прозрачности, до святой кельи культуры. Сорок два года она прожила без него, спасая стихи. И. Бродский как-то упомянул, что она была не столько вдовой Мандельштама, сколько вдовой стихов и даже вдовой культуры. «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно» (Ахматова).

Куст бузины был воспеваем Клейстом и Э.Т.А. Гофманом. В «Золотом горшке: сказке новых времен» студент Ансельм под кустом бузины слышит, а затем видит зелено-золотых змеек, дочерей архивариуса. В одну из них, Серпентину, он влюбляется. Магический шепот, хрустальный звон прозрачных колокольчиков и шорох листьев бузины вызвал галлюцинацию на пределе с любовным опьянением. Это и есть действие жидкости, ликера, чистой слезы, которая только и оплачет прошедшее. Слеза навсегда меняет страницу, несколько слез навсегда меняют общую судьбу.

Первый арест Осипа Эмильевича был 16 мая 1934 года. Внутри его гибкая ива гнулась и гнулась. Говорят, в Чердыни он бегал по улицам и разыскивал труп Ахматовой, а «арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда» [Мандельштам, 1993, т. 1: 25].

Здесь отвратительные жабы
В густую прыгают траву.
Когда б не смерть, то никогда бы
Мне не узнать, что я живу

[там же: 36].

Второй арест свершился в мае 1938 года. Осип Эмильевич умер в пересыльном лагере под Владивостоком. Он жил, потому что рядом с ним всегда была его «Надинька». Внимательная и молчаливая при нем, острая на язык без него, сама она стала писать в 60 лет. Города, в которых она жила, преподавала, переводила, работала, получала новые удостоверения об образовании: Калинин, Ульяновск, Чита, Чебоксары. На прядильной фабрике она заправляла станки, проверяя на память его заученные стихотворения. Еще не время их записывать. Еще не время их публиковать. Время их помнить и хранить. Сверка своей судьбы по заплаканным ивам и плачущим страницам, сверка по страницам, скрижалям личной памяти судьбы всей страны. «Она

совершила подвиг, сохранив в памяти все неопубликованные стихи Мандельштама и заслужила вечную благодарность русских читателей», — писал С. И. Липкин [там же: 26].

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит
[там же: 67].

Надежда Яковлевна стала бузиной, что сохраняет покой и прикрывает в тени душу великого Щелкунчика. Она сохранила. Его речь. Его пряный вкус беды. Его крепкую ивовую арку победы.

Мережковский был лавр. Переводчик «Дафниса и Хлои» чувствовал равно пронзительно и слово, и плач. Дафна, голос мужской и женский, надрывный плач, преследование Аполлоном. Невозможность до конца принадлежать ни миру природы, ни миру культуры. Надлом — листья лавра ломкие, а ветки хлещут, хлесткие как публицистика. Золотой лавр не перестает быть хрупким, рвущимся как черновик. Лавр капризен при пересадке, но не сопротивляется эмиграции. Если воскурить его листья, этот запах изгонит паразитов, а если просто оставить в покое, то он вечно зеленеет и плодоносит. Корешки дореволюционного полного собрания Мережковского синеватые, как дым лавра. Это Мережковский.

Ее русалочьи глаза и золотистые волосы пленили Дмитрия Сергеевича. Водяная лилия — цветок Русалок. У этого лунно-голубого цветка, распускающегося в грязной воде, нет стебля. Листья и цветы растут из корневища. В год их встречи, 1889, лилия расцвела сразу. Никаких сомнений и долго тянущихся стеблей. 52 года вместе. Их никто не тянул. Они их проживали вместе, как отец Пафнутий с Русалкой, без детей и трагедий, они «делали попытки пробудить новое религиозное сознание» [Гиппиус, 2008: 7], понимая любовь как «воскрешение личности, слияние с Божественным началом и преодоление смерти» [там же].

Любовь к Богу возможна была для Зинаиды Николаевны Гиппиус только через любимого человека. Согласно североамериканскому мифу, лилия рождается из искры встречи Полярной и Вечерней звезды. Это были Мережковские, две звезды, искрящиеся лилиями в омуте.

Во время войны и революции Гиппиус вела «Петербургский дневник». В Петрограде Мережковские жили на Сергиевской улице, что напротив Таврического дворца, в котором заседала Государственная дума. Их квартира была одной из точек кипения, что сложились в единую пунктирную линию, которая их же с исторических карт России вытеснила. Одновременно редакция и театр, театр, сжавшийся до бутона страсти к знанию, редакция, расширенная до мировых новостей, но при этом чуждая партийности, в отличие от квартиры Горького на Кронверкском или какой-то еще кипящей петербургской квартиры. Мережковские эмигрировали 24 декабря 1919 года: «Мглисто-розовым декабрьским вечером, по вымершим улицам со снежными сугробами, на двух извозчичьих санях», — писал Мережковский [там же: 131]. Острее отъезд описала Зинаида Николаевна:

До самой смерти... Кто бы мог думать?
 (Санки у подъезда. Вечер, снег.)
 Знаю, знаю, но как было думать,
 Что это до смерти? Совсем? Навек?

Молчите, молчите, не надо надежды.
 (Вечер, ветер, снег, дома.)
 Но кто бы мог подумать, что нет надежды...
 (Санки. Вечер. Ветер. Тьма.)

(1935)

Они больше не вернулись в Россию. Польша и Франция. Они создали Религиозно-философское общество. Их купленная на европейские гонорары за успешные исторические романы Мережковского квартира в Париже позволила встречи с Бунным, Шмелевым, Бердяевым, Шестовым. С 1926 г. Мережковские организуют литературно-философское общество «Зеленая лампа». Первое собрание состоялось 5 февраля 1927 года: «У собраний был свой строгий ритуал. Мережковский, Гиппиус и председательствующий Георгий Иванов с очередным докладчиком выходили на сцену из-за кулис и размещались по установленным раз и навсегда порядкам за большим столом, покрытым зеленым сукном» [там же: 171]. Лилии — цветы ночи:

Свет вечерний лучи бросает
 Сквозь кровавый шелк на листья...
 Тело нежное оживает —
 Пробудились злые цветы.

(1894)

Когда у Зинаиды Николаевны отнялась правая рука, она сказала: «Это от того, что Дмитрий Сергеевич, гуляя, всегда опирался на мою руку». Так, с гордостью освятив свои страдания, объясняла Гиппиус Надежде Тэффи. Удивительно, как яркая, колкая женщина Зинаида Николаевна, позволившая себе упреки даже в сторону государя Сербии Александра за то, что тот стал забывать русский язык, благоговела перед Лавром, что обвенчал и увенчал сразу две головы: мужа и жены. М. Вишняк считал Гиппиус отраженным от Мережковского светом, но вероятнее сказать, что света было два: лунный Зинаиды и солнечный Дмитрия.

Их критиковали, много, художественно, идеологически, нравственно, но они писали и далее собирали у себя дома литературный цвет, «Маков цвет».

В 1943—1944 гг., словно в предчувствии кончины 9 сентября 1945 г., она писала посмертную книгу о Дмитрие Сергеевиче, начинавшуюся так: «Париж, 3 июня 1943, Вознесение... Все жены людей, более или менее замечательных, писали свои о них воспоминания, печатали письма... Трудно мне писать воспоминания, делаю это из чувства долга...» [Гиппиус, 2017: 17]. Гиппиус писала о разности характеров и нравов, но как свет лунный и солнечный, эта разность вырастала в гармонию интересов: «Мы с Д.С. так же различались по природе, как различны были наши биографии до начала совместной жизни» [там же: 48]. Совместная жизнь 52 года дала Зинаиде Николаевне пульс, дыхание. Книга о Мережковском заканчивается: «А так как Д.С. и я, мы были и в начале, и в конце, и всегда «за интервенцию», — то мы этой беседе и не продолжали» [там же: 294]. Они эту беседу и не закончили.

Последнее стихотворение самой Русалки, уходящей в лунное море, звучало как шелест, где уже нет водной тяжести, но только сухой лист свидетельства, и это свидетельство сильнее любого цветника и любого гербария в мире:

По лестнице... Ступени все воздушней.
Бегут вверх или вниз — не все ль равно!
И с каждым шагом сердце равнодушной:
И все, что было, — было так давно...
(1945)

Лилия захлопнулась. У нее не было своего стебля, стеблем был Мережковский. Дмитрий Сергеевич. Она была воздушной, как белевский зефир, кружева города, в котором родилась. Она была прямой и прямодушной. Она не только все слышала, как Мережковский, но и все заранее знала.

Список источников

- Бабель И. Э.* Сочинения. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 477 с.
Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. 262 с.
Бибихин В. В. Свое, собственное // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 71 — 81.
Булгакова Е. С. Дневники. М.: Издательство Книжная палата, 1990. 400 с.
Гиппиус З. Н. Ничего не боюсь. М.: ПрозайК, 2017. 683 с.
З. Н. Гиппиус: pro et contra. Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей: антология. СПб.: Издательство РХГА, 2008. 1038 с.
Кушлина О. Б. От слова к запаху: русская литература, прочитанная носом // Новое литературное обозрение. 2000. № 3. С. 102 — 109.
Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: АртБизнес Наука, 1993. 607 с.
Мардер М. Растения философов: интеллектуальный гербарий. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 288 с.

References

- Babel', I. E. (1991) *Sochineniia* [Works], vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
Berdiaeva, L. Yu. (2002) *Professii: zhena filosofa* [Profession: philosopher's wife], Moscow: Molodaia gvardiia.
Bibikhin, V. V. (1997) «Svoë, sobstvennoe» [«One's Own, Proper»], *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 71 — 81.
Bulgakova, E. S. (1990) *Dnevniki* [Diaries], Moscow: Izdatel'stvo Knizhnaia palata.
Gippius, Z. N. (2017) *Nichego ne boiūs* [I'm not afraid of anything], Moscow: Prozaik.
Z. N. Gippius: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Zinaidy Gippius v otsenke sovremnikov i issledovatelei: antologiia (2008) [Z. N. Gippius: Pro et Contra. The personality and work of Zinaida Gippius as assessed by contemporaries and researchers: Anthology], St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA.
Kushlina, O. B. (2000) *Ot slova k zapakhu: Russkaia literatura, pročitannaia nosom* [From word to smell: russian literature read through the nose], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, pp. 102 — 109.
McLuhan, M. (2003) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: the extensions of man], transl. from English by V. Nikolaev, Moscow; Zhukovskii: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole.

Marder, M. (2025) *Rasteniia filosofov: intellektual'nyĭ gerbariĭ* [The Philosopher's plants: an intellectual herbarium], Moscow: Ad Marginem Press.

Mandel'stam, O. E. (1993) *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works in 4 volumes], Moscow: ArtBiznes Nauka.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, markovius@gmail.com (Dr. Sc. (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Штайн Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, shtaynshtayn@gmail.com (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116—136.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 116—136.

Научная статья

УДК 316.346.2-053.6(470+571)

EDN: <https://elibrary.ru/axzynf>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ РОССИЯНОК (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

*Инна Сергеевна Шаповалова, Елена Анатольевна Чернышева,
Ирина Сергеевна Заводян*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия, shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления жизненных стратегий молодых женщин как комплексной социологической проблемы в условиях трансформации ключевых социальных институтов, ценностного плюрализма и противоречия между традиционными и модернистскими гендерными моделями в современной России. Статья подготовлена на основе данных онлайн-опроса 5000 молодых респондентов (14—35 лет) Белгородской области в 2025 году. Методология включает сравнительный гендерный анализ обязательных жизненных диспозиций в рамках экономических, политических, общественных, матримониальных, карьерных, духовно-нравственных и самосохранительных стратегий. Основной вывод по результатам проведенного исследования заключается в том, что жизненные стратегии молодых россиянок не являются пассивными, но представляют собой рациональный адаптивный компромисс, формирующий модель «ограниченной агентности». Выявленные гендерные разрывы выступают не причиной, а следствием и механизмом воспроизводства структурных неравенств. Перспективы трансформации стратегий молодых женщин связаны с деструкцией институциональных барьеров и фундаментальной реформой гендерного порядка, направленной на выравнивание возможностей и обязательств.

Ключевые слова: молодые женщины, жизненные диспозиции, жизненные стратегии, гендерная стратификация

Для цитирования: Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводян И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. №1. С. 116—136.

Original article

LIFE STRATEGIES OF GIRLS AND YOUNG WOMEN IN RUSSIA (REGIONAL ASPECT)

Inna S. Shapovalova, Elena A. Chernysheva, Irina S. Zavodyan

Belgorod State National Research University, Belgorod,
Russian Federation, shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the need to understand the life strategies of young women as a complex sociological problem in the context of the transformation of key social institutions, value pluralism, and the contradiction between traditional and modernist gender models in contemporary Russia. The article is based on data from an online survey of 5,000 young respondents (aged 14—35) in the Belgorod region in 2025. The methodology includes a comparative gender analysis of mandatory life dispositions within the framework of economic, political, social, matrimonial, career, spiritual-moral, and self-preservation strategies. The results revealed the specificity of women's life strategies, characterized by rational adaptation to structural constraints: economic strategies are focused on risk minimization, sustainability, and social responsibility, with a lack of entrepreneurial and investment attitudes; in the political sphere, a strategy of distancing and minimalist conformism against a backdrop of deep gender asymmetry; in the social sphere, involvement mainly in executive, socially approved practices with limited attitudes towards institutional leadership; in the matrimonial sphere, there is a transition to strategic pragmatism, expressed in the calculation of the costs of having many children and a reduction in the orientation towards close intergenerational coalitions; In the spiritual and moral sphere, there is a strategy of moral autonomy and distancing from patriarchal institutions in favor of private self-development. In planning self-preservation behavior, there is a predominance of preventive practices with more modest expectations regarding life expectancy. The main conclusion from the results of the study is that the life strategies of young Russian women are not passive, but represent a rational adaptive compromise that forms a model of “limited agency”. The identified gender gaps are not the cause, but rather the consequence and mechanism of reproduction of structural inequalities. The prospects for transforming the strategies of young women are linked to the destruction of institutional barriers and fundamental reform of the gender order aimed at equalizing opportunities and obligations.

Key words: young women, life dispositions, life strategies, gender stratification

For citation: Shapovalova, I. S., Chernysheva, E. A., Zavodyan, I. S. (2026) Zhiznennye strategii molodykh rossiianok: (Regional'nyĭ aspekt) [Life strategies of girls and young women in Russia (Regional aspect)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 116—136.

Введение

Исследование жизненных стратегий молодых женщин в современной России представляет собой комплексную научную проблему, актуальность которой детерминирована совокупностью трансформационных процессов в ключевых сферах социальной жизни. Данная тема находится на пересечении фундаментальных социологических дискурсов о модернизации, социальной мобильности, гендерном порядке и конструировании индивидуальных траекторий в условиях неопределенности. Рассмотрение актуальности через призму различных сфер позволяет выявить многогранный эвристический потенциал исследования.

Чаще всего внимание к жизненным стратегиям молодых женщин привлечено в рамках изучения демографических проблем. Современная демографическая политика РФ, ориентированная на повышение рождаемости и укрепление института

семьи, вступает в сложное взаимодействие с меняющимися репродуктивными установками и жизненными календарями женщин. Изучение жизненных стратегий позволяет деконструировать гомогенизированный концепт «молодой матери», выявив спектр моделей: от стратегий раннего и многодетного материнства [Ростовская, Ситковский, 2025; Вишневецкий и др., 2024], поддерживаемых государственными мерами (материнский капитал), до стратегий отсрочки или сознательного отказа от деторождения в пользу образовательной и профессиональной самореализации [Ростовская, Васильева, 2024; Ростовская и др., 2025]. Анализ того, как в индивидуальных проектах совмещаются или конфликтуют репродуктивные, карьерные и личные планы, является ключом к пониманию реальной эффективности демографических мер и долгосрочных трендов воспроизводства населения [Шиняева, Каманина, 2024].

В научный дискурс по вопросам жизненных стратегий молодых россиянок включен и аспект рассмотрения социокультурной и гендерной сферы. Российское общество пребывает в состоянии ценностного плюрализма и конфликта гендерных моделей. С одной стороны, повышается влияние традиционалистской ориентации с акцентом на патриархальные роли женщины как хранительницы домашнего очага. С другой — под влиянием глобализации и цифровизации укореняется модель эгалитарных отношений и индивидуальных достижений. Молодые россиянки становятся «авангардом» этого противоречия и вынуждены конструировать свои стратегии в поле напряжения между «неотрадиционализмом» и «новой женственностью». Исследование в этой сфере становится инструментом анализа трансформации культурных кодов, механизмов легитимации выбора и формирования новых женских идентичностей в гибридном социальном пространстве [Ростовская, Синельников, 2025; Циткилов, 2025].

Немаловажной стороной исследовательской проблемы становится экономическая и профессиональная сфера. Несмотря на формально высокий уровень образования женщин (значительно превышающий мужской), на рынке труда сохраняются структурные ограничения: горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация, гендерный разрыв в оплате труда, «стеклянный потолок» [Емелина и др., 2024]. В условиях растущей прекарности и цифровизации занятости жизненные стратегии молодых женщин становятся индикатором адаптации к новым формам труда (фриланс, проектная работа) и одновременно — фактором, воспроизводящим или нивелирующим экономическое неравенство. Актуальным становится изучение стратегий совмещения занятости и семьи, выбора между ориентацией на высокооплачиваемую, но поглощающую время карьеру и поиском «удобной» работы, позволяющей выполнять семейные обязанности [Бочаров, 2020; Чернова, Шпаковская, 2020; Черных и др., 2023].

Нельзя оставить без внимания и политико-гражданскую сферу как элемент жизненных стратегий молодых женщин. Участие женщин в публичной политике и гражданских инициативах остается ограниченным, что ставит вопрос о включенности данной социально-демографической группы в процессы принятия решений. Исследование жизненных стратегий позволяет выявить степень и формы политической субъектности молодых россиянок: от стратегий сознательного избегания политики как «грязной» сферы до активного участия в низовых гражданских движениях (экологических, феминистских, урбанистических) и построения карьеры в системе

государственного управления, что позволяет оценить потенциал формирования нового поколения женского гражданского и политического активизма [Певная и др., 2025].

Миграционная и образовательная сферы, отраженные в жизненных стратегиях молодых женщин, безусловно добавляют весомую информацию в рассмотрение темы статьи. Для молодых женщин образовательная и трудовая миграция может быть стратегией преодоления локальных патриархальных ограничений и доступа к иным ресурсам [Ростовская, Давлетшина, 2024]. Исследование позволяет проанализировать, как гендерные аспекты взаимодействуют с миграционными решениями [Осадчая и др., 2023], как конструируются стратегии перехода в глобальные профессиональные и культурные потоки и каковы последствия этих процессов для регионов (интеллектуальное истощение/обогащение).

Таким образом, научно-теоретическая значимость исследований жизненных стратегий молодых россиянок заключается в интеграции концептов жизненных стратегий, гендерного порядка и институциональных трансформаций, что способствует развитию социологии личности, экономической социологии и гендерных исследований. Эмпирические данные позволят верифицировать и модифицировать существующие теории модернизации биографии, а также концептуализировать специфическую российскую модель конструирования женских жизненных траекторий в условиях «множественных современностей». Дополнительное значение в этой связи приобретает сравнительный гендерный анализ жизненных стратегий, позволяющий установить гендерные различия в установках и планах молодых женщин по отношению к мужчинам.

Материалы и методы

Жизненные стратегии молодежи и концептуализация их восприятия и исследования рассмотрены в работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова [Зубок, Чупров, 2020; Зубок, Чупров, 2019; Чупров и др., 2014]. Системная актуальность изучения жизненных стратегий молодежи подчеркивается авторами через идею о том, что «место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [Зубок, Чупров, 2020: 22]. Под жизненными стратегиями мы будем понимать систему жизненного планирования, обусловленную ценностными установками и определяющую горизонт жизненного выбора и решений, последующие модели поведения молодежи.

Стоит отметить, что жизненные стратегии молодежи изучаются достаточно широко, но не системно — исследователи рассматривают моностратегии, избегая комплексного описания жизненных планов, либо ограничиваются только небольшим набором стратегий для демонстрации исследовательской модели, например, взаимосвязи духовных, социальных и материальных стратегий [Журавлева и др., 2020], миграционных, матримониальных стратегий и стратегий самореализации [Халикова, 2022], семейных и карьерных стратегий [Гладкова, 2021]. В исследовательском научном дискурсе мы не нашли примеров исследования систем жизненного планирования и тем более вариантов сравнительного гендерного анализа стратегического жизненного выбора.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Значения	Частота	%
Возраст респондентов, гг.		
14—15	547	10,9
16—17	1331	26,6
18—21	1720	34,4
22—25	641	12,8
26—30	334	6,7
31—35	427	8,5
Пол респондентов		
мужской	42,1	42,1
женский	57,9	57,9
Место проживания респондентов		
Крупный город — областной центр	1538	30,8
Небольшой город — районный центр	1666	33,3
Поселок, сельское поселение	1796	35,9
Распределение респондентов по группам занятости		
обучаются в школе, гимназии	1000	20,0
обучаются в колледже, училище	1000	20,0
обучаются в высшем учебном заведении	2000	40,0
работают	1000	20,0
Итого ответивших	5000	100,0

Материал статьи основан на данных мониторинга социальных стратегий региональной молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2025 года, респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5000 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (см. табл. 1).

В рамках статьи авторы ограничиваются стратегическими диспозициями относительно жизненных планов по таким важным стратегиям, как экономическая, политическая, общественная, матримониальная, духовно-нравственная и самосохранительная. Данные рассматриваются в разрезе гендерного сравнительного анализа. Для сравнения используется значение показателя обязательного выбора на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?» (важное жизненное решение, цель по каждой из указанных стратегий, при отсутствии осуществления которой респонденты будут считать себя несостоявшимися в жизни; выборы «желательно» и «не обязательно» не анализируются).

Результаты исследования

Для реализации целей статьи необходимо провести сравнительный анализ основных стратегий региональной молодежи и зафиксировать существующие различия или отсутствие таковых, определить стратификационный потенциал гендерного признака относительно той или иной жизненной стратегии.

Экономические стратегии. Жизненное планирование в экономической сфере показывает, что у молодых россиянок формируется стратегическая модель, ориентированная на сочетание базовой экономической автономии и социально-ответственного консерватизма (табл. 2). Об этом свидетельствует структура приоритетов, связанная с доминированием стратегий обретения и сохранения базовых активов и сниженная ориентация на предпринимательский риск и инвестиции (план «Открытие бизнеса» присутствует у 24,6 % женщин против 36,4 % мужчин, план «Открытие инвестиционного счета» — у 28,8 % женщин против 40 % мужчин). Этот разрыв сигнализирует о действии глубоких структурных и культурных барьеров и может указывать на специфику экономического мышления и установок, связанных с ресурсными ограничениями (дефицит стартового капитала; более слабая экономическая поддержка в высокодоходных и рискованных сегментах экономики; символическое отчуждение (восприятие сферы инвестиций и предпринимательства как «мужских», где доминируют иные нормы коммуникации и принятия решений); оценка рисков.

Для молодых женщин российской провинции характерен и социально-ориентированный консерватизм, определяемый высокой значимостью «Помощи родителям» (74,5 %) и относительно (по сравнению с мужчинами) меньшей ориентацией на «Выход на пенсию с отказом от работы» (25,3 % против 34,6 %), что отражает инкорпорированную логику долгосрочной социальной ответственности и продолжающейся трудовой активности. Данный паттерн согласуется с традиционной гендерной ролью «смотрительницы», экстраполируемой и на старшее поколение.

Сравнение мужских и женских профилей позволяет говорить не просто о количественных различиях, а о качественно различных стратегических логиках в определении жизненных планов. Мужской профиль демонстрирует большую поляризованность, женский профиль отличается большей сфокусированностью на стратегиях минимизации рисков и обеспечения устойчивости. Приоритет отдается не столько максимизации дохода (план «Высокий заработок» у женщин несколько ниже — 62,6 % против 64,8 % у мужчин), сколько консервации и надежному размещению уже имеющихся или планируемых ресурсов (покупка жилья, накопления, депозит).

Таблица 2

Жизненные диспозиции и планы молодежи в экономических стратегиях, %

Обязательные планы в экономических стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Отказ от материальной помощи родителей	57,3	56,3	56,7
Покупка машины	61,7	56,8	58,9
Покупка квартиры	65,9	68,3	67,3
Открытие бизнеса	36,4	24,6	29,5
Помощь родителям	76,2	74,5	75,2
Выход на пенсию с отказом от работы	34,6	25,3	29,2
Наличие финансовых накоплений	67,1	68,5	67,9

Высокий заработок	64,8	62,6	63,5
Открытие депозитного счета	42,4	37,4	39,5
Открытие инвестиционного счета	40,0	28,8	33,5
Благотворительная деятельность	34,4	30,7	32,2

Политические стратегии. Данные о политических планах молодых россиянок раскрывают симптоматичную картину глубокой гендерной асимметрии в сфере формального политического участия. Политические стратегии, в отличие от экономических, демонстрируют не адаптацию к ограничениям, а преимущественно стратегию дистанцирования и периферийного, избирательного вовлечения. Это указывает на действие более жестких барьеров, лежащих в области символического порядка и институционального устройства политического поля. Характер политических стратегий молодых женщин может быть определен как «гражданственность без политики»: формирование модели сдержанной и инструментальной гражданственности, которой свойственны следующие черты:

— доминирование минималистской, ритуалистической модели участия: наиболее высокая доля планов связана с базовым электоральным поведением — «Участвовать в выборах, референдумах» (28,8 %) (табл. 3). Данная форма участия носит характер гражданской обязанности и социальной нормы, не требующей глубокой персональной вовлеченности в политическую конкурентную борьбу. Она отражает не столько политическую активность, сколько стратегию легитимного социального конформизма;

— структурное отчуждение от ядра политического поля: крайне низкие показатели по планам, связанным с прямым вхождением в политические институты и конкурентные практики, однозначно свидетельствуют о восприятии политики как закрытой, чуждой и/или нерелевантной сферы. Относительно более высокий процент намерений «Баллотироваться в мэры или губернаторы» (18,9 %), приближающийся к среднему, может косвенно указывать на большую понятность и потенциальную релевантность локального, «приземленного» уровня власти, связанного с решением конкретных проблем;

— избегание протестных и дискуссионных форм активности: низкий процент планов «Участвовать в протестных движениях» (12,9 %) и «Стать политически более активным» (18,6 %) подтверждает гипотезу о стратегии избегания конфликтного публичного пространства. Это согласуется с выявленной ранее в экономической сфере логикой минимизации рисков. Публичная политическая активность, особенно протестная, воспринимается как источник высоких социальных, репутационных, а иногда и правовых рисков, непропорционально высоких для женщин в условиях патриархальных установок, осуждающих «несдержанное» публичное поведение женщин.

Таблица 3

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
в политических стратегиях, %**

Обязательные планы в политических стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями	29,1	18,6	23,1
Вступить или участвовать в работе политической партии	20,7	12,5	16,0

Активно участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров	26,1	17,6	21,1
Участвовать в выборах, референдумах	33,0	28,8	30,6
Участвовать в протестных движениях	21,5	12,9	16,5
Участвовать в качестве депутата в выборах	23,4	13,9	17,9
Баллотироваться в мэры или губернаторы	24,3	18,9	21,2

Сравнение мужских и женских профилей выявляет систематическое и значимое отставание по всем формам активного, преобразующего участия. Возможные причины рассогласования носят институциональный, культурно-символический и ресурсный характер, что связано с символическим отчуждением и гендерным гомеостазом политики (поле официальной политики в России остается маскулинизированным пространством); дифференциацией агентности и сфер ответственности; дефицитом женских ролевых моделей в политике и социального капитала для реализации карьеры в политической сфере.

Общественные стратегии. Данные об общественных диспозициях молодежи позволяют выявить специфическую гендерную конфигурацию участия в гражданском секторе. В отличие от политических стратегий, здесь наблюдается меньший уровень гендерного рассогласования, однако сама его структура указывает на воспроизводство традиционного разделения ролей и ограниченный характер женской институциональной субъектности в публичной сфере.

Паттерн общественных планов молодых россиянок свидетельствует о доминировании стратегии прагматичного, аполитичного альтруизма, реализуемого через проверенные, социально одобряемые и лично безопасные каналы. Наблюдается доминирование диффузных и личностно-ориентированных форм участия. Так, показатели по базовым формам неинституционализированной социальной активности — «волонтерство» (34,4 %) и «благотворительность» (32,8 %) — не только являются для женщин наиболее высокими, но и незначительно превышают мужские (табл. 4). Это подтверждает гипотезу о культурно-санкционированной модели женской гражданственности, которая легитимируется через этику заботы и непосредственную помощь. Данные практики воспринимаются как продолжение приватной роли «смотрительницы», экстраполируемой на социум, и несут минимальные социальные и репутационные риски.

Таблица 4

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
 в общественных стратегиях, %**

Обязательные планы в общественных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Заниматься волонтерской деятельностью	33,2	34,4	33,9
Основать или стать членом общественной организации	25,7	20,8	22,9
Заниматься благотворительностью	32,2	32,8	32,5
Предложить и реализовать какой-то социально-значимый проект	27,3	23,8	25,3
Заниматься социальным предпринимательством (для решения какой-либо социальной проблемы)	29,6	24,0	26,4

Для молодых женщин можно отметить и структурный дефицит планов по созданию и управлению общественными институтами: в точке перехода от личного участия к институциональному строительству и проектной гегемонии возникает отчетливый гендерный разрыв. Планы «Основать или стать членом общественной организации» (20,8 % у женщин против 25,7 % у мужчин) и, что еще более показательным, «Предложить и реализовать социально-значимый проект» (23,8 % против 27,3 %) демонстрируют ограничение женской агентности рамками исполнительской, а не учредительской или лидерской роли. Молодые женщины чаще видят себя участниками уже существующих структур, нежели их создательницами или идеологами.

Есть и определенная осторожность в отношении социального предпринимательства как гибридной практики, здесь фиксируется наиболее значительный гендерный разрыв. Эта сфера, требующая комбинации социальной миссии, управленческих компетенций и экономической предприимчивости, оказывается для молодых женщин наименее привлекательной, что указывает на действие тех же барьеров, что и в экономической сфере (недооценка предпринимательских навыков, боязнь риска), усиленных необходимостью легитимации в двух различных полях — общественном и рыночном. И в этой связи можно говорить о культурном сценарии «женского альтруизма», когда социально одобряемый путь для реализации женской гражданской позиции исторически и культурно связан с милосердием, помощью слабым, попечительством, что находит современное выражение в волонтерстве, а институциональное лидерство и предпринимательство остаются сферами, где доминируют маскулинные стереотипы.

Матримониальные стратегии. Анализ женских диспозиций позволяет диагностировать переход от безусловной нормативности к стратегическому прагматизму в семейной сфере, характеризующемуся отчетливым калькулированием издержек. Отмечается умеренная ориентация на легитимацию союза при сближении с мужскими показателями — так, план «Жениться/выйти замуж» поддерживают 60,6 % молодых женщин, что всего на 3 % меньше, чем среди мужчин (63,6 %). Это минимальный разрыв во всем массиве данных, что указывает на конвергенцию нормативных ожиданий относительно института брака. Однако эта конвергенция не отменяет, а, вероятно, сопровождает переосмысление его смысла: от безусловного социального императива к одному из возможных, но желательных вариантов партнерства.

Так, есть определенное структурное ограничение репродуктивных амбиций, что отражается в наиболее драматичных гендерных разрывах в репродуктивной сфере. Если планы иметь одного ребенка у молодых людей обоих полов практически идентичны (52,2 % vs 53,3 %), то намерение иметь двух детей разделяют уже на 6,1 % меньше женщин (30,1 % vs 36,2 %), а для трех и более разрыв достигает 8,5 и 10,2 % соответственно (табл. 5). Эта нелинейная дивергенция свидетельствует о том, что с ростом планируемого числа детей женщины начинают острее антиципировать совокупные издержки (физиологические, карьерные, эмоциональные, финансовые), которые в современной социальной структуре по-прежнему распределены крайне неравномерно и ложатся преимущественно на них. Модель 1—2 ребенка в семье становится компромиссной стратегией, позволяющей реализовать социальные и личные потребности в материнстве, не переходя порог субъективно неоправданных жертв.

Таблица 5

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
в matrimониальных стратегиях, %**

Обязательные планы в matrimониальных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Жениться/выйти замуж	63,6	60,6	61,8
Иметь одного ребенка	53,3	52,2	52,7
Иметь двух детей	36,2	30,1	32,7
Иметь трех детей	22,0	13,5	17,1
Иметь более трех детей	20,8	10,6	14,9
Жить совместно со своими детьми в старости	22,0	10,6	15,4
Жить вместе с престарелыми родителями, в случае их болезни и немощи	44,7	37,4	40,5

Наблюдается и осторожность в отношении долгосрочных межпоколенческих обязательств: так, планы «Жить вместе с престарелыми родителями» (37,4 % vs 44,7 %) и особенно «Жить совместно со своими детьми в старости» (10,6 % vs 22 %) демонстрируют меньшую ориентацию женщин на модели тесной межпоколенческой кооперации. Это можно интерпретировать как стремление к автономизации жизненного цикла и отказ от воспроизводства традиционной патрилокальной модели, в рамках которой женщина исторически несла основное бремя ухода как за детьми, так и за престарелыми родственниками. Низкий показатель совместного проживания с детьми в старости (вдвое ниже мужского) особенно красноречив: он отражает не только изменение ожиданий от поддержки, но и потенциальное желание снизить собственную зависимость и нагрузку на будущих детей, особенно дочерей.

Такое рассогласование мужского и женского профиля в отношении matrimониальных жизненных стратегий может объясняться антиципацией гендерного дисбаланса в распределении бытовых обязанностей и домашнего труда; столкновением институциональных императивов, когда стратегии молодых женщин формируются в точке конфликта между модернистским императивом самореализации (включая профессиональную) и традиционным, подкрепляемым государством императивом материнства; экономической рациональностью и прекарностью (осознание экономических рисков, связанных с длительным выходом из трудовой деятельности, и потенциальной уязвимости в случае распада семьи заставляет женщин более осторожно подходить к многодетности как к фактору, многократно увеличивающему эти риски).

Карьерные стратегии. Анализ женских диспозиций позволяет выявить логику стратегии «обоснованных притязаний», где установки на успех и высокий доход эквивалентны мужским, однако конкретные формы их реализации смещены в сторону менее рискованных и менее конфликтных профессиональных ниш. Наблюдается приоритет статуса «высокооплачиваемого специалиста» над работой «по специальности»: показатель намерения стать высокооплачиваемым специалистом (61,9 %) является для женщин самым высоким и даже незначительно превышает мужской (60,7 %) (табл. 6). При этом план работать по специальности (40,4 %) заметно ниже, чем у мужчин (45,4 %). Это указывает на инструментальное отношение к образовательной квалификации и готовность к профессиональной мобильности в погоне за доходом, что опровергает стереотип о пассивной профессиональной ориентации. Успех измеряется не столько реализацией изначального профессионального выбора, сколько достижением высокого материального статуса.

Таблица 6

Жизненные диспозиции и планы молодежи
в карьерных стратегиях, %

Обязательные планы в карьерных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Работать по специальности	45,4	40,4	42,5
Стать высокооплачиваемым специалистом	60,7	61,9	61,4
Иметь собственный бизнес	42,5	33,5	37,3
Обучать людей в своей профессиональной области	39,3	34,7	36,6
Руководить структурным подразделением	41,1	31,0	35,3
Руководить организацией	41,1	31,7	35,6
Руководить корпорацией	39,5	28,0	32,9
Сделать успешную карьеру	54,5	55,4	55,0
Стать знаменитым в своей профессиональной сфере	43,8	39,2	41,1

Одновременно с этим есть структурный дефицит установок на формальное лидерство и предпринимательство (отраженный и в ранее рассмотренных экономических и общественных стратегиях) — наиболее значимые гендерные разрывы фиксируются в сфере властных позиций и экономической самостоятельности. Планы «Иметь собственный бизнес» (33,5 % у женщин против 42,5 % у мужчин), «Руководить структурным подразделением» (31 % против 41,1 %), «Руководить организацией» (31,7 % против 41,1 %) и, особенно, «Руководить корпорацией» (28 % против 39,5 %), демонстрируют прогрессивное увеличение гендерного разрыва по мере роста уровня и масштаба ответственности. Это свидетельствует о том, что карьерное пространство для молодых женщин структурировано невидимым «стеклянным потолком», который присутствует не только как объективное ограничение, но и как интериоризированная субъективная диспозиция, ограничивающая горизонт планирования.

Можно сказать, что фиксируется относительная ориентация на экспертную, а не административную или публичную карьеру: так, показатели планов «Обучать людей в своей области» (34,7 %) и «Стать знаменитым в профессиональной сфере» (39,2 %) демонстрируют меньший гендерный разрыв. Это отражает большую комфортность и легитимность для женщин карьерных моделей, основанных на компетентности, знаниях и авторитете эксперта, а не на формальной иерархической власти или публичной известности. Такая стратегия позволяет конвертировать образовательный капитал в статус, минимизируя риски, связанные с управленческой конкуренцией и публичностью.

Сравнительный анализ выявляет две различные карьерные парадигмы:

— мужской профиль характеризуется большей диверсификацией и «вертикальной» амбициозностью. Мужчины демонстрируют более равномерный интерес как к статусу специалиста, так и к позициям собственника и руководителя любого уровня. Их стратегия может быть описана как «недифференцированная гегемония» — установка на достижение доминирующих позиций в широком спектре профессиональных полей (от экспертизы до управления корпорацией);

— женский профиль отражает «селективную фокусировку». Пик установок приходится на достижение высокого материального статуса в качестве специалиста. При этом установки на вхождение в элитные круги управления и собственности выражены существенно слабее, формируя карьерную траекторию, которая может быть успешной, но с высокой вероятностью останется в коридоре «вице-президентского» или «ведущего экспертного» уровня, редко прорываясь к вершинам корпоративной или предпринимательской пирамиды.

Причины такого рассогласования карьерных планов могут быть связаны с наличием структурных барьеров, конфликтом временных режимов и ролевой перегрузкой для женщин, дефицитом женских ролевых моделей в карьере и различной социализацией к риску и конкуренции.

Духовно-нравственные стратегии. Анализ диспозиций позволяет интерпретировать позицию молодых женщин как стратегию моральной автономии и скепсиса по отношению к формализованным системам нравственного контроля. Стоит отметить относительный минимум установок на религиозную институционализацию: так, план «Повысить свою религиозную культуру, стать прихожанином церкви» имеет наименьшую поддержку среди женщин (29,1 %, разрыв с мужчинами — 9,2 %) (табл. 7). Столь же низок показатель «Ввести в религию своего ребенка» (29,1 %). Это свидетельствует о выраженном дистанцировании от религии как формализованной, институциональной практики, контролируемой традиционно патриархальными структурами. Духовные поиски, если они имеют место, с большей вероятностью выводятся в приватную, внеконфессиональную сферу или замещаются секулярными эквивалентами.

Таблица 7

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
в духовно-нравственных стратегиях, %**

Обязательные планы в духовно-нравственных стратегиях	Муж- чины	Женщины	Общие данные
Повысить свою религиозную культуру, стать прихожанином церкви	38,3	29,1	33,0
Повысить свой культурный уровень	41,6	38,6	39,9
Стать примером нравственных поступков (возможно, даже героем)	40,4	32,1	35,6
Совершить какой-нибудь подвиг (например, гражданский или военный)	35,1	25,5	29,6
Помогать в контроле за нравственностью в нашем обществе (на территории проживания)	37,2	28,6	32,2
Ввести в религию своего ребенка	35,5	29,1	31,8

Сниженный интерес к публичной моральной миссии и героическим нарративам объясняет значительный разрыв в отношении планов, связанных с активной, преобразующей ролью в публичном нравственном пространстве. Эта указывает на неприятие модели «морального воина» или «публичного стража нравов». Для молодых женщин эта роль, по-видимому, ассоциируется с неподобающей публичностью, агрессивностью, а также с риском втягивания в чуждые идеологические и политические конфликты.

Приоритет личностного культурного развития над нормативным морализаторством подтверждается наиболее высоким показателем в системе жизненного

планирования — «Повысить свой культурный уровень» (38,6 %). Это подтверждает гипотезу о смещении акцента с внешней, нормативной морали на внутреннее, эстетическое и интеллектуальное саморазвитие. Культура в данном контексте выступает как альтернативный, более индивидуализированный и менее идеологизированный источник смыслов и идентичности, не требующий подчинения внешним авторитетам или публичной демонстрации лояльности.

Сравнительный профиль выявляет две различные гендерные парадигмы конструирования духовно-нравственной субъектности:

— мужской профиль отражает модель экстравертированной, институционально встроенной моральной агентности. Мужчины чаще демонстрируют готовность к публичному подтверждению своей нравственной позиции через формальные институты (церковь, общественный контроль), а также к героическим, жертвенным действиям в публичном пространстве. Эта модель согласуется с архетипом «защитника», «воина» или «морального лидера», чья добродетель должна быть публично удостоверена и институционально признана;

— женский профиль соответствует модели интровертированной, персонализированной этики. Нравственное совершенствование смещено в сферу приватного саморазвития (культура) и непосредственных межличностных отношений (где «пример поступков» может проявляться без публичной героизации). Публичные, институциональные и тем более героико-жертвенные формы морального действия воспринимаются как избыточные, рискованные и/или навязанные извне.

Можно выдвинуть гипотезы о причинах рассогласования духовно-нравственных гендерных парадигм. Во-первых, можно говорить о критике патриархального характера традиционных морально-религиозных институтов: церковь и риторика «общественной нравственности» часто воспринимаются молодыми женщинами как инструменты, исторически использовавшиеся для контроля над женским телом, сексуальностью и социальным поведением. Дистанцирование является формой сопротивления этому контролю. Во-вторых, для молодых женщин существует отторжение агрессивной и милитаризованной риторики в публичной сфере: концепты «подвига» и «героизма» в современном российском публичном дискурсе тесно связаны с военной и силовой риторикой, которая является глубоко маскулинной и часто отчуждающей для женщин. В-третьих, присутствует и отрицание двойных стандартов и репутационных рисков: активное участие женщины в публичном «контроле за нравственностью» или претензии на роль «героини» сопряжены с высокими репутационными рисками (обвинения в ханжестве, лицемерии, неженственности) и повышенным вниманием к ее собственной приватной жизни.

Самосохранительные стратегии. Анализ женских планов в отношении самосохранительного поведения выявляет структурированный подход к здоровью, основанный на избегании вредных практик и регулярной профилактике, однако лишенный выраженной веры в достижение экстремальных возрастных рубежей. Существует явное доминирование превентивных поведенческих паттернов над активной спортивной героикой. Так, молодые женщины чаще мужчин декларируют отказ от курения и употребления вредных веществ (66,4 % против 62,8 %) и несколько чаще планируют регулярную диспансеризацию (58,4 % против 55,4 %) (табл. 8). При этом они реже выбирают занятия спортом (62,4 % против 65,5 %) и существенно реже планируют стать спортивными волонтерами (36,7 % против 44 %). Это указывает на

приоритет «защитного» самосохранительного поведения над «наступательным». Стратегия фокусируется на минимизации известных рисков (вредные привычки, невыявленные болезни), а не на достижении пиковых физических кондиций или продвижении спорта как социальной ценности, что может восприниматься как маскулиная сфера.

Таблица 8

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
в самосохранительных стратегиях, %**

Обязательные планы в самореализационных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Заниматься спортом	65,5	62,4	63,7
Не курить и не употреблять других вредных веществ	62,8	66,4	64,9
Не употреблять алкоголь (минимум употребления)	63,9	62,9	63,3
Придерживаться здорового питания	55,8	55,0	55,3
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний	55,4	58,4	57,1
Стать спортивным волонтером	44,0	36,7	39,8
Дожить до 70 лет	59,8	55,8	57,5
Дожить до 80 лет	53,3	47,8	50,1
Дожить до 90 лет	48,6	40,7	44,0
Дожить до 100 лет или более	46,5	36,2	40,5

Наблюдается снижение долгосрочных возрастных притязаний, которое подчеркивает гендерное рассогласование в планах на продолжительность жизни. Если разрыв в намерении дожить до 70 лет составляет 4 % (55,8 % у женщин против 59,8 % у мужчин), то для рубежа в 100 лет он достигает 10,3 % (36,2 % против 46,5 %). Эта нелинейная дивергенция свидетельствует о том, что молодые женщины рационально проецируют на свое будущее кумулятивный эффект гендерных неравенств. Более низкие ожидания могут быть связаны с осознанием большей физиологической и эмоциональной нагрузки, связанной с репродуктивной функцией, двойной занятостью, а также с большей вовлеченностью в уход за старшими поколениями, что позволяет им более трезво оценивать «цену» долгой жизни.

Отмечается и определенный прагматизм в отношении здорового образа жизни (ЗОЖ). Показатели по «здоровому питанию» и «минимуму алкоголя» практически идентичны у обоих полов. Однако для молодых женщин они встраиваются в общую логику профилактики и контроля, тогда как для мужчин могут иметь иные коннотации (например, поддержание работоспособности, внешнего вида).

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование и сравнительный анализ планов молодежи разных полов позволяет определить возможности и риски жизненных стратегий молодых женщин в пределах выделенных сфер.

Так, экономические стратегии молодых женщин позволяют выявить перспективы, связанные с консолидацией модели ответственного финансового субъекта, ориентированного на долгосрочную устойчивость (эта модель может стать основой для формирования нового типа экономической агентности, менее подверженного кризисам, связанным с рыночной конъюнктурой). Возможности жизненных установок и планов в экономической сфере лежат скорее в нише социального предпринимательства и малого бизнеса в сферах образования, экологии, креативных индустрий, где ценностные ориентации и социальная ответственность могут стать конкурентным преимуществом. Среди основных рисков стоит обозначить риск воспроизводства экономического неравенства и «ловушки осторожности», которая лишает женщин доступа к потенциально более высоким доходам. В целом, стратегии молодых россиянок в экономической сфере являются рациональным ответом на совокупность институциональных условий и нормативных ожиданий, формирующих их жизненный мир. Они отражают не пассивность, а адаптацию к структурным ограничениям, направленную на обеспечение безопасности и социальной ответственности. Однако эта адаптация сопряжена с системными рисками воспроизводства долгосрочного экономического неравенства, что требует от социальной политики не просто стимулирования женского предпринимательства, но комплексной работы по деконструкции институциональных барьеров и трансформации паттернов финансовой социализации.

Прогноз развития жизненных стратегий молодых женщин в политической сфере в текущих институциональных условиях видится в консервации выявленной модели. Молодые женщины останутся важным, но преимущественно пассивным электоральным ресурсом, их политическая субъектность будет реализовываться преимущественно в неполитических или субполитических формах (НКО, волонтерство, локальные инициативы, цифровой активизм по конкретным вопросам). Возможности для трансформации политических стратегий связаны с двумя факторами: наличие партиципаторного запроса на локальном уровне на решение конкретных проблем (благоустройство, экология, социальные услуги) в формате муниципальной политики и общественного контроля может мобилизовать женщин, чья практическая и коммуникативная компетентность в этих сферах высока; активная цифровизация публичной сферы, связанная с созданием альтернативных, менее формализованных и более безопасных каналов для высказывания и самоорганизации, потенциально позволяющих обходить традиционные институциональные барьеры. Но положительное воздействие данных факторов может быть нейтрализовано существующими рисками, связанными с маргинализацией женской политической агентности и политическим отчуждением.

Анализ общественных стратегий молодых женщин позволяет сделать вывод о том, что гражданский сектор в России будет продолжать опираться на женскую вовлеченность на уровне «исполнительного персонала» волонтерских и благотворительных практик, в то время как позиции учредителей, руководителей и идеологов останутся в значительной степени маскулинизированными. Возможности для трансформации данных стратегий могут быть связаны с профессионализацией некоммерческого сектора и развитием цифровых платформ гражданской активности. Ключевые риски носят характер воспроизводства социального порядка и связаны с гендерной сегрегацией в гражданском секторе, девальвацией «женского» участия и риском сужения женской гражданской субъектности. В целом общественные стратегии молодых россиянок демонстрируют амбивалентную картину включенной

исключенности. Поле общественной активности, оставаясь более открытым и привлекательным для женщин, нежели политическое, тем не менее воспроизводит гендерную иерархию, переводя традиционное разделение приватной и публичной сфер в новое качество: женщины как «сердце» гражданского общества, мужчины как его «институциональный скелет». Преодоление этого разделения требует целенаправленной работы по созданию поддерживающих инфраструктур, меняющих баланс ресурсов и рисков для молодых женщин, стремящихся к преобразующему институциональному лидерству.

Прогноз в отношении матримониальных жизненных стратегий связан с консервацией модели малодетной, рационализированной семьи как доминирующей жизненной стратегии молодых россиянок. Государственная политика, нацеленная на стимулирование рождаемости через материнский капитал, будет сталкиваться со «стеклянным потолком» в виде субъективных оценок неэкономических (в первую очередь временных и карьерных) издержек многодетности, которые не компенсируются разовыми выплатами. Возможности для смещения стратегий могут открыться лишь при условии глубокой трансформации институциональной среды, связанной с широким внедрением гибких форм занятости, доступной инфраструктуры раннего детства (ясли, детсады), а также культурных изменений, поощряющих активное отцовство. Ключевые риски существующих жизненных диспозиций молодых женщин носят макро- и микросоциальный характер и связаны с демографическим риском, риском ролевого конфликта и социального расслоения. Матримониальные и репродуктивные стратегии молодых россиянок представляют собой наиболее яркий пример того, как индивидуальный выбор становится точкой кристаллизации системных социальных противоречий. Выявленные диспозиции отражают не «эгоизм» или «кризис ценностей», а рациональную адаптацию к структуре неравных возможностей и обязанностей. Гендерный разрыв в планах на многодетность и долгосрочный уход является прямым индикатором сохраняющегося патриархального контракта, в котором декларативная ценность семьи не подкреплена справедливым распределением издержек по ее поддержанию. Таким образом, перспективы трансформации демографического поведения лежат не в плоскости морального увещевания или точечных финансовых мер, а в фундаментальной институциональной и культурной реформе, направленной на выравнивание гендерных обязательств в приватной сфере. До тех пор, пока матримониальная стратегия остается для женщины преимущественно стратегией управления высокими персональными рисками, ее репродуктивный потенциал будет реализовываться ограниченно и оборонительно.

Перспективы трансформации социальной ситуации в конвергенции с существующими карьерными стратегиями в условиях инерционного сценария связаны с воспроизводством гендерной профессиональной сегрегации по вертикали. Женщины будут составлять большинство высококвалифицированных специалистов в ряде отраслей, однако ключевые решения и распределение ресурсов останутся под контролем мужского доминирования в высших эшелонах власти. Возможности для трансформации стратегий могут открываться в следующих направлениях: развитие «женских» ниш в новом менеджменте; развитие цифровых платформ и проектной занятости. Это позволит создавать альтернативные карьерные траектории и достигать высоких доходов и профессионального признания вне традиционных корпоративных иерархий, что снижает значимость формального должностного статуса. В целом можно сказать, что карьерные стратегии молодых россиянок

представляют собой адаптивный компромисс между высокими амбициями в сфере материального благополучия и профессиональной самореализации и трезвым учетом структурных и нормативных ограничений, действующих в поле корпоративной власти и предпринимательства. Формируется модель «ограниченной агентности», где успех возможен, но на определенных, предзаданных условиях, исключающих полноценный доступ к инструментам стратегического контроля и собственности. Гендерный разрыв в диспозициях является не причиной, а следствием и одновременно механизмом воспроизводства вертикальной профессиональной сегрегации. Таким образом, преодоление этого разрыва требует не только работы по изменению установок женщин («повышать уверенность»), но прежде всего — деструкции институциональных барьеров, создающих объективно более высокие издержки и меньшую отдачу от карьерных инвестиций для женщин, претендующих на вершины иерархии.

Интересный прогноз можно обозначить в сфере духовно-нравственных стратегий и связан он, прежде всего, с углублением выявленной тенденции — дальнейшей приватизацией и субъективацией духовно-нравственной сферы среди молодых женщин. Их религиозность, если она сохранится, будет принимать все более внеконфессиональные, синкретические формы, а моральные ориентиры будут черпаться из глобального культурного контекста, философии, психологии, а не из нормативных национальных или религиозных доктрин. И здесь возникают важные риски духовной трансформации общества, связанные, прежде всего, с усугублением морального и ценностного разрыва между гендерами, увеличением атомизации и утраты языка общей солидарности, возникновением идеологического вакуума и уязвимости молодых женщин. Таким образом, духовно-нравственные стратегии молодых россиянок демонстрируют наиболее отчетливый разрыв с патриархальной моделью, предлагая взамен не столько альтернативную систему ценностей, сколько альтернативный модус их существования — приватный, субъективированный и деинституционализированный. Этот разрыв является не показателем морального релятивизма или упадка, а следствием глубокого переосмысления женщинами своей позиции в структуре символической власти. Отказ от роли прихожанки, морального контролера или героини является формой сопротивления навязываемым извне сценариям идентичности, которые не соответствуют их опыту и устремлениям. Таким образом, гендерный разрыв в этой сфере указывает на фундаментальный кризис легитимности традиционных институций, ответственных за производство и поддержание морального порядка, в глазах нового поколения женщин. Будущее духовно-нравственного ландшафта будет зависеть от способности общества предложить инклюзивные, не патриархальные формы коллективного смыслопроизводства, которые смогут привлечь молодых женщин не как объектов морального регулирования, а как полноправных субъектов этического диалога.

Судя по жизненным ориентирам в сфере самосохранительного поведения, молодые женщины будут составлять более ответственную и дисциплинированную часть населения с точки зрения следования профилактическим медицинским практикам, однако их потенциал как агентов популяризации активного, «спортивного» долголетия останется нераскрытым. Их собственная мотивация к достижению экстремального долголетия будет оставаться сдержанной. Самосохранительные стратегии молодых россиянок представляют собой комплекс рациональных адаптивных практик, сформированных в условиях осознания своей специфической уязвимости и

структурной нагрузки. Их реализм в отношении долголетия является социальным диагнозом, а не личностным дефицитом. Он отражает интуитивное понимание того, что «добавленные годы жизни» в современном обществе рискуют оказаться годами дополнительной ответственности, ухода и экономической нестабильности, бремя которых распределено гендерно асимметрично. Таким образом, гендерный разрыв в диспозициях является не следствием разной биологической «программы», а индикатором различных социальных контрактов о здоровье и старости, предлагаемых мужчинам и женщинам. Сближение этих стратегий и повышение женских ожиданий потребует не пропаганды ЗОЖ, а фундаментальной социальной политики, направленной на выравнивание гендерных обязательств в сфере домашнего труда, обеспечение достойного пенсионного будущего и создание привлекательных, не сводящихся лишь к выживанию, образов женской старости.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что жизненные стратегии молодых россиянок представляют собой сложный социокультурный феномен, формирующийся на пересечении структурных ограничений, институциональных противоречий и индивидуальной рациональности. Анализ выявляет не пассивность или консерватизм, а специфическую модель адаптивной агентности, ориентированную на стратегическое управление рисками и обеспечение устойчивости в условиях ценностного плюрализма и гендерного напряжения. Ядро выявленной модели составляет рациональная калькуляция непропорционально высоких издержек, связанных с реализацией традиционных женских ролей в публичной и приватной сферах. Это приводит к формированию жизненных диспозиций, которые, с одной стороны, отражают высокие установки на материальное благополучие и самореализацию, а с другой — демонстрируют систематическое ограничение горизонта планирования в тех сегментах, где издержки и барьеры для женщин субъективно и объективно максимальны.

Таким образом, гендерные разрывы в жизненных планах выступают не как причина, а как следствие и ключевой механизм воспроизводства существующего социального порядка. Они кристаллизуют фундаментальное противоречие между модернистскими устремлениями женщин и патриархальной структурой возможностей. Перспективы трансформации данной модели лежат не в плоскости морального воздействия или точечных мер поддержки, а требуют системной дезинтеграции институциональных барьеров и пересмотра гендерного контракта, что предполагает глубокие изменения в экономической, политической и семейной сферах.

Список источников

Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2. С. 113—129.

Вишневатский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40—55.

Гладкова И. А. Жизненные ценности и стратегии современной молодежи // Управление городом: теория и практика. 2021. № 1. С. 41—44.

Емелина Н. К., Рожкова К. В., Роцин С. Ю. Гендерный разрыв в стартовых заработных платах выпускников российских вузов // Женщина в российском обществе. 2024. № 3. С. 123—143.

Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117—127.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13—41.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186.

Осадчая Г. И., Волкова О. А., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Молодые женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 43—62.

Певная М. В., Телепаева Д. Ф., Гаврилик О. Н., Минченко Д. В. Женское лицо студенческого волонтерства в России и Республике Беларусь // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 77—90.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Князькова Е. А. Одиночество в семье: исследование повседневных практик молодой семьи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 58—70.

Ростовская Т. К., Давлетшина Л. А. Образовательная миграция как инструмент приумножения рабочей силы // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 3 (116). С. 347—365.

Ростовская Т. К., Синельников А. Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 6—16.

Ростовская Т. К., Ситковский А. М. Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой долгосрочной стратегии демографического развития России // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 63—74.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 74—82.

Халикова С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 117—124.

Циткилов П. Я. Межпоколенная трансляция семейных ценностей: анализ социологического исследования студенческой молодежи юга России // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 35—47.

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 173—194.

Черных Е. А., Назарова У. А., Локтюхина Н. В. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 14—36.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014. 352 с.

Шиняева О. В., Каманина В. Е. Семейный капитал как фактор профессионального становления молодых россиян // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 192—206.

References

Bocharov, V. Yu. (2020) Kontseptsiia balansu raboty i lichnoĭ zhizni kak osnovanie dlia tipologii strategii trudovogo povedeniia rabocheĭ molodezhi [The Concept of Work-Life Balance as a Basis for a Typology of Work Behavior Strategies of Young Workers], *Sotsial'no-trudovye issledovaniia*, no. 2, pp. 113—129.

Chernova, Zh. V., Shpakovskaya, L. L. (2020) «Na drugikh nadejsia, a sama ne ploshai». Pragmaticheskiĭ individualizm kak diskursivnaia strategiia normalizatsii biografii molodykh predstavitel'нитs srednego klassa [«Trust in Others, But Don't Be Sloppy Yourself». Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 173—194.

Chernykh, E. A., Nazarova, U. A., Loktyukhina, N. V. (2023) Zhenshchiny s semejnymi obiazannostiami na rossiiskom rynke truda: osobennosti trudovogo povedeniia i sovershenstvovanie politiki zaniatosti [Women with Family Responsibilities in the Russian Labor Market: Peculiarities of Work Behavior and Improving Employment Policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 14—36.

Chuprov, V. I., Zubok, Yu. A., Romanovich, N. A. (2014) Otnoshenie k sotsial'noĭ real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyĭ mekhanizm formirovaniia i vosproizvodstva [The attitude to social reality in russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction]. Moscow: Norma.

Emelina, N. K., Rozhkova, K. V., Roshchin, S. Yu. (2024) Gendernyĭ razryv v startovykh zarabotnykh platakh vypusnikov rossiiskikh vuzov [Gender gap in starting salaries of Russian university graduates], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 123—143.

Gladkova, I. A. (2021) Zhiznennye tsennosti i strategii sovremennoi molodezhi [Life values and strategies of modern youth], *Upravlenie gorodom: teoriia i praktika*, no. 1, pp. 41—44.

Khalikova, S. S. (2022) Zhiznennye strategii dal'nevostochnoi molodezhi [Life strategies of Far Eastern youth], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 1, pp. 17—124.

Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. (2023) Molodye zhenshchiny iz Kyrgyzstana v moskovskom megapolise [Young women from Kyrgyzstan in the Moscow megapolis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—62.

Pevnaya, M. V., Telepaeva, D. F., Gavrilik, O. N., Minchenko, D. V. (2025) Zhenskoe litso studencheskogo volonterstva v Rossii i Respublike Belarus' [The Female face of student volunteering in Russia and the Republic of Belarus], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 77—90.

Rostovskaya, T. K., Davletshina, L. A. (2024) Obrazovatel'naia migratsiia kak instrument primnozheniia rabocheĭ sily [Educational migration as a tool for increasing the labor force], *Integratsiia obrazovaniia*, vol. 28, no. 3, pp. 347—365.

Rostovskaya, T. K., Sinelnikov, A. B. (2025) Tsennosti braka kak osnova blagopoluchiia rossiiskikh semeĭ [Marriage values as the basis for the well-being of Russian families], *Voprosy upravleniia*, vol. 19, no. 2, pp. 6—16.

Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. (2025) Mnogodetnaia mnogopokolennaia sem'ia kak klyuchevoi resurs novoi dolgosrochnoi strategii demograficheskogo razvitiia Rossii [Large multi-generational family as a key resource for the new long-term strategy for demographic development of Russia], *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, no. 4, pp. 63—74.

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2024) Brachnye, reproduktivnye, samosokhranitel'nye strategii chlenov studencheskikh semeĭ: po rezul'tatam glubinnogo interv'iu [Marital, reproductive, and self-preservation strategies of members of student families: based on the results of in-depth interviews], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 74—82.

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Knyazkova, E. A. (2025) Odinochestvo v sem'e: issledovanie povsednevnykh praktik molodoĭ sem'i [Loneliness in the family: a study of everyday practices of a young family], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 11, no. 1, pp. 58—70.

Shinyayeva, O. V., Kamanina, V. E. (2024) Semeinyĭ kapital kak faktor professional'nogo stanovleniia molodykh rossiian [Family capital as a factor in the professional development of young Russians], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 10, no. 4, pp. 192—206.

Tsitkilov, P. Ya. (2025) Mezhpokolennaia translyatsiia semeinykh tsennosteĭ: analiz sotsiologicheskogo issledovaniia studencheskoi molodezhi iuga Rossii [Intergenerational transmission of family values: analysis of a sociological study of student youth in Southern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 35—47.

Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyrianova, O. B. (2024) Matrimonial'nye i reproduktivnye ustanovki molodezhi v kontekste bezopasnosti molodoĭ sem'i [Matrimonial and reproductive attitudes of young people in the context of young family security], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 40—55.

Zhuravleva, I. A., Ivanov, R. V., Teterin, V. V. (2020) Zhiznennyye orientiry i strategii provint-sial'noy molodezhi [Life guidelines and strategies of provincial youth], *Sotsiologiya*, no. 2, pp. 117—127.

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2019) Samoregulatsiia smyslozhiznennykh tsennostey v kul'turnom prostranstve molodezhi [Self-Regulation of life purpose values in youth cultural space], *Vestnik Instituta sociologii*, vol. 10, no. 4, pp. 164—186.

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2020) Zhiznennyye strategii molodezhi: realizatsiia ozhidaniy i sotsial'nye nastroyeniya [Life strategies of young people: fulfillment of expectations and social sentiments], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 3, pp. 13—41.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 25.01.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Шапвалова Инна Сергеевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, shapovalova@bsuedu.ru (Dr.Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

Чернышева Елена Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, chernysheva@bsuedu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

Заводян Ирина Сергеевна — старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, zavodyan@bsuedu.ru (Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

ПОЗДРАВЛЕНИЯ CONGRATULATIONS

**Редакционный совет и редакционная коллегия журнала
«Женщина в российском обществе»,
Научный совет РАН «Демографическое развитие и демографическая
политика Российской Федерации» и все профессиональное
сообщество от души поздравляют
профессора Юлию Альбертовну Зубок с юбилеем!**

20 апреля 2026 г. директору ФНИСЦ РАН, признанному российскому ученому в области социологии, доктору социологических наук, профессору Ю. А. ЗУБОК исполняется 55 лет.

Юлия Альбертовна — убедительный пример современной успешной Женщины — Женщины-ученого, руководителя, которая гармонично совмещает карьеру и радости семейной жизни.

Юлия Альбертовна более 35 лет беззаветно служит отечественной науке в Российской академии наук, разрабатывая сложнейшие теоретические проблемы социологии молодежи. С августа 2025 г. профессор Ю. А. Зубок руководит Федеральным научно-исследовательским социологическим институтом РАН.

Научная деятельность Ю. А. Зубок не ограничивается академическими рамками. Как признанный эксперт в области социологии она пользуется заслуженным авторитетом в научно-образовательном сообществе, на протяжении десятка лет возглавляет экспертный совет ВАК по философии, социологии и культурологии.

Профессиональное сообщество единомышленников и коллег поздравляет Юлию Альбертовну Зубок с наступающим юбилеем и желает крепкого здоровья, семейного благополучия, новых блестящих достижений в научно-исследовательской деятельности, дальнейших успехов на благо России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wings@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шведова Н. А. Искусственный интеллект и гендерное равенство: глобальные инициативы.....	3
Ребрей С. М., Александрова А. С. Возможности женщин в Индии: агентность в осевых институтах	16

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Ситковский А. М. Формирование технологий решения жилищных проблем семьи в рамках демографической политики: проблемы и перспективы.....	32
Калабихина И. Е. Как различные шоки на макроуровне могут влиять на женскую занятость	49
Астоянц М. С., Киенко Т. С. Особенности социального участия российских мужчин и женщин старших возрастов	74
Ушакова В. Г., Савин С. Д. Домашнее насилие в общественном мнении жителей современной России	88
Марков А. В., Штайн О. А. «Сохрани мою речь навсегда»: женский гербарий бессмертия.....	103
Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводян И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок (Региональный аспект).....	116
<i>Поздравления</i>	137
<i>Информация для авторов</i>	138

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

- Shvedova N. A.** Artificial Intelligence and gender equality: global initiatives..... 3
- Rebrey S. M., Aleksandrova A. S.** Women's opportunities in India:
agency in axial institutions 16

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N., Sitkovsky A. M.** Developing technologies
for solving family housing problems within the framework of demographic policy:
problems and prospects 32
- Kalabikhina I. E.** How various macro-level shocks can affect female employment 49
- Astoyants M. S., Kienko T. S.** Features of social participation among older Russian women
and men..... 74
- Ushakova V. G., Savin S. D.** Domestic violence in the public opinion
of modern Russian citizens..... 88
- Markov A. V., Shtayn O. A.** «Save my words forever»:
women as a herbarium of immortality 103
- Shapovalova I. S., Chernysheva E. A., Zavodyan I. S.** Life strategies of girls
and young women in Russia (Regional aspect) 116
- Congratulations* 137
- Information for the authors* 138

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2026

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. Н. Масленникова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Е. Е. Андреевской*

Дата размещения на сайте 30.03.2026
Формат 70x108 1/16 Уч.-изд. л. 9,79. 2,87 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ